КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ПЯТНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ LIII.

1896 г.

ІЮНЬ.

КІЕВЪ.
Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., домъ № 4.
1896.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ I-й.

		стр.
I.	ПИСЬМА ПРОТОІЕРЕЯ АРСЕНІЯ ЛЕБЕДИНЦЕВА, б. БЛАГОЧИННАГО ЦЕРКВЕЙ ЮЖНАГО БЕРЕГА КРЫМА, КЪ ПРЕОСВЯЩЕННОМУ ИННОКЕНТІЮ, АРХІЕПИСКОПУ ХЕРСОНСКОМУ И ТАВРИЧЕСКОМУ, СЪ ДОНЕСЕНІЯМИ О ХОДѢ ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВІЙ И СОСТОЯНІИ ЦЕРКВЕЙ И ДУХОВЕНСТВА ВО ВРЕМЯ 11-ТИМѢСЯЧНОЙ ОСАДЫ СЕВАСТОПАЛЯ *(Окончаніе слѣдуетъ)*.	279—306
II.	СЕРБЫ ВЪ ГЕТМАНЩИНѢ. Историческая повѣсть. **А. Полницкаго.** *(Продолженіе слѣдуетъ)*.	307—327
III.	ХАРЬКОВСКОЕ ОБЩЕСТВО БЛАГОТВОРЕНІЯ ВЪ 1812—1817 г.г. Историческій очеркъ. **В. Лапина.** *(Окончаніе слѣдуетъ)*.	328—343
IV.	ЧАСТНАЯ ПЕРЕПИСКА ИВАНА РОМАНОВИЧА МАРТОСА. (1817—1830 г.г.) **А. Лазаревскаго.**	344—368
V.	ЛѢВОБЕРЕЖНАЯ УКРАИНА ВЪ XV—XVII СТ. Очеркъ колонизаціи. **Н. М.** *(Окончаніе)*.	369—379
VI.	ЮЖНОРУССКАЯ ПАСХАЛЬНАЯ ДРАМА. **Мирона.** *(Окончаніе слѣдуетъ)*.	380—412

ОТДѢЛЪ II-й.

I.	ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ. а) Заказъ Московскаго правительства Кіево-печерской типографіи въ 1669 г. б) Средства содержанія профессоровъ Кіевской Академіи въ первой половинѣ XVIII вѣка. **Д. Вишневскаго.** в) Козачья служба въ гетманство Разумовскаго. **А. Л.** г) Къ исторіи малорусскаго духовенства. **А. Л.** д) Вниманію фотографовъ-любителей. **Н. Бѣляшевскаго.** е) Раввинскія книги временъ Хмельницкаго. Сообщ. **М Затуловскій.**	73—100
II.	БИБЛІОГРАФІЯ. а) Жизнь и труды М. П. Погодина. Ник. Барсукова. Кн. десятая. б) Отношеніе между Запорожьемъ и Крымомъ. Л. Львова. в) Bibliografia historyi polskiej. Wspólnie z dr. Henrykiem Sawczyńskim i członkami Kółka historycznego uczniów Uniwersytętu Lwow. zebrał i ułożył dr. Ludwik Finkel. Część II.—Zeczyt I. г) Г. Радкевичъ. Библіографическій указатель литературы по геологіи губерній кіевскаго учебнаго округа: кіевской, волынской, подольской, черниговской и полтавской стр. 1—73. П. А. д) Складка(.) Альманахъ(.) На спомынъ Владымыра Степановыча Александрова. Року Божого 1896. Спорудывъ К. А. Билиловськый. Выдання Левка Григора. **М. Кононенка.** КАТАЛОГЪ КНИЖНАГО СКЛАДА «КІЕВСКОЙ СТАРИНЫ» *(въ концѣ книги)*.	101—112
III.	ПРИЛОЖЕНІЕ: 1) Дневникъ генеральнаго подскарбія Якова Марковича. Часть третья. (289—304).	

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ПЯТНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ LIII

1896 г.

КІЕВЪ.
Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская улица, домъ № 4-й
1896.

Дозволено цензурою Кіевъ 1 іюня 1896 года.

Письма протоіерея Арсенія Лебединцева, б. благочиннаго церквей южнаго берега Крыма, къ преосвященному Иннокентію, архіепископу Херсонскому и Таврическому, съ донесеніями о ходѣ военныхъ дѣйствій и состояніи церквей и духовенства во время 11-тимѣсячной осады Севастополя [1].

Письмо 31-е.

Къ великому моему прискорбію, Ваше утѣшительное благословеніе и разрѣшеніе пріѣхать въ Симферополь я получилъ только 6-го іюля. Въ объясненіе этой медленности на почтѣ мнѣ сказали, что почта, которой ожидали въ субботу, получена во вторникъ вечеромъ. Не смотря на то, я, не медля, собрался въ путь, предполагая, что, м. б., Вы посѣтите еще Карасуба заръ и Ѳеодосію, и потому надѣясь Васъ встрѣтить еще въ Симферополѣ. Но въ Бакчисараѣ отъ о. Архимандрита узналъ, что напрасно буду тамъ искать Васъ.

Подорожную возвращаю съ глубочайшею благодарностію. Въ настоящее время и подорожная плохо ускоряетъ путь: отъ Дуванки до Бакчисарая я доѣхалъ на обратныхъ. Больному о. протоіерею Спиранде было лучше при моемъ посѣщеніи.

Непріятели противу насъ доселѣ не предпринимаютъ ничего важнаго. По временамъ случается и жаркая перестрѣлка, съ значительнымъ урономъ. Изъ работъ видно, что они готовятся къ новой бомбардировкѣ и штурму. Бѣглецы показываютъ, что это послѣдуетъ скоро, но что войска не хотятъ болѣе слышать о штурмѣ.

---

[1]) См. „Кіевск. Стар." 1896 г., № 4.

Въ церкви служимъ въ воскресенье, среду и пятокъ но почти безъ всякаго, наконецъ, для себя пособія отъ алтаря. Я употребляю деньги, какія есть, имѣя послѣ дать въ этомъ отчетъ.

Сухопутный госпиталь уже водворенъ на Бельбекѣ, туда же переводятъ и морской. Тамъ же большая часть и сестеръ съ главной начальницей. Вчера я былъ у нихъ тамъ. Есть много неудобствъ, главное: днемъ слишкомъ знойно, а ночью очень сыро и свѣжо.

Адмирала Нахимова похоронили также въ будущемъ храмѣ Владимірскомъ, со всею честію, чину его подобающею. На непріятельскомъ флотѣ приспущены были флаги. Должность губернаторскую пока исправляетъ контръ-адмиралъ Панфиловъ.

Сѣверная сторона находится въ вѣдѣніи военнаго начальства Сѣверной стороны. Потому, если будетъ надобность, о часовнѣ нужно отнестись къ самому главнокомандующему или къ дежурному генералу.

Говорятъ, что графъ Сакенъ будетъ замѣненъ Лидерсомъ по тому случаю, что онъ назначенъ главнокомандующимъ гренадерскимъ и гвардейскимъ корпусами. Графомъ многіе недовольны даже изъ старшихъ лицъ.

12 іюля 1755 г., г. Севастополь.

Письмо 32-е.

Благодареніе Богу, положеніе наше доселѣ твердо и надежда на прекрасный успѣхъ возрастаетъ съ каждымъ днемъ. Прислушиваясь къ говору офицеровъ и солдатъ, видишь во всѣхъ только желаніе, какъ бы поскорѣе открылось дѣйствіе. При нынѣшнемъ числѣ войскъ (Севастопольскій гарнизонъ простирается до 60000), и при теперешнемъ духѣ ихъ, никто не сомнѣвается въ побѣдѣ. Непріятели видимо охладѣли въ своемъ рвеніи, съ которымъ доселѣ стужали городу. Слышно (ибо объ этомъ никогда не объявляютъ), что если послѣднихъ числъ сего мѣсяца непріятели не рѣшатся на новую бомбардировку и штурмъ, къ чему уже повидимому готовы, то въ первыхъ чис-

лахъ августа со стороны нашей будутъ предприняты рѣшительныя дѣйствія къ изгнанію враговъ изъ Крыма.

Какъ благочинный, осмѣливаюсь сказать слово за священника Качинской церкви Ѳедора Кузьменкова, который, по представленію о. Михаила Родіонова, уволенъ Вами за штатъ. За этимъ старикомъ ничего предосудительнаго я не знаю. Помѣщица М. Мейеръ всегда имъ была довольна. Старикъ на Бельбекѣ имѣетъ клочекъ саду, который составляетъ все его достояніе, пріобрѣтенное во время службы въ вѣдомствѣ оберъ-священника, посему удаленіе его отъ мѣста въ настоящее время будетъ для него тяжкимъ лишеніемъ. Онъ имѣетъ жену и дочь-вдову: въ монастырѣ не можетъ быть для него пріюта. Слѣдовать въ Херсонъ, какъ предписано, за полученіемъ тамъ рѣшенія, не имѣетъ въ настоящее время средствъ. Около года онъ остается безъ всякаго почти пособія къ своему содержанію. Праздношатающимся, какъ представленъ, онъ не былъ: ибо оставилъ мѣсто не по своей волѣ. Во время четыредесятницы, съ моего вѣдома, онъ служилъ въ Біасальской церкви. Въ послѣднее время, прославъ вольнаго дьячка (штатнаго тамъ давно нѣтъ и не былъ присылаемъ по моему объ этомъ донесенію), онъ имѣлъ пребываніе на Качѣ и совершалъ въ церкви (безъ антиминса) нѣкоторыя службы, какъ совершаетъ это теперь священникъ Демишевъ. Я ѣздилъ на Качу: церковь и иконостасъ въ ней невредимы. Препятствіемъ къ служенію только то, что съ престола похищена срачица. Жителей тамъ нѣтъ; наберется десятка два дворовыхъ людей въ садахъ помѣщиковъ. На протяженіи Качи стоятъ два эскадрона гусаръ и сотня козаковъ. Служеніе въ тамошней церкви нужно только потому, что она теперь на проѣзжей дорогѣ. Во всякомъ случаѣ Демишевъ едва ли можетъ быть честнымъ гостинникомъ. Убыль въ Адмиралтейскомъ Соборѣ восполнена новыми священниками. Какъ слышно, они предъявляютъ свои права и на будущую часовню на сѣверной сторонѣ. Я молчу въ ожиданіи Вашего Архипастырскаго повелѣнія, по моему объ этомъ предметѣ рапорту. Еслибы скорѣе Господь даровалъ

намъ побѣду, то отраднѣе было бы о. Кузьменку жить на нашихъ развалинахъ и пепелищахъ.

Молитвами Вашими уповаемъ обрѣсть эту милость у Бога. Не оставьте Архипастырскимъ благословеніемъ.

О. Михаилъ Радіоновъ лично представилъ сына въ полкъ Азовскій. Вчера и сегодня онъ здѣсь.

28 іюля 1855 г., г. Севастополь.

Письмо 33-е.

Вчера вечеромъ я получилъ письмо Ваше отъ 17 іюля. Одесскія почты приходятъ къ намъ иногда въ такомъ порядкѣ, что послѣдняя изъ Одессы почта получается недѣлею раньше прежде оттуда вышедшей.

Благодарю Бога, что я не лишаюсь милостиваго вниманія Вашего, и со слезами прочелъ слова: „живъ ли я по крайней мѣрѣ“?

Причину неявки моей въ Симферополь я уже объяснилъ Вашему Высокопреосвященству въ прежнемъ письмѣ: это было слишкомъ позднее полученіе Вашего разрѣшенія на то. Уповаю, что Вы, движась Архипастырскимъ долгомъ, паки явитесь среди насъ, коль скоро услышите о пораженіи и бѣгствѣ враговъ нашихъ, часъ чего, уповаемъ, уже приблизился,—явитесь, чтобы научить насъ, какъ подобаетъ въ подобномъ случаѣ радоватися и благодарить Бога.

Всѣ войска собрались. На военномъ совѣтѣ, бывшемъ 29 и 30 іюля, положено приступить къ наступательнымъ дѣйствіямъ. Они будутъ открыты завтра, т. е. 2 августа. Благослови только, Господи! Генералъ Липранди имѣетъ занять Комарскія высоты, а князь Горчаковъ д. Чоргунъ. Дальнѣйшее движеніе будетъ зависѣть отъ успѣшнаго начала. Въ городѣ гарнизонъ свыше 60 тысячъ. На позиціи въ полѣ 74 тысячи однихъ штыковъ, кромѣ артилеріи и кавалеріи.

Вчера прибѣжавшіе переметчики предсказывали, что сегодня будетъ открыта сильная бомбардировка города, однако доселѣ (8 ч. утра) оной не послѣдовало. Вчера, впрочемъ, начавъ съ полночи, непріятели такъ много стрѣляли по городу, что не-

возможно было пройти къ утрени въ Петропавловскую церковь, ибо эта часть города преимущественно подвержена была выстрѣламъ. Въ одномъ дворѣ библіотеки пало 7 бомбъ. Вѣроятно, старались разрушить это зданіе, но нанесли вредъ только саду и стѣнамъ зданія, пораненнаго осколками.

Вчера въ 7 часовъ вечера въ большой массѣ пронеслась чрезъ городъ саранча, имѣя направленіе къ югу, т. е. въ непріятельскій лагерь, гдѣ, можетъ быть, Господь указалъ ей пищу.

Въ крестовоздвиженской общинѣ былъ непріятный казусъ: 29-го іюля одна молодая сестра, не снесши незаслуженнаго будто бы грубаго обращенія съ нею начальницы, бѣжала въ городъ и явилась на 4-й бастіонъ, ища тамъ службы или лучше смерти. По надлежащемъ усовѣщеніи и успокоеніи малодушной, я лично представилъ ее на Бельбекъ къ начальницѣ, которую съ трудомъ можно было убѣдить дать прощеніе раскаявшейся сестрѣ. Крестъ впрочемъ снятъ на недѣлю, для примѣра, въ штрафъ. Въ общинѣ характеры разные, не безъ немощей въ нѣкоторыхъ лицахъ; а начальница не хочетъ слышать объ этой разности и не желаетъ съ немощными обращаться въ духѣ кротости. Отъ того въ общинѣ никогда нѣтъ полнаго мира, тѣмъ паче—любви, которая должна быть ея союзомъ. Хотя тихо, но всегда ворчатъ.

Если завтра будетъ то, что предположено, то завтра же утромъ буду писать, что увижу. Когда вы были въ пути, мои письма не скоро могли прійти къ вамъ. Въ Одессу я уже адресовалъ два письма. Между тѣмъ доселѣ у насъ не было ничего замѣчательнаго. И вотъ причина моего молчанія, которое прерываю при всякомъ случаѣ послать какую либо вѣсть изъ Севастополя.

Сейчасъ отправляюсь на сѣверную, чтобы засвидѣтельствовать отъ имени вашего почтеніе г.г. Тетеревникову и Ползикову [1]).

1 августа 1855 г. г. Севастополь.

---

[1]) Командиръ 6-го сапернаго баталіона, въ послѣдствіи генералъ и георгіевскій кавалеръ.

Письмо 34-е.

Вчера я нарочно былъ на сѣверной, чтобы засвидѣтельствовать отъ вашего высокопреосвященства почтеніе генералу Тетеревникову и полковнику Ползикову и поблагодарить ихъ отъ вашего имени. Генералъ Тетеревниковъ приказалъ благодарить васъ за память о немъ и свидѣтельствуетъ душевное почтеніе О прекрасной палаткѣ, которую вы занимали, я замѣтилъ генералу, что преосвященный по возвращеніи домой желалъ у себя устроить такую. Онъ отвѣчалъ: зачѣмъ? Кажется, къ его высокопреосвященству будетъ отправлена палатка отсюда. Я понялъ, что этотъ подарокъ имѣетъ вамъ сдѣлать полковникъ Ползиковъ, котораго я не засталъ дома, онъ перебирался на позицію. Однако я передалъ ему поклонъ отъ васъ. О крестахъ, присланныхъ московскимъ купцомъ, обѣщали сегодня сдѣлать справку по бумагамъ.

Предположеннаго противъ непріятеля дѣйствія сегодня, неизвѣстно почему, не послѣдовало. Между тѣмъ враги исподоволь продолжаютъ громить городъ.

Въ адмиралтейской михайловской церкви, въ которой 26-го іюня вы имѣли служеніе, сегодня бомба произвела большое разрушеніе. Хоть прорвалась она среди церкви, но не уцѣлѣлъ ни иконостахъ, ни св. престолъ, который опрокинутъ съ своего мѣста. Особенно больно то, что при этомъ разсыпаны дары святые. Въ моей церкви, благодаря Богу, святое святыхъ еще не тронуто, и сегодня была въ ней литургія.

Въ михайловскую церковь попала бомба не во время служенія, и ранены только два человѣка.

11-ть часовъ утра. Что-то тихо стало. Можетъ быть, что нибудь въ Чоргунѣ и совершается, а можетъ быть и нѣтъ. Еще ничего не знаемъ.

Вчера генералъ (молодой) князь Воронцовъ раненъ у 5-го бастіона пулей въ голову. Не слышалъ навѣрное, смертельна рана или нѣтъ.

2 августа 1855 г., г. Севастополь.

Письмо 35-е.

Вчера непріятельскій флотъ былъ украшенъ флагами, по случаю тезоименитства Людовика Наполеона. Въ полдень и вечеромъ при спускѣ флаговъ былъ съ флота салютъ. По городу въ этотъ день салютовали умѣренно. Видно, враги были заняты празднествомъ.

Вечеромъ за достовѣрное стало извѣстно, что ночью войска наши оставляютъ свою позицію, чтобы къ вечеру занять Чоргунъ и Комарскія высоты. За успѣхомъ тамъ, имѣли идти далѣе и вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлать наступленіе съ города. Во 2-мъ часу ночи уже слышна была пальба за Инкерманомъ. Между тѣмъ доселѣ (11-ть часовъ дня) еще ничего не извѣстно о движеніи и успѣхѣ нашихъ войскъ. Телеграфъ дѣйствуетъ, но значеніе номеровъ сигнальныхъ извѣстно однимъ начальственнымъ лицамъ. Положилъ бы Господь враги подъ ноги наша! о чемъ я сейчасъ и молюсь въ церкви своей, никомуже предстоящу.

Мнѣ сказывали, что Государь Императоръ писалъ главнокомандующему такъ: „для Меня и для Россіи невыносимо тягостно настоящее положеніе нашихъ войскъ“, и что вслѣдствіе того князь Горчаковъ, доселѣ сонливый, говорилъ въ военномъ совѣтѣ энергически въ пользу наступательныхъ дѣйствій, которыя теперь и предприняты съ твердымъ намѣреніемъ сбросить враговъ въ море. Съ утра въ городѣ очень тихо. Въ городъ вступили, наконецъ, и ратники наши.

День сей, если онъ будетъ днемъ радостнымъ, съ утра туманенъ, съ 8-ми часовъ ясенъ; съ 10-ти поднялся вѣтеръ, теперь пасмурно и краплетъ дождикъ.

Михайловскую церковь устроятъ въ Николаевской батареѣ, хотя антиминсъ ея неподвижно данъ.

4 августа 1855 г., г. Севастополь.

Письмо 36-е.

Сколько надѣялись на успѣхъ и съ нетерпѣніемъ ожидали вѣсти о немъ, столько вечеромъ опечалились вѣстію о не-

удачѣ нашей на Чоргунѣ. Наши войска отступили съ значительной потерей. Какъ велика она и что было причиною тому, неизвѣстно еще, какъ и всѣ подробности вчерашняго дня. Объ успѣхѣ, еслибы былъ какой-нибудь, заговорили бы всѣ и вдругъ; а тутъ трудно достать и языка. Потерю полагаютъ до 7-ми и 8-ми тысячъ. Въ числѣ убитыхъ называютъ корпуснаго командира, генерала Реада и другихъ двухъ генераловъ.

Ночью обошлось безъ особенной тревоги. Съ 4-хъ часовъ утра идетъ ужасная бомбардировка доселѣ (11 ч. утра). Должно ожидать штурма.

Въ Бакчисараѣ на крестномъ ходѣ постараюсь быть. А можетъ быть къ тому времени даруетъ Господь принести взбранной воеводѣ побѣдительная. Вчерашняя неудача еще не отнимаетъ надежды на успѣхъ.

5 августа 1855 г., г. Севастополь.

Письмо 37-е.

Благодареніе Богу, Севастополь еще стоитъ. Послѣ неудачи на Чоргунѣ, 5, 6 и 7 августа мы выдержали тяжкую бомбардировку, которая, въ меньшей только степени, продолжается и теперь. Ожидаютъ штурма, но его не послѣдовало. Послѣдняя частичка города разбита окончательно. Въ самой Николаевской батареѣ не довольно безопасно: стеколъ уже довольно побито въ ней осколками.

О 4-мъ августѣ могу сообщить слѣдующія подробности. Убиты генералы Реадъ, Вревскій, Веймарнъ и Граневскій. Штабъ- и оберъ-офицеровъ потеряли 87. Неуспѣхъ нашего предпріятія зависѣлъ будто бы отъ того, что непріятели за 8 дней знали о имѣющемъ быть нападеніи. 12-я дивизія, которая ужасно пострадала, попала можно сказать прямо въ засаду, такъ что 1500 человѣкъ должны были сдаться военноплѣнными. Впрочемъ горько жалуются на дурной планъ и недостатокъ энергіи въ главнокомандующемъ. Войска шли двумя отдѣльными отрядами, когда обстоятельства требовали противнаго. Резервъ былъ далеко, когда нападавшимъ, по занятіи ими двухъ непріятельскихъ батарей, нужно было подкрѣпленіе. Артилерія и ка

валерія вовсе не были въ дѣлѣ. Разсказываютъ странную вещь: будто бы начальникъ штаба Коцебу потерялъ или забылъ дома книгу секретныхъ сигналовъ. Видѣли номера и не знали ихъ значенія. Коротко: нѣтъ у насъ главнокомандующаго. Въ такой нуждѣ сожалѣютъ о кн. Меншиковѣ.

На военномъ совѣтѣ, бывшемъ предъ 4-мъ августа, графъ Сакенъ будто бы подалъ мнѣніе оставить Севастополь. Съ нимъ былъ одного мнѣнія еще какой то генералъ. Страшно подумать, если такая тяжелая мысль прокрадывается, въ какихъ бы видахъ она ни предлагалась. Говорятъ, что мнѣнія всѣхъ членовъ совѣта отобраны на бумагѣ и посланы къ Государю Императору. Впрочемъ, говорятъ,—могутъ быть здѣсь и басни.

На дѣлѣ плана наступательныхъ дѣйствій не оставляютъ, для чего ожидаютъ 2-хъ драгунскихъ дивизій. На Бога вся надежда, когда люди плохо обнадеживаютъ.

Мостъ чрезъ бухту отъ николаевской къ михайловской батареѣ завтра, кажется, будетъ оконченъ. Это важное обстоятельство въ настоящемъ положеніи Севастополя.

Церковь для сѣверной стороны поспѣшимъ устроить. Всѣ отъ мала до велика благодарятъ васъ за разрѣшеніе. Бумага къ вамъ отъ военнаго начальства объ этомъ дѣлѣ, постараюсь, послѣдуетъ.

Раньше 135 р. сер. мною получены и употреблены по назначенію, именно туда, гдѣ наиболѣе встрѣчается нужда. Съ слѣдующею почтою я представлю росписку.

Крестовъ мы еще не получали, хотя изъ вопроса вашего въ послѣднемъ письмѣ замѣчено какъ будто они высланы сюда [1]). Вчера на панихидѣ спрашивалъ меня объ этомъ и графъ.

Вчера въ 7-мъ часовъ вечера я служилъ панихиду по адмиралѣ Нахимовѣ въ присутствіи графа Сакена, адм. Новосильскаго, почитателей и подчиненныхъ покойника. Ядра и гранаты такъ учащали надъ мѣстомъ покоища адмираловъ, что про-

[1]) По соглашенію военно-морскаго начальства съ епархіальнымъ, автору писемъ пожалованъ золотой крестъ на георгіевск. лентѣ изъ кабинета Его Императ. Величества, украшенный драгоцѣнными камнями, и священнику Демяновичу золотой крестъ на георгіевск. лентѣ, безъ украшеній.

сили отступить, сколько возможно, отъ устава великой панихиды.

О крестахъ московскихъ въ штабѣ губернатора не оказалось никакой бумаги. Спросилъ справки въ канцеляріи Мансурова, и ожидаю оттуда отвѣта.

9 августа 1855 г., г. Севастополь.

Письмо 38-е.

Пишу изъ Бакчисарая, гдѣ нахожусь съ 11-го числа, по случаю праздника Успенія.

Въ Севастополѣ, когда я оставлялъ его, ничего особеннаго не случилось: бомбардированіе города было обыкновенное.

Жителей и рынокъ съ сѣверной стороны переводятъ на Бельбекъ, гдѣ указано мѣсто на взгорьѣ, близъ бывшей Бельбекиной станціи. Тамъ уже будетъ устроена и церковь, на которую послѣдовало ваше разрѣшеніе. Объ этомъ я вошелъ бумагой къ дежурному генералу Ушакову, который обѣщалъ сдѣлать зависящее распоряженіе и меня увѣдомить. Въ тотъ же день послѣдовало распоряженіе о переводѣ жителей и рынка на Бельбекъ. Туда же переводятъ изъ города и всѣ присутственныя мѣста.

Въ успокоеніе купцамъ, которымъ разорительно новое передвиженіе, начальникъ штаба отвѣчалъ только, что того требуютъ военныя обстоятельства. Укрѣпленія сѣверныя разширяютъ и необходимо мѣсто для лагеря постоянно прибывающихъ войскъ.

Въ соборѣ бакчисарайскомъ нашелъ я чистоту и порядокъ въ служеніи, какихъ не было при старомъ настоятелѣ. Отецъ Паксимаде заботится объ устройствѣ греческаго училища и вообще видно въ немъ усердіе къ благу церкви и прихожанъ, которые имъ довольны. Впрочемъ о назначеніи его бакчисарайскимъ настоятелемъ доселѣ нѣтъ никакой бумаги ни у меня, ни у него самого. Отца протоіерея Спиранде засталъ я почти бездыханнымъ. Вечеромъ онъ на малое время очнулся, но слова его были невнятны. Медленно умирая, утромъ 16-го числа, казалось, испустилъ духъ; уже была прочтена надъ нимъ и от-

ходная молитва. Но потомъ старецъ опять ожилъ. По этому обстоятельству я упрошенъ его дѣтьми остаться до сего дня, чтобы послужить погребенію на случай смерти.

Вчера прибывшіе изъ Севастополя офицеры разсказываютъ, что 15-го числа непріятели какъ будто дѣлали попытку на штурмъ, но были отражены, что штурма впрочемъ ожидаютъ. Отъ тѣхъ же лицъ слышалъ, будто по телеграфу дано знать о выѣздѣ Государя Императора въ Севастополь, гдѣ теперь заботятся о томъ единственно, какъ бы удержать Его Величество отъ посѣщенія самого города, въ которомъ опасность на каждомъ шагу.

Два раза я посѣтилъ больныхъ и сестеръ бакчисарайскихъ и служилъ у нихъ молебенъ. Начальница очень хвалитъ усердіе и труды скитскихъ іеромонаховъ, посѣщающихъ здѣшніе госпитали.

Извѣщая васъ о полученіи 9-го августа крестовъ, я съ моимъ сослужителемъ Демяновичемъ имѣемъ случай паки и паки благодарить ваше высокопреосвященство за безмѣрную вашу милость къ намъ и повторить обѣтъ вѣчной памяти незаслуженнаго нами воздаянія.

17 августа 1855 г., г. Севастополь.

Письмо 39-е.

17-го возвратился я изъ Бакчисарая, не дождавшись смерти о. протоіерея Спиранде. Въ Севастополѣ я нашелъ довольно новаго: присутственныя мѣста и всѣ канцеляріи вышли или выведены изъ города или лучше изъ николаевской батареи, въ которой все это помѣщалось. Удалены оттуда и торговцы, удовлетворявшіе послѣднимъ нуждамъ Севастополя. Пушки, которыя смотрѣли на бухту и въ море, обращаются чрезъ окна на городъ; въ нижнемъ этажѣ этого прочнаго зданія дѣлаются мины. Весь городъ вновь покрытъ баррикадами; тѣ, которыя были прежде во многихъ мѣстахъ, сняты. Послѣдняя движимость, какъ частная, такъ и казенная, вывозится изъ города, по приказу начальства. Узнавши, что полиція предваряла о томъ и церковь петропавловскую, я вчера лично явился къ графу Са-

кену спросить, чего намъ держаться. Онъ далъ совѣтъ (приказъ—церкви не касался) вынесть святыню и церковную утварь: „могутъ непріятели прорваться въ городъ; будутъ взрывать мины; можетъ самый городъ сдѣлаться мѣстомъ сраженія. Тогда поздно будетъ спасать святыню". Вотъ мысли его сіятельства, вслѣдствіе коихъ онъ далъ совѣтъ закрыть церковь. Я засталъ графа слушающимъ всенощную дома. Онъ нездоровъ и пожелалъ говѣть. Думаю, что онъ христіански приготовляется къ рѣшительной минутѣ, которая ожидаетъ насъ.

Извѣстились, будто бы у непріятелей готовъ планъ отчаяннаго нападенія на Севастополь всѣми силами. Желаютъ прежде завладѣть корабельной слободкой, и оттуда, также съ моря, громить городъ. У насъ будто есть мѣра уступить непріятелю 4-й бастіонъ, и потомъ, взорвавъ его на воздухъ, открыть путь непріятелю въ городъ, гдѣ умереть или побѣдить. Впрочемъ пути человѣческіе и мысли далеки отъ мыслей Божіихъ.

Жители и базаръ слѣдуютъ сегодня на Бельбекъ. Сейчасъ отправляюсь служить напутственный молебенъ и вмѣстѣ съ ними на Бельбекъ, чтобы видѣть мѣсто церкви и потомъ приступить къ устроенію оной. Благословите! Съ слѣдующей почтой извѣщу о ходѣ дѣлъ.

19 августа 1855 г., г. Севастополь.

Письмо 40-е.

20 августа ядро сдѣлало большой проломъ въ потолкѣ Петро-Павловской церкви. Утварь и вся движимость церковная отправлена мною на сѣверную сторону. Иное оставляю для церкви на базарѣ, иное имѣю отправить въ Бакчисарай. Снимать иконостасъ нашелъ я неудобнымъ, а сняты только иконы, которыя живописи академической.

Не всѣ изъявили согласіе селиться на вновь отведенномъ мѣстѣ у Бельбека. Многіе, отказываясь отъ всякаго интереса и риску, а болѣе опасаясь зимы, слѣдуютъ далѣе. Не знаю, будемъ ли имѣть возможность держаться при горсти разоренныхъ поселенцевъ. Обратите, ваше высокопреосвященство, отеческое

вниманіе на наше положеніе, которое день отъ дня становится безотраднѣе.

21 числа освящали мѣсто, отведенное для базара. Мѣсто для церкви отведено въ центрѣ торговаго квартала. Въ тотъ день только занимали мѣста. Для церкви нашей предлагаютъ палатку бѣлостокскаго полка, который на Кавказѣ. Пусть прежде населяется базаръ и колонія: палатку церковную можно поставить въ одинъ день.

Ни непріятели намъ, ни мы имъ въ послѣдніе (дни) не сдѣлали ничего особеннаго. Городъ продолжаютъ бить, и въ гарнизонѣ убыль всегда значительна. Изъ города продолжаютъ вывозить всякую движимость; между прочимъ мысль о совершенномъ оставленіи города не подтверждается. Все это, говорятъ, дѣлается изъ предосторожности только.

Слухъ о путешествіи къ намъ Государя Императора затихъ. Это кажется не болѣе, какъ желаніе и гласъ края, находящагося въ крайнихъ обстоятельствахъ.

Всѣ флотскіе іеромонахи получили золотые кресты на георгіевской лентѣ; тѣмъ же, которые имѣли сіи кресты за Синопъ, данъ орденъ 3-й степени Анны. Соборнымъ 4-мъ священникамъ пожалованы ордена 2-й степени св. Анны. Ничего не получили іеромонахи Пахомій (по недостоинству) и Иннокентій инкерманскій, который потому обойденъ, что не состоялъ по флоту. Съ декабря мѣсяца прошедшаго года онъ постоянно трудится при морскомъ госпиталѣ, гдѣ труждаются и сестры, и труды его хорошо извѣстны начальницѣ кресто-воздвиженской общины.

Слышу, что протоіерей Спиранде умеръ 18 августа. Въ присутствіи тамъ о. архимандрита, безъ меня могли обойтись при погребеніи. Потому я не велѣлъ давать мнѣ о томъ знать.

23 августа 1855 г., г. Севастополь.

Письмо 41-е.

(Отрывокъ письма безъ означенія мѣсяца и года и безъ подписи).

Севастополь, кажется, болѣе не существуетъ и на бумагѣ. Ибо всѣ управленія, какъ губернаторское, такъ и комендант-

ское, закрыты; городовыя присутственныя мѣста, а также полиція упразднены. Служащія лица объявлены свободными отъ своихъ должностей.

Въ военныхъ дѣйствіяхъ, кромѣ передвиженія полковъ, ничего не замѣтно. Войска сосредоточиваются на Черной рѣчкѣ, и расположены такъ: центромъ на Микензіевой горѣ командуетъ Липранди, правымъ флангомъ и сѣвернымъ укрѣпленіемъ—Сакенъ, а лѣвымъ Сухозанетъ.

Священникъ Демяновичъ желалъ бы поступить въ Симферопольскій соборъ, гдѣ говорятъ, есть священническая вакансія.

Прошеніе Демишова, извиняюсь, пропало на пристани, по случаю взрыва баркаса съ порохомъ, причемъ разбитъ былъ сундукъ мой.

Съ разсвѣтомъ можно ожидать и штурма. Я всталъ пораньше, полагая, что тогда будетъ не до письма. 24-го августа съ разсвѣтомъ открыта непріятелями новая бомбардировка. Объ ужасахъ оной не стану говорить. Чѣмъ долѣе непріятели къ этому варварству приготовляются, тѣмъ становятся превосходнѣе въ этомъ дѣлѣ. Послѣдняя бомбардировка отличается отъ прочихъ особыми пріемами. Начинаютъ залпами съ орудій по всей линіи. Въ 10-ть часовъ опять залпами, предъ тѣмъ какъ бы затихли. Въ 5-ть часовъ, послѣ умѣреннаго на часъ отдыха, опять ужасъ залповъ. 26-го августа—день Бородинской битвы. Ужели и здѣсь отступимъ, какъ ни славно дрались за Севастополь? Сохрани Господи! Впрочемъ, вчера не замѣтно никакихъ распоряженій, по коимъ можно было бы бояться сего.

Вчера я изъ Бакчисарая, куда я ѣздилъ на нѣсколько часовъ, чтобы найти мѣсто для церковнаго имущества и архива, что все почти на сѣверной. Потому не былъ свидѣтелемъ пожара транспорта „Березина“. Онъ зажженъ непріятелями. Транспортъ былъ большаго ранга и пожаръ былъ, говорятъ, величественъ. Отъ него большой опасности подвергался корабль „Марія“ и самый мостъ; къ счастію съ большими усиліями это предотвращено.

Я уже писалъ, что въ церкви Петропавловской разбитъ потолокъ. Вчера разбиты два колокола, съ поврежденіемъ самой колокольни.

Для церкви на базарѣ Сѣверномъ отпущенъ наметъ церкви Бѣлостокскаго полка. Къ воскресенью церковь будетъ готова. Я представлялъ къ сей церкви только священника Демяновича, располагая самъ оставаться, пока Господь терпитъ грѣхамъ, при Петропавловской. Теперь куда мнѣ дѣваться? Туда же? Сегодня я намѣренъ выйти изъ города, гдѣ, наконецъ трудно найти и сухой кусокъ хлѣба. Всѣ вышли на Сѣверную и все на Сѣверной. Послѣ Николаевской батареи, которую я оставилъ по крайнему тамъ стѣсненію, послѣднихъ два мѣсяца я жилъ въ минѣ, въ одномъ дворѣ, неподалеку отъ церкви, откуда и пишу, не обращая вниманія на громъ ночной бомбардировки [1]).

Подробности 4-го августа, о которомъ я писалъ уже и о которомъ опять спрашиваете, таковы, что объ нихъ совѣстно разсказывать. Разсуждали будто бы хорошо, а сдѣлали иначе. Одинъ только Липранди сдѣлалъ свое дѣло, а потомъ съ горестью смотрѣлъ на пораженіе бывшей его 12-й дивизіи, которое произошло вслѣдствіе новыхъ распоряженій главнокомандующаго на мѣстѣ. Движеніе нашихъ войскъ наиболѣе затруднено дурными мостами. Говорятъ, что генералъ Вревскій пораженъ именно въ тотъ моментъ, когда прискакалъ къ главнокомандующему съ вѣстію о дурномъ оборотѣ дѣла и обратился къ нему съ упрекомъ. Всю вину, конечно, слагаютъ на покойника, т. е. Реада. Убито генераловъ 3, ранено 7. Всего потерю по-

---

[1]) Въ Николаевскую батарею авторъ писемъ перешелъ, спасшись чудеснымъ образомъ отъ смерти въ своей церковной квартирѣ, разрушенной бомбою въ 12 часовъ ночи. Проснувшись предъ этимъ отъ сильной жажды, онъ вышелъ изъ своей комнаты, въ которой спалъ, для безопасности, на полу, у стѣны, ниже подоконника, но лишь только перешелъ черезъ сѣни въ кухню, бомба влетѣла въ его спальню и, лопнувши здѣсь, разрушила, половину дома, причемъ осколкомъ ранила въ ногу спавшаго въ сосѣдней квартирѣ малолѣтняго сына священника Демяновича. Сожителями протоіерея А. Л—ва въ минѣ, были два мичмана, изъ коихъ одинъ, нынѣ вице-адмиралъ Вейсъ, былъ недавно Севастопольскимъ город. головой.

лагаютъ въ 8 тысячъ. Полки Азовскій, Одесскій и Украинскій почти не существуютъ.

Слышно, будто бы отвѣтъ Государя Императора на вопросъ о трудности защиты города, послѣдовалъ таковъ: „ни шагу отъ Севастополя".—Нашъ лѣвый флангъ сильно ослабленъ; 2-й бастіонъ совершенно разбитъ и молчитъ. Корниловъ бастіонъ также сильно поврежденъ. Какъ валятся люди и офицеры, нечего и говорить. На Бога одного надежда, всѣ твердятъ одно. И благодареніе Богу, что эта мысль никого не оставляетъ.

Дѣти протоіерея Спиранде удерживаютъ въ наслѣдіе крестъ, пожалованный отцу. Что съ ними дѣлать [1])?

При запечатаніи письма было 9 часовъ утра. Штурма не послѣдовало; бомбардировка не ослабѣваетъ. Съ ранеными едва могутъ управляться. Число убитыхъ далеко заходитъ въ сутки(?)

26 августа 1855 г., г. Севастополь, 2-й часъ по полуночи.

Письмо 42-е.

Севастополь оставленъ.

Мнѣ кажется, что удобнѣе оплакивать, чѣмъ описывать это тяжко печальное событіе. Омытый кровію, прославленный мужествомъ, обратившій на себя взоръ всего свѣта, затмившій славою всѣ города, какіе когда-либо были осаждаемы, онъ—этотъ знаменитый и вмѣстѣ злополучный городъ, наконецъ, оставленъ нами. Мы не могли ожидать сего; едвали могли ожидать сами непріятели, того желавшіе.

27-го августа, съ разсвѣтомъ, бамбардировка города открылась также залпами, какъ и въ предшествовавшіе три дня. День былъ ясный, но чувствительно холодный. Вѣтеръ сѣверный дулъ сильно и распространялъ въ городѣ пожаръ, произведенный непріятельскими снарядами. Екатерининская улица горѣла справа и слѣва. Къ вечеру пожаръ достигъ Петропавловской церкви и остановился на церковномъ домѣ, не коснувшись

[1]) Такъ называемые Синодальные кресты, жалуемые духовнымъ лицамъ, въ то время, по смерти сихъ лицъ, отсылались въ св. Синодъ чрезъ консисторію.

самой церкви. Никто не тушилъ пожара и не обращалъ на него вниманія. Вся дѣятельность была обращена на спасеніе не стѣнъ, а того, что было въ стѣнахъ—казеннаго и частнаго. На мосту не было прохода отъ повозокъ, слѣдовавшихъ съ багажемъ наемнымъ, мебелью и другою частною собственностію. Кто везъ, кто сносилъ ношу на своихъ плечахъ. Графская пристань была завалена подобнымъ же грузомъ для отправленія его на гребныхъ судахъ на Сѣверную. Здѣсь я сложилъ вчера иконостасъ Петропавловской церкви, и при немъ въ сундукѣ то, что изъ вещей, по важности или необходимости, должно было имѣть при себѣ, подъ своею рукою и смотрѣніемъ. Мнѣ нужно было поспѣшить на Сѣверную, чтобы тамъ найти людей для принятія вещей съ берега, и потому, въ ожиданіи обѣщаннаго баркаса, я пошелъ на Сѣверную по мосту, оставивъ при складѣ человѣка. Не дождавшись вещей на Сѣверной и до ночи, которую въ первый разъ ночевалъ здѣсь, я съ разсвѣтомъ побѣжалъ въ городъ, чтобы узнать причину такого замедленія. Но на Графской пристани я нашелъ лишь куски золоченыхъ рамъ отъ мѣстныхъ иконъ, а иконы разбросанныя и поврежденныя; подобравъ нѣсколько бумагъ и книгъ, коихъ не сожгло пламенемъ или не занесло импетомъ, также поднялъ часть бѣлья и одежды, кѣмъ то сложенной въ уцѣлѣвшую часть сундука, м. б. изъ состраданія; сторожа я не нашелъ: онъ былъ раненъ или убитъ. Къ прискорбію, не нашелъ его ни на перевязочномъ пунктѣ, ни въ палатахъ, ни даже въ спискахъ раненыхъ[1]). Причиною гибели оставленнаго мною имущества былъ взрывъ двухъ баркасовъ съ порохомъ, приставшихъ къ пристани, въ одинъ изъ которыхъ попала непріятельская ракета. Разрушенію подверглись не только пристань и парадная каменная лѣстница съ тріумфальною аркой и двумя домиками, къ

[1]) Между разбросанными остатками бывшаго въ сундукѣ скуднаго моего имущества уцѣлѣли, къ счастію, двѣ дорогія для меня иконы: икона Божіей Матери (благословеніе моихъ родителей, поврежденная кускомъ мѣди, который и остался въ ея рукѣ, держащей младенца Іисуса; другая икона Божіей Матери (благословеніе родителей моей жены)—осталась невредимою, хотя кіотъ и рама разбиты. Храню эти св. иконы, какъ единственное имущество, спасенное изъ Севастополя и какъ благословеніе въ родъ и родъ.

ней принадлежавшими, но даже тяжелыя, лежавшія на пристани орудія, изъ коихъ одно разорвано на части, а другое заброшено на вторую террасу. Одна изъ мраморныхъ статуй, служившихъ украшеніемъ пристани, поверглась съ своего мѣста и разбилась. Уцѣлѣвшія колонны были обрызганы кровію людей, погибшихъ при этомъ взрывѣ, причемъ убитъ и штабъ-офицеръ, завѣдывавшій переправою. Въ огромномъ зданіи Николаевской батареи отъ сего взрыва не уцѣлѣло ни одного окна. Одна изъ тамъ живущихъ сестеръ Крестовоздвиженской общины ранена стекломъ. Нечего было плакать мнѣ о своемъ несчастіи, когда оно было не мое одно и постигло многихъ. Какъ бы въ убѣжденіе, что отъ несчастія, коему надлежало подвергнуться, нельзя уйти, на Сѣверной мнѣ разсказали другой случай, съ купцомъ Носовымъ. Онъ уже успѣлъ переправить и сложить товары свои на Сѣверной пристани. Непріятельская бомба и тамъ настигла его, и все разметала или пустила на воздухъ. Итакъ возвращаюсь къ общему горю, постигшему насъ 27 августа.

Въ 10-ть часовъ повторились залпы, и еще чрезъ два часа бомбардировки усиленной, ровно въ полдень послѣдовалъ штурмъ. Съ Сѣверной стороны можно было наблюдать линію только отъ перваго бастіона по 3-й включительно. Городъ покрытъ былъ страшнымъ дымомъ пожара, и препятствовалъ видѣть, что дѣлалось на городской линіи. Уже въ 5-ть часовъ по полудни, когда пригнали изъ города въ Сѣверное укрѣпленіе болѣе ста человѣкъ французовъ, взятыхъ въ плѣнъ у 5-го бастіона, мы узнали, что штурмъ Севастополя былъ всеобщій, и что отъ города непріятели на всѣхъ пунктахъ были счастливо отражены. Даже въ Корабельной Слободкѣ, на которую преимущественно онъ былъ направленъ, непріятели имѣли успѣхъ неважный. Отъ 1 и 2 бастіоновъ они были отбиты, 3-й бастіонъ, страшно обезсиленный продолжительнымъ бомбардированіемъ, также съ успѣхомъ отразилъ англичанъ, три раза устремлявшихся на штурмъ его. Между бастіонами 2-мъ и Корниловскимъ, между симъ и 3-мъ у насъ были двѣ параллельныхъ линіи съ батареями; первою изъ нихъ непріятели завладѣли при первомъ натискѣ, но со второй мы защищались успѣшно, и до захода солнца

они не подвинулись впередъ ни на шагъ. Въ добавокъ, на линіи между 2-мъ и Корниловскимъ бастіонами они подверглись взрыву нашей мины, тоже и на самомъ Корниловскомъ бастіонѣ, которымъ успѣли завладѣть и водрузить на немъ свое знамя уже въ первомъ, кажется, часу. Но часть того же бастіона была въ рукахъ нашихъ до вечера, гдѣ и происходила сильная борьба. Съ утра войска проходили съ Сѣверной въ городъ, и казалось, ихъ тамъ было очень довольно, чтобы противопоставить силу силѣ. Больно было видѣть непріятельское знамя на томъ бастіонѣ [1]), который сами непріятели прославили неприступнымъ, который стоилъ жизни лучшимъ защитникамъ Севастополя съ Корнилова до Нахимова. Мы не спускали глазъ съ этого пункта, чтобы не пропустить, какъ бросятся туда свѣжія войска и опрокинутъ вражеское знамя. Но и до вечера наша надежда и наше желаніе не исполнились. Мы возвратились по своимъ норамъ, а большая часть подъ кровъ небесный, который одинъ теперь вмѣстителенъ для неимѣющихъ крова, возвратились печальными, но еще съ нѣкоторою надеждою на лучшее.

Въ 10-ть часовъ ночи на 28-е число послѣдовалъ приказъ объ отступленіи изъ Севастополя. Можетъ быть, такое рѣшеніе состоялось и раньше, но только въ эту ночную пору оно сдѣлалось общеизвѣстно. Я ночевалъ въ блиндажѣ на одномъ изъ Сѣверныхъ редутовъ, и мы уже спали, какъ къ командиру редута явился адъютантъ коменданта съ этою печальною вѣстію и вмѣстѣ съ приказаніемъ калить ядра и быть въ готовности къ отраженію бомбардировки съ непріятельскаго флота, который, по достовѣрнымъ извѣстіямъ, имѣлъ открыть ее ночью или съ разсвѣтомъ. Тотъ-часъ на редутѣ пробита тревога и всякъ былъ на своемъ мѣстѣ. Тутъ было не до сна и мнѣ, не имѣющему никакого назначенія на редутѣ. Чрезъ полчаса времени входитъ въ блиндажъ офицеръ съ 9-го бастіона (братъ командира редута). Прежде чѣмъ поздоровался съ братомъ своимъ, онъ остановилъ слезящій взоръ предъ иконою, и положилъ три земныхъ поклона, громко благодаря Бога за спасеніе жизни. Тутъ я

[1]) Что на Малаховомъ курганѣ.

понялъ, что для многихъ отступленіе изъ Севастополя, какъ освобожденіе отъ челюстей смерти, было несказанною радостію. Онъ сказалъ намъ, что войска отступаютъ съ наступленіемъ темноты, что на мосту страшная тѣснота, что онъ—военный офицеръ—едва выпросилъ мѣсто на баркасѣ, шедшемъ съ грузомъ вещей какого-то начальника. Я вышелъ къ дорогѣ и, можно сказать, не наблюдалъ, а прислушивался къ этому отступленію: такъ было темно на дворѣ. Дѣйствительно, въ говорѣ людей слышалось болѣе радости, чѣмъ грусти. Слышались и слова сожалѣнія о пролитой крови, о павшихъ товарищахъ. Суетились и кричали объ отставшихъ людяхъ или забытыхъ, нужныхъ вещахъ. Но всякъ видимо ускорялъ шаги отъ бывшей бѣды и шелъ какъ бы на вѣрный отдыхъ. По городу носились бомбы, не смотря на то, что онъ весь почти былъ въ пламени, который распространяли наши охотники, къ тому отъ начальства уполномоченные. Зажигались дома, преимущественно казенные и частные богатые; отъ нихъ силою вѣтра пламя передавалось и другимъ зданіямъ. Съ нашихъ батарей также видны и слышны были выстрѣлы, хотя на батареѣ было оставлено для сего по одному и по два орудія. Прочія велѣно было при отступленіи заклепать, пока послѣдуетъ сигналъ заклепать остальныя орудія и отступить всей командѣ. Въ полночь начались взрывы минъ на бастіонахъ и батареяхъ. Они производились съ значительными промежутками времени, и вѣроятно оставляли непріятеля въ большомъ недоумѣніи. Только при взрывѣ батарей приморскихъ, 10-й и Александровской (это было уже съ разсвѣтомъ), могъ догадаться непріятель, въ чемъ дѣло. Впрочемъ до 10-ти часовъ, когда разведенъ былъ мостъ, въ городѣ непримѣтно было присутствіе враговъ. Послѣднимъ оставилъ его начальникъ гарнизона, графъ Сакенъ, который выѣхалъ верхомъ въ сопровожденіи своего штаба. Потомъ замѣтили бродившихъ по городу гостей, но это были, кажется, охотники и мародеры. Настоящаго вступленія въ оставленный нами городъ непріятели не дѣлали даже на другой день. Вечеромъ, вѣроятно, пьяные бродяги трезвонили въ колокола Петропавловской церкви, которыхъ уцѣлѣло всего два.

Много было дней печальныхъ для Севастополя въ послѣднемъ годѣ, но не было дня болѣе печальнаго какъ тотъ, въ который погребенъ Севастополь подъ развалинами своими. Военнаго покойника напутствуютъ въ могилу залпами пушекъ и ружей. Севастополь напутствовалъ себя въ свою могилу собственными залпами, которыхъ громче и страшнѣе отъ вѣка никто не слышалъ. Здѣсь былъ и свой дымъ кадильный, котораго не представить ни одному живописцу, если онъ не былъ свидѣтелемъ тѣхъ страшныхъ облаковъ, кои новымъ, какимъ-то грознымъ небомъ висѣли надъ Севастополемъ. Здѣсь были и свои слезы—это волны моря, которое само содрагалось при взрывѣ береговыхъ укрѣпленій и обливало родные берега волнами, бывшими слѣдствіемъ страшнаго сотрясенія. Если упоминать и о зрителяхъ его послѣдняго исхода, то и въ числѣ многочисленныхъ враговъ, здѣсь бывшихъ, можетъ быть, многіе возвращались отъ страшнаго зрѣлища, біюще въ перси своя.

Прости Севастополь!

Потеря наша была неизвѣстна, какъ неизвѣстны причина отступленія и планъ будущихъ дѣйствій. Корабли и всѣ парусныя суда были потоплены въ ночь отступленія; но пароходы, какъ движущіяся батареи, еще оставались и стояли у пристани Сѣверной стороны. Нѣкоторымъ морскимъ экипажамъ велѣно слѣдовать въ Николаевъ. Іеромонахи, какъ слышалъ, при экипажахъ признаются излишними и будутъ распущены. Впрочемъ формальнаго распоряженія объ нихъ не послѣдовало. Всѣ толпились въ Сѣверномъ укрѣпленіи, и никто не находилъ пріюта. Не имѣя покойнаго угла, чтобы извѣстить Васъ о своемъ положеніи и сказать вся бывшая, я рѣшилъ поѣхать въ Бакчисарай, откуда, съ первою почтою, послѣ Севастополя, пишу объ этомъ.

Флотъ непріятельскій расположился противъ Бель-бека съ Сѣверной стороны, но ничего не предпринималъ еще. (Не означено мѣсяца и года).

Письмо 43-е.

Не судите и милуйте меня. О себѣ впрочемъ я умолчу пока не успѣю дать во всемъ возможный отчетъ.

Я прежде всего прошу о причтѣ моемъ, который давно почти безъ куска хлѣба. Военные священники, получая обыкновенное ихъ жалованье, по военному времени получали и дополненіе, равносильное жалованью. Мы, въ продолженіе года неся всю тяготу военнаго времени, въ теченіе всего года постепенно подвергались только лишенію, пока наконецъ не лишились всего. Я повторяю мысли причта, который выставлялъ мнѣ положеніе свое именно въ этомъ сравненіи.

Церковь на базарѣ, при всемъ моемъ стараніи объ этомъ, доселѣ не устроена—то за переводомъ оттуда базара на другое мѣсто, то за медленнымъ переселеніемъ туда жителей, то наконецъ, за перепиской о выдачѣ церковной палатки. Вчера она должна была быть выдана, и я, уѣзжая, поручилъ хлопотать объ этомъ о. Александру Демяновичу, которому и назначено быть при этой церкви. Но Богъ вѣсть, не разойдется ли теперь эта колонія. Прежде жили и въ полѣ, въ надеждѣ рано или поздно возвратиться въ Севастополь. Теперь нѣтъ этой надежды. Богъ вѣсть, что повлечетъ за собою оставленіе самого Севастополя. Осень наступаетъ холодная, далѣе можетъ быть и зима будетъ за грѣхи суровая. Ничего не предвидится утѣшительнаго. Какъ же намъ на авось держаться въ степи, послѣ годичнаго испытанія въ огнѣ? Священника Демяновича особенно затрудняетъ то, что при немъ малолѣтніе дѣти, для коихъ нужна прислуга, которой при кочевомъ бытѣ нельзя имѣть [1]). Онъ радъ бы, какъ говоритъ, мѣсту и въ какой-нибудь деревнѣ. Діаконъ очень слабъ здоровьемъ, чтобы продолжать подобную жизнь. О діаконѣ и дьячкахъ братьяхъ Топузовыхъ осмѣливаюсь просить ваше высокопреосвященство, чтобы они были награждены за Севастополь. Меньшой Топузовъ, какъ знающій хорошо пѣніе, могъ бы быть діакономъ намъ, гдѣ нуженъ вмѣстѣ и регентъ; голосу же діаконскаго онъ не имѣетъ. Мѣста для нихъ тѣмъ болѣе необходимы, что эти братья поддерживаютъ мать съ четырьмя другими дѣтьми.

Я пріѣхалъ въ Бакчисарай на 3 дня, чтобы заняться нѣкоторою отчетностію. За казенную потерю на графской приста-

[1]) Особенно затрудняетъ его раненный сынъ, который и много стоитъ ему.

ни не по своей винѣ, не гнѣвайтесь. Я буду стараться всячески о вознагражденіи оной, если мнѣ Господь поможетъ.

31 августа 1855 г., г. Бакчисарай.

Письмо 44-е.

Я сейчасъ изъ подъ Севастополя, откуда переведенъ и полевой почтамтъ въ Бакчисарай.

Я провелъ тамъ около сутокъ, и ни одного выстрѣла ни съ той ни съ другой стороны не было. Говорятъ, что непріятели при послѣднемъ штурмѣ, въ который ввели 97 тысячъ, потеряли до 50 тысячъ. Они сами уже отступали, но мы своимъ отступленіемъ поспѣшили образумить ихъ и остановиться. Флотъ непріятельскій отъ сѣвернаго укрѣпленія опять потащился къ Камышевой бухтѣ. Сказывали, будто непріятели присылали за ключемъ Севастополя и флагомъ, и что мы еще будемъ имѣть съ ними дѣло.

И послѣ пожара и послѣ страшныхъ взрывовъ Севастополь издали кажется цѣльнымъ городомъ. Въ зданіяхъ погорѣло дерево, пали крыши, а каменныя стѣны представляютъ видъ города. Николаевская батарея, кажется, нисколько не пострадала; непріятели очень могутъ воспользоваться ею противъ насъ. Впрочемъ, работъ у нихъ никакихъ не видно. На пристани графской они поставили нѣсколько мортиръ, изъ которыхъ стрѣляли, кажется, для пробы только. У александровскихъ казармъ, что надъ новымъ адмиралтействомъ, поставлены полевыя орудія. На Малаховомъ курганѣ вертится телеграфъ.

Дѣйствій съ нашей стороны никакихъ пока, о планѣ оныхъ также никто ничего не знаетъ. Въ сѣверномъ укрѣпленіи оставленъ небольшой гарнизовъ изъ моряковъ 2 дивизіи, находящейся на Инкерманскихъ высотахъ. Значительная часть войскъ подвинута къ Евпаторіи.

Палатки для церквей намъ не успѣли выдать, онѣ сгорѣли въ городѣ. Болѣе нѣтъ въ запасѣ. Вчера я былъ въ главной квартирѣ, чтобы узнать, будетъ ли и зимой существовать этотъ временный городъ въ полѣ и есть ли надобность теперь въ церкви. Дежурный генералъ затруднился отвѣчать мнѣ, и

совѣтовалъ лучше не начинать этого дѣла. Можетъ быть, завтра послѣдуетъ миръ, прибавилъ онъ, и надобность минуется. По крайней мѣрѣ вѣрнаго, положительнаго я ничего не могу сказать.

Что сказать вамъ объ этомъ рынкѣ, на которомъ прежде была потребность въ церкви? Вслѣдствіе перевода его на новое мѣсто, многіе предпочли удалиться въ городъ. Вслѣдствіе отправленія морскихъ командъ въ Николаевъ, туда же слѣдуютъ и семейства ихъ. Наконецъ близость зимы гонитъ отсюда и тѣхъ, которые терпѣливо переносили зной лѣта, въ надеждѣ возвратиться въ Севастополь. Теперь только немногихъ удерживаетъ одна надежда на барышъ, пока расположены тутъ войска. Говорятъ, впрочемъ, что главная квартира на зиму будетъ переведена въ Бакчисарай. И такъ, хотя и есть тамъ потребность въ священникѣ, но прошла нужда въ церкви. Можно имѣть тамъ часовню и быть священнику, но не могу представить положенія его, если тамъ оставаться безъ особаго денежнаго пособія. Я былъ на самомъ базарѣ талъ, который и открытъ, какъ уже писалъ я, съ священнымъ молитвословіемъ и спрашивалъ: нуженъ ли теперь священникъ? Мнѣ отвѣчали словами: „грѣхъ вамъ будетъ, если вы оставите насъ“. Я обѣщалъ чрезъ день возвратиться, въ ожиданіи впрочемъ вашего архипастырскаго распоряженія. Священникъ Демяновичъ съ малолѣтними дѣтьми не можетъ тамъ оставаться на зиму.

Духовенство адмиралтейскаго собора откомандировано къ таковому же въ Николаевъ. Флотскимъ іеромонахамъ, согласно ихъ желанію (котораго не понимаю), даны билеты въ Кіевъ, гдѣ будутъ ожидать распоряженія отъ оберъ-священника. Всему этому духовенству даны прогоны и подорожныя по казенной надобности.

Отецъ архимандитъ Геронтій выслалъ игумену Георгію собственныхъ его денегъ, оставшихся съ вещами въ монастырѣ, 500 руб. Болѣе ничего особеннаго не знаю. Не лишите вашего архипастырскаго благословенія.

3 сентября 1855 г., г. Бакчисарай.

Письмо 45-е.

Ничего новаго на сей разъ не имѣю сообщить вашему высокопреосвященству. На всемъ печать пасмурной осени, какъ будто и въ военныхъ дѣйствіяхъ прошло время жатвы и дѣланія.

Дождь и градъ задержали меня отъ второй поѣздки подъ Севастополь. Вмѣстѣ поднялась высоко и цѣна дилижансамъ. Сколько бы ни было пассажировъ, извозчикъ наровитъ взять 20 руб. въ одинъ конецъ. Это вслѣдствіе того, что многіе теперь пускаются въ путь изъ Крыма.

Между тѣмъ 7-го числа пріѣхавшій изъ-подъ Севастополя купецъ Сребренниковъ, который особенно хлопоталъ о церкви на базарѣ, привезъ мнѣ извѣщеніе, что теперь рѣшительно нѣтъ тамъ надобности въ церкви. Я уже писалъ, что съ Севастополемъ потеряли надежду возвратиться въ свое жилище, многіе не пожелали селиться на вновь отведенномъ для базара мѣстѣ. Теперь же, по случаю перехода главной квартиры къ Бакчисараю или въ самый Бакчисарай, всѣ, даже имѣющіе интересъ торговый, поколебались въ намѣреніи оставаться на зиму и ищутъ болѣе постояннаго пристанища. Коротко: эта колонія разбѣгается.

Въ Бакчисараѣ приказано заготовить много квартиръ для лицъ, составляющихъ штабъ главнокомандующаго. Самому князю назначается квартира въ домѣ генеральши Бухариной, что въ 10 шагахъ отъ собора. Изъ двухъ причетниковъ—пономарь Березовскій [1]), недавно туда назначенный,—не можетъ быть на клиросѣ, ибо не умѣетъ еще ни читать, ни пѣть. Между тѣмъ доходы по собору, съ поступленіемъ туда о. Паксимаде, когда стали ихъ вносить въ книгу вѣрно, бываютъ въ мѣсяцъ выше 200 руб. сер., въ августѣ же мѣсяцѣ было въ кружкѣ 300 р. сер. Такъ измѣнилось отъ умноженія населенія и близости арміи значеніе бакчисарайскаго собора. Потому, если дѣйствитель-

[1]) Пономаря Березовскаго лучше бы послать въ монастырь, гдѣ бы онъ приготовился сколько нибудь къ причетнической должности, а жалованьемъ штатнымъ и кружкой пусть бы пользовался достойный.

но главная квартира будетъ въ Бакчисараѣ, то въ соборѣ можно и справедливо бы прибавить одного причетника или двухъ, удаливъ безграмотнаго. Я осмѣливаюсь рекомендовать моихъ, теперь безмѣстныхъ причетниковъ—братьевъ Топузовыхъ.

Впрочемъ, Богъ вѣсть, что породитъ завтрашній день. Иные, послѣ паденія Севастополя, не вѣрятъ безопасности въ Бакчисараѣ или вообще въ Крыму, и выѣзжаютъ далѣе. По такому будто бы опасенію отправили семейства свои изъ Бакчисарая здѣшній городничій, почтмейстеръ и другіе. Конечно, въ войнѣ случайностей много.

Послѣ обуреванія севастопольскаго, мы обрѣли для себя не бурное и тихое пристанище въ насажденномъ десницею вашею Успенскомъ скитѣ, гдѣ, по милости о. архимандрита, призрѣвшаго насъ, имѣемъ пріютъ и столъ. Долгомъ считаемъ благодарить за сіе преимущественно васъ, милостивый архипастырь и отецъ! Здѣсь, кромѣ меня, живутъ священникъ Демяновичъ съ дѣтьми и діаконъ. Причетники пошли къ матери въ Балтачакранъ.

Сейчасъ возвратившійся изъ города священникъ Демяновичъ удостовѣряетъ, что дѣйствительно главная квартира переводится въ Бакчисарай и что на воротахъ дворовъ есть надписи, гдѣ какая канцелярія и проч.

10 сентября 1855 г., г. Бакчисарай.

Письмо 45-е.

13-го сентября я былъ подъ Севастополемъ, куда ѣздилъ для того собственно, чтобы явиться г-ну Пирогову, который хотѣлъ меня видѣть по дѣламъ общины крестовоздвиженской. Ему и г-жѣ Хитрово великая княгиня поручила вникнуть въ состояніе общины и представить, что необходимо нужно сдѣлать для ея улучшенія. Поводомъ къ сему было то, что до ея высочества доходили и невыгодные слухи объ общинѣ. Г-жа Хитрово усматриваетъ, что цѣль общины была достигаема, но что если въ общинѣ иногда проявлялось внутреннее несогласіе и нестроеніе, подавшія поводъ къ невыгоднымъ слухамъ, то первою виною тому была сама начальница г-жа Стаховичъ, которая,

всячески устраняя вліяніе на общину другихъ лицъ (духовника и доктора), сама была пристрастна и не матерински жестка въ обращеніи, а также крайне несправедлива въ оцѣнкѣ трудовъ ихъ. Кажется, что она не останется въ общинѣ, и вѣроятно мѣсто ея заступитъ г-жа Хитрово.

Всѣ госпитали, бывшіе на Бельбекѣ, отъ больныхъ очищены и сняты. 13 сентября послѣднія сестры отправились оттуда въ Бакчисарай, гдѣ, по моемъ возвращеніи, я засталъ ихъ въ числѣ 50-ти, и въ день воздвиженія креста Господня, послѣ литургіи, служилъ въ квартирѣ благодарственный молебенъ. Главная квартира общины будетъ, кажется, въ Симферополѣ.

Подъ Севастополемъ не слышно прежнихъ громовъ, не видно и прежней дѣятельности. Однако ничего утѣшительнаго тамъ нѣтъ. Николаевская батарея, къ большому прискорбію, не послушалась слабыхъ минъ и сдѣлалась теперь грозою нашею. За нею на площади непріятели поставили мортирную батарею и съ навѣсу безнаказанно стрѣляютъ по сѣверной сторонѣ. Амбразуры нижняго этажа заложены камнями, что заставляетъ думать, что они ставятъ тамъ орудія. Я останавливался на 14 редутѣ у знакомаго моряка капитана, который на вопросъ мой: почему бы по крайней мѣрѣ не разбить батареи? отвѣчалъ: на это потребно тысячъ пять ядеръ такого калибра, котораго у насъ есть не болѣе сотни. Вотъ простая и ясная причина. Сѣверное укрѣпленіе, въ которомъ вы изволили останавливаться и служить, нашелъ я пустымъ отъ прежняго населенія и всю площадь его, какъ поле вспаханное бомбами. Церковь оттуда убрали, и, кромѣ дѣйствующаго гарнизона, никто не живетъ въ укрѣпленіи. Я даже не останавливался здѣсь: въ одни ворота въѣхалъ, въ другія выѣхалъ верхомъ. Одну только бомбу при мнѣ взорвало въ укрѣпленіи.

Флотъ непріятельскій стоялъ на прежнемъ мѣстѣ и судя по большому числу вымпеловъ, нельзя было думать, чтобы значительная часть его отдѣлилась въ экспедицію. Потому разнесшійся слухъ, что непріятели уже три дня бомбардируютъ Одессу, считали невѣроятнымъ. На адмиральскомъ французскомъ кораблѣ были перекрещены реи и на всѣхъ судахъ приспущены

кормовые флаги, изъ чего заключали, что адмиралъ Брюа, недавно произведенный въ этотъ чинъ, умеръ.

Бывши на Бельбекѣ у Пирогова, слышалъ тамъ, что непріятели высадились у Евпаторіи въ числѣ 25 тысячъ и захватили наши аванпосты.

На базарѣ, гдѣ предполагалось быть церкви, жителей осталось немного. Я нарочно проѣхалъ между землянками ихъ и спрашивалъ: намѣрены ли оставаться здѣсь? Это бѣднѣйшіе люди морскаго вѣдомства, кои, не имѣя средствъ слѣдовать далѣе, выжидаютъ къ тому случая. Жалко смотрѣть на ихъ жизнь.

Невѣроятны слухи о дальнѣйшемъ отступленіи; но имъ даютъ вѣру, полагая, что найдутъ нужнымъ отступать, чтобы вытащить непріятеля въ поле и удалить отъ берега. Допуская эту возможность, осмѣливаюсь спросить ваше высокопреосвященство, что дѣлать съ церковнымъ имуществомъ и архивомъ, который мною сложенъ въ Бакчисарайскомъ соборѣ, а также съ цѣннымъ имуществомъ сего собора? Не передать ли въ скитъ? Къ монастырскимъ обителямъ непріятели всегда бываютъ уважительнѣе.

(Безъ означенія числа, мѣсяца и года).

(Окончаніе слѣдуетъ).

СЕРБЫ ВЪ ГЕТМАНЩИНѢ.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВѢСТЬ [1]).

I.

Въ селѣ Каневцахъ, переяславскаго полка, ирклѣевской сотни, жилъ богатый козакъ Михайло Мармута. У него была челядь и много всякаго добра: комора была наполнена свитками, кожухами, конской сбруей и саломъ; въ закромахъ было довольно всякаго зерна, въ погребахъ—меду, масла, всякихъ настоекъ и наливокъ; въ скрыняхъ лежали мѣшечки съ червонцами, ефимками, рублями и талярами, и набиты были тѣ скрыни полотнами самодѣлковыми да сукнами заморскими; въ „кимнáтѣ“ на стѣнахъ красовались ружья турецкія, сабли дамаскія, уздечки наборныя и сѣдла серебромъ отдѣланныя, въ конюшнѣ тоже было на что посмотрѣть; тутъ стояло болѣе десятка „добрыхъ коней“ и пять кобылицъ заводскихъ.

На такое добро нашлись охотники, выбравшіе для своего злого дѣла бурную и темную осеннюю ночь.

1754 г., ноября 17 въ полуночный часъ неизвѣстные люди забрались въ домъ Мармуты, связали Мармуту, жену его и всю челядь; а связавъ всѣхъ ихъ, „нещаднымъ боемъ желѣзными обухами били, домъ его, Мармуты, разорили, имущество ограбили, и денегъ оными разбойниками нѣсколько десятковъ рублевъ взято“.

[1]) Составлено на основаніи свѣдѣній, имѣющихся въ 10 мъ выпускѣ „Историческихъ Матеріаловъ изъ архива Кіевск. Губ. Правленія“ А. Андріевскаго (стр. 76—95), а также по фамильнымъ документамъ Требинскихъ.

Управившись такимъ манеромъ, разбойники умчались подъ покровомъ той же темной ночи. Но что скрывала ночь, то открылъ день.

Раннимъ утромъ 18 ноября Мармута поспѣшно отправился въ Ирклѣевъ и здѣсь поднялъ на ноги всю сотенную канцелярію. Канцелярія тотчасъ „для сыску и поимки“ разбойниковъ нарядила команду подъ начальствомъ шурина Мармуты, сотеннаго атамана Федора Рубана и хорунжаго Афанасія Сененко. Рубанъ, прибывъ въ Каневцы, тщательно обслѣдовалъ дворъ Мармуты и отыскалъ „разбойный слѣдъ“—слѣды конскихъ копытъ; они привели козачью команду до самой слободки Чутовки.

II.

Чутовка—слободка лубенскаго полка, Горошинской сотни—находилась въ 25 верстахъ отъ села Каневцевъ, ютилась у рѣчки Иржавца вблизи болотъ и густыхъ камышей; и владѣлъ ею гусаринъ, Новой Сербіи вицекапралъ Иванъ Требинскій. Онъ имѣлъ двухъ родныхъ братьевъ—Данила и Николая. Данило жилъ въ 15 верстахъ отъ Чутовки—въ селѣ Плеховѣ. Николай былъ на службѣ: „обрѣтался при славяно-сербской командѣ“ [1]).

Данило, Иванъ и Николай Требинскіе—сербы, пришли въ Россію изъ Герцеговины. Лишившись отца, сложившаго голову въ борьбѣ съ Турками, они лишились и родного крова своего. Съ подобными себѣ смѣльчаками, горѣвшими местью къ притѣснителямъ, они ютились по горамъ и лѣснымъ дебрямъ, пока не достигла до нихъ радостная вѣсть: родной дядя—Ирклѣевскій сотникъ Славуй звалъ братаничей въ тѣ мѣста, въ коихъ поселился онъ и сталъ жить въ добрѣ и довольствѣ. Братаничи прибыли къ заботливому дядѣ въ первые годы царствованія Елисаветы Петровны и подъ крылышкомъ его стали жить-

[1]) Австрійскій Сербъ Шевичъ составилъ полкъ изъ земляковъ своихъ и балканскихъ сербовъ. Этотъ полкъ, названный „Славяно-Сербскимъ“, поселенъ былъ въ Ю.-в. части Слободской Украины (нынѣ славяно-сербскій уѣздъ екатеринослав. губерніи).

поживать безъ опредѣленныхъ занятій. По истеченіи нѣкотораго времени престарѣлый дядя далъ племянникамъ занятіе: должность сотника онъ передалъ своему родному брату Алексѣю, а управленіе имѣніями—Оржицею, Плеховымъ и Чутовкою вручилъ Данилу; Иванъ и Николай должны были состоять помощниками Данила.

Недолго пришлось Данилу отдавать отчетъ въ хозяйничаньи: въ 1749 г. умеръ Славуй, а черезъ 4 года—Алексѣй. Послѣдній оставилъ жену да малолѣтняго сына. Этимъ обстоятельствомъ надлежаще воспользовались братаничи: изъ управителей они сдѣлались владѣльцами. Данило взялъ себѣ львиную часть: Оржицу и Плеховъ, Иванъ утвердился въ Чутовкѣ.

Обзаведшись немалымъ количествомъ земли, Данило нѣсколько раньше постарался упрочить свое положеніе и съ другой стороны: онъ вошелъ въ родственныя связи съ малорусской старшиной. Основаніемъ сихъ связей была женитьба.

Въ 25 верстахъ отъ Плехова въ сел. Ивановкѣ жила весьма интересная вдовушка: то была Елена Лизогубовна Пиковець—дочь Миргородскаго полковника Лизогуба и бывшая жена писаря генеральнаго войскового суда Ивана Пиковця. Она обладала большимъ состояніемъ: владѣла селами Ивановкой и Хижками, была молода и пригожа собой, и стало-быть въ особѣ своей соединяла заманчивыя качества: молодость и красоту, богатство и знатность.

Уже въ первые мѣсяцы по смерти Пиковця Лизогубовну начали безпокоить особы, желавшія обладать ею; но Лизогубовна косо глядѣла на сихъ особъ: и не нравились они ей, и отъ тоски по мужѣ не могла отдаться она пріятнымъ чувствамъ. Такъ прошло болѣе года. Но вотъ въ одинъ прекрасный день молодая вдовушка имѣла удовольствіе принимать незваннаго заморскаго гостя: это былъ Данило Петровичъ Требинскій. Онъ пріѣхалъ къ вдовушкѣ якобы для покупки хлѣба.

Познакомившись, Данило два раза пріѣзжалъ къ Лизогубовнѣ, находя приличные къ тому случаи; а когда въ третій разъ явился, то изъяснилъ, что онъ вотъ какъ полюбилъ ее: ни спать, ни ѣсть, ничего дѣлать не можетъ.

Данило Еленѣ Пиковець нравился; она отдала ему свою руку и свое сердце.

На правахъ жениха Данило зачастилъ къ Лизогубовнѣ. Она хорошо кормила, сладко поила и нѣжно „до себе пригортала“ заморскаго молодца. Онъ, какъ сыръ въ маслѣ, катался и развивалъ предъ своей пташкой планы будущаго домостроительства; какъ это они будутъ *дбать добро.*

Недѣли черезъ три состоялось бракосочетаніе. Свадьбу справили шумно и пышно. Гостей было много. Данило пригласилъ своихъ сербовъ, Лизогубовна назвала родныхъ и знакомыхъ. Изъ сихъ персонъ съ особеннымъ почетомъ и вниманіемъ были принимаемы засѣдатель войскового генеральнаго суда Иванъ Туранскій и его жена Пелагея Григорьевна—двоюродная сестра Елены Лизогубовны. Данило сильно занялся засѣдателемъ генеральнаго суда и такъ сошелся съ нимъ и такъ понравился ему, что сей послѣдній въ интимной бесѣдѣ высказалъ интересную мысль: пообѣщалъ Данилу посодѣйствовать въ скорѣйшемъ полученіи чина бунчуковаго товарища. Но и къ остальнымъ гостямъ Данило былъ внимателенъ; своею предупредительностію, бойкими и веселыми рѣчами понравился имъ.

Зато земляки его вели себя совершенно иначе; свой нравъ они, что называется, выложили на ладони. Они здѣсь на свадьбѣ важничали и расхвастались: „мы де Австрію отъ Турокъ спасли, мы ихъ по шеямъ гнали изъ Вѣны“, говорили Сербы; „какъ бы не мы—Турки всѣхъ Австріяковъ въ полонъ забрали-бы; и сюда-де къ вамъ мы пришли, чтобъ Татаръ попугать и полонить ихъ, чтобъ они, тѣ Татары, васъ не обижали: вашихъ селъ не грабили, вашихъ женокъ и дѣтей не забирали. Вотъ-де мы имъ покажемъ—тѣмъ Татарамъ!“

Такія рѣчи не понравились козакамъ тѣмъ болѣе, что козаки уже съ первой встрѣчи искоса посматривали на Сербовъ. „Вотъ тѣ незванные господа, которые пришли хлѣбъ нашъ заѣдать, земли наши занимать!“ говорили они между собою.

Дерзостное хвастовство привело козаковъ въ азартъ, и нѣкоторые уже съ кулаками начали подступать къ самохвальцамъ; но Данило не допустилъ до бурной сцены и поспѣшилъ

удалить сотоварищей своихъ въ отдѣльное помѣщеніе; козацкую-же компанію постарался привести въ нормальное состояніе, убѣдивъ ее, что *на дурныхъ* не стоитъ обращать вниманія, что то они говорили *сдуру да съ хмелю*. Рано утромъ Данило выпроводилъ своихъ „дурней“ восвояси, а козакамъ сказалъ, что товарищи испугались и убѣжали. Довѣрчивые козаки и въ самомъ дѣлѣ подумали, что сербы такіе трусы. Находясь въ пріятномъ заблужденіи насчетъ сербовъ, трусовъ и дурней, малороссіяне веселились-пировали, Данилу и Лизогубовнѣ всякаго добра-счастья желали.

И до женитьбы Данило неуважительно относился къ собственности сосѣдей-козаковъ; а послѣ женитьбы эту неуважительность простеръ до широкихъ размѣровъ. Со своими табунами онъ забирался на чужія поля, запахивалъ козачьи участки, орудовалъ въ ихнихъ ставкáхъ и прудахъ, присваивалъ себѣ чайки, рубилъ лозняки. Не стѣснялся Данило накладывать руку свою и на сиромахъ: онъ обидѣлъ Уласа Солода, состоявшаго у него въ должности *маштальрской*. Среди бѣла дня изъ хутора, принадлежащаго бунчучному генеральному Оболонскому, Данило *гвалтовне* отбилъ и угналъ весь скотъ, выслуженный Солодомъ втеченіе 22 лѣтъ у Пиковця: „овецъ 55, коровъ 2, воловъ старыхъ 2 пары, телицъ 3, быка двулѣтка одного“.

Генеральный судъ, разсмотрѣвъ жалобу Солода, потребовалъ, чтобы Данило Требинскій возвратилъ обиженному имущество; но Данило генеральнаго суда не послушался, и Лубенскій полковникъ Апостолъ вынужденъ былъ послать козачій отрядъ для взятія означеннаго имущества.

Съ сосѣдомъ своимъ, бунчучнымъ генеральнымъ, присутствующимъ въ генеральномъ судѣ—Оболонскимъ, Данило постоянно ссорился, совершалъ наѣзды на его маетности и подавалъ на него въ генеральный судъ разныя кляузы.

Особенно ожесточенную перепалку велъ Данило Требинскій съ Оржицкими козаками. Братья Иванъ и Николай были дѣятельными помощниками Данила. Иванъ даже завоевалъ себѣ пальму первенства въ этой борьбѣ: совершалъ наѣзды съ неслыханной отвагой, удальствомъ и дерзостью. Оржицкіе козаки

пытались прогонять Требинскихъ, врывавшихся въ ихъ добро, но были побиваемы. Вотъ козаки выѣхали на свои поля съ командою, посланною отъ сотенной Горошинской канцеляріи; но та команда ударилась на попятную, ўзрѣвъ Ивана Требинскаго, шедшаго съ многолюдствомъ. Козаки устраивали ловушки воинству Требинскихъ; но *засидки* и днемъ и ночью не достигали цѣли: воинство не появлялось; оно какъ бы чуяло, что теперь опасно наѣзжать на козацкое добро. А какъ только *засидокъ* не было, воинство обязательно появлялось и уничтожало, что попадалось подъ руку. Такое появленіе иногда бывало неблагополучно: козаки челядь плеховскую лавливали и порядкомъ ее колачивали. Дабы этого не случалось, по иниціативѣ Ивана устроено было нѣчто вродѣ крѣпостцы на границѣ плеховской земли; и отсюда уже предпринимались систематическія вылазки на поля оржицкихъ и горошинскихъ козаковъ. Какъ ни старались козаки, но не могли угоняться за наѣздниками, предводимыми Иваномъ Требинскимъ. Его воинство какъ-то незамѣтно выползало изъ логовища своего, и столь же безслѣдно и стремительно возвращалось туда же. Но разъ козаки изловчились: застукали на своихъ грунтахъ чутовскую и плеховскую челядь и преизрядно побили ее. Преслѣдуя эту челядь, козаки угнались до самаго хуторка-крѣпостцы и вознамѣрились взять ее приступомъ; но послѣ кратковременной осады были прогнаны, ибо Иванъ Требинскій имѣлъ изрядный резервъ и дрался, какъ левъ.

За штурмъ своей крѣпости Иванъ и Николай задумали натворить козакамъ пуще прежняго. Они выѣхали съ вооруженною челядью и напали на ближайшій хуторъ оржицкихъ козаковъ Авраменковъ. Хозяева и ихъ челядь были жестоко побиты, бабы и дѣвки изнасилованы, изъ скрынь и коморъ добро повыбрано, худоба угнана. Наѣздъ совершенъ днемъ. Козачья команда успѣла прибѣжать къ Авраменкамъ, когда и слѣдъ наѣздниковъ простылъ. Козаки помчались до крѣпости; тамъ, никого и ничего не нашедъ, закурили *люльки* свои—сожгли ненавистную западню. Это было въ 1753 году.

Иванъ и Николай оставили крѣпость на произволъ судьбы, дабы сокрыть слѣды своего отчаяннаго наѣзда. Тѣмъ не менѣе, Хорватъ засадилъ Ивана Требинскаго въ темницу съ наложеніемъ *ланцюговъ* на руки и ноги. И за оказанныя продерзостныя дѣла гусаринъ Иванъ содержался въ желѣзахъ цѣлый годъ; но не покаялся.

Вотъ съ такимъ-то сорвиголовой, имѣвшимъ за своими плечами удалыхъ братцевъ, пришлось имѣть теперь дѣло атаману Рубану и его командѣ. Можно было ожидать, что дѣло въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи приметъ немаловажныя осложненія. Такъ и было.

III.

Атаманъ Федоръ Рубанъ, хорунжій Афанасій Сененко и 30 козаковъ, пріѣхавъ по слѣду до слободки Чутовки, вблизи ея на дорогѣ встрѣтили Ивана Требинскаго. Это онъ, управившись въ Каневцяхъ, ѣхалъ въ Глуховъ: везъ письмо Хорвата къ генеральному обозному Кочубею.

Козаки оному гусарину объявили, что разбойный слѣдъ дошелъ до слободки его, и требовали позволенія оную слободку потрусить; но Ив. Тр—скій на то ихъ требованіе позволенія не учинилъ. Онъ, поспѣшно уходя въ слободку, угрожалъ стрѣлять по нимъ. Когда же команда попыталась насильно войти въ слободку, то гусаринъ Иванъ Тр—скій „вышелъ противъ команды настояще уже съ многолюдствомъ и палить съ ружья приладивался“. Но пальбы не было: „Только де, невѣдомо почему, того злого своего намѣренія не выполнилъ“—доносилъ Рубанъ своему начальству.

Вслѣдствіе такого грознаго и смѣлаго сопротивленія козачья команда ударилась на попятную и позаботилась объ удвоеніи своихъ силъ.

Неподалеку отъ Чутовки находилось село Горошино, а въ немъ была сотенная канцелярія. Сюда то и обратился Рубанъ. Ему дана была козачья команда, опредѣленная къ разъѣзду по силѣ указовъ полковой Лубенской канцеляріи.

Съ удвоенными силами отправился Рубанъ и Сененко къ Чутовкѣ. Съ надеждой на успѣхъ спѣшатъ они сюда. Но едва только козачья команда стала подходить къ слободкѣ, какъ гусаринъ Иванъ не допустилъ той команды въ слободку свою: онъ съ многолюдствомъ при ружьяхъ выскочилъ навстрѣчу командѣ и противъ оной команды *съ ружья палилъ*. Козаки, не убоявшись выстрѣловъ, стали поспѣшно приближаться къ слободкѣ; тогда Требинскій бѣжалъ *въ очерета*, и во время бѣгства утерялъ свою *шаблю, содержачую имъ наголо*. Саблю эту козаки подхватили.

Густые камыши скрыли Требинскаго и его драбантовъ. Среди камышевыхъ чащъ, прерываемыхъ трясинами и озерами, бѣглецы нашли себѣ надежное убѣжище. Напрасно козаки лазили по этимъ дебрямъ: они не могли сыскать гусарина Ивана. Къ тому же наступали сумерки, надвигалась мрачная осенняя ночь, нужно было спѣшить по домамъ. Такъ команда и возвратилась восвояси ни съ чѣмъ.

Въ первый-же день послѣ неудачнаго похода въ Чутовку, Мармута подалъ въ сотенную Ирклѣевскую канцелярію доношеніе о учиненіи надъ нимъ, нижайшимъ, ночью нападенія. Атаманъ Рубанъ да хорунжій Сененко доношеніемъ представили о приключеніяхъ своихъ въ Чутовкѣ.

Сотники Ирклѣевскій и Горошинскій представили доношенія въ полковыя канцеляріи Переяславскую и Лубенскую; въ эту послѣднюю прислана и сабля гусарская. Полковыя канцеляріи *поднесли* доношенія въ генеральную войсковую канцелярію подъ высокое оной разсмотрѣніе и опредѣленіе. Они покорно испрашивали повелѣній о томъ, какъ поступить съ разбойникомъ гусариномъ Иваномъ Требинскимъ и его сообщниками. Полковая козачья старшина изъяснила, почему она не рѣшилась продолжать сыскиваніе Ивана Требинскаго: „дабы иногда при сыску оный Требинскій по своему легкомыслію не могъ кому приключить смертнаго убійства, и что онъ не малороссійской команды человѣкъ—новосербскій вицекапралъ“.

Генеральная канцелярія предписала переяславскому полковнику: „умноживъ команду, поискъ надъ оными разбойниками

учинить, и гдѣ можно ихъ настигнуть, тамъ аттаковавъ взять; а въ противномъ случаѣ съ ними какъ съ злодѣями поступать".

Вотъ многочисленная команда подъ начальствомъ тогоже Рубана 3 декабря направляетъ свой бѣгъ въ Чутовку. При командѣ „къ опознанію своихъ пожитковъ" находится и самъ Мармута.

Появленіе козаковъ въ Чутовкѣ было настолько неожиданное, что хуторяне и самъ *ватажекъ* Иванъ Требинскій были застигнуты врасплохъ: едва успѣлъ ватажекъ вскочить на коня, какъ уже козаки были у двора, и ему удалось прорваться помежду нихъ лишь благодаря смѣлому, быстрому натиску и убѣжденію козаковъ, что и пуля его не беретъ.

Козакъ Романъ Яременко такъ говорилъ Данилу Требинскому: „когдабъ у его списъ згодился въ то время, какъ онъ Иванъ, вибѣгая змежду нихъ, на его Яременка коня нагналъ, то-бъ его всеконечно оттоль не випустилъ и скололъ бы въ смерть; а хотя ружжю и имѣлъ при себе зараженную, но извѣстясь отъ бывшихъ прежде тамо въ нападеніи, что куля его не возметъ—не стрѣлялъ".

Оторопѣвшіе козаки спохватились, когда чародѣй-гусаринъ былъ въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ нихъ; и только теперь болѣе удалые пустились въ погоню за нимъ: сотенный асаулъ Яковъ Чорнышъ, Штепа, Сезоненко и Мармута. Сколько ни старались козаки, не могли догнать гусарина, и такъ увлеклись погоней за нимъ, что влетѣли во дворъ Данила Требинскаго, куда вскочилъ его братецъ Иванъ.

Но тутъ козакамъ пришлось расхлебать цѣлый рядъ скандальныхъ сценъ.

Какъ только козаки, кромѣ Чорныша, угнались во дворъ Данила и здѣсь у воротъ начали сновать, къ нимъ выскочилъ съ ружьемъ Данило въ сопровожденіи челяди и велѣлъ забить ворота.

— Зачимъ ви здѣсь ѣздите? спросилъ Данило.

— Мы женемось за воромъ и разбойникомъ Иваномъ Требинскимъ, который во дворъ твой скрылся! отвѣтили козаки и произнесли не мало „досадительныхъ словъ" Данилу.

Послѣ такой короткой прелюдіи сейчасъ-же и началась съ ними расправа. Прежде всего досталось Штепѣ: Данило накинулся на него, ударилъ его дуломъ въ грудь и гикнулъ на своихъ слугъ; тѣ осыпали несчастнаго удярами, а самъ Данило „дручемъ билъ его, куда видя, наипаче по головѣ". Сюда прибѣжалъ съ пистолетомъ Иванъ и началъ бить Штепу тоже по головѣ, затѣмъ прицѣлился въ него и выпалилъ, но не попалъ въ цѣль. Въ этотъ моментъ выбѣжала Елена Лизогубовна и заступилась за Штепу. Тогда Данило, Иванъ и слуги накинулись на Мармуту и Сезоненка: дрючками, кіями и обухами желѣзными нещадно били ихъ. Видя такое, Лизогубовна ринулась въ средину бойни и умоляла о пощадѣ. Сами пострадавшіе потомъ говорили: „отъ коего бою ежелибы Данила Требинскаго жена не упросила, слѣдовало имъ козакамъ смертію пострадать".

Прибивши козаковъ до полусмерти, Данило велѣлъ заключить ихъ подъ неослабный караулъ, а челяди приказалъ готовиться къ подобной-же расправѣ съ Рубаномъ и его командою, которая хозяйничала тамъ—въ Чутовкѣ.

Не прошло получаса, какъ челядинцы сидѣли на коняхъ, вооруженные саблями, ружьями и обухами. Хотѣлось и Данилу пошалѣть саблей и ружьемъ, ему вывели коня, уже готовъ онъ былъ гикнуть своей командѣ; но жена выскочила къ воротамъ и *воспретила* мужу принимать участіе въ этой поѣздкѣ.

Съ сокрушеніемъ сердечнымъ уступая желанію жены, печалился Данило, что самъ Иванъ, быть можетъ, и не справится съ козачьей командой.

Но Иванъ *хвасталъ* и говорилъ: „я атамана Рубана голову къ тебѣ, брате, на саблѣ принесу!"

А Данило брату Ивану отвѣтствовалъ: „приведи мнѣ Рубана живого, я знатиму зъ нимъ что дѣлать!"

— Добре, брате! Приведу живого—сказалъ Иванъ, зычнымъ голосомъ гикнулъ и полетѣлъ стремглавъ съ пятьюдесятью головорѣзами въ Чутовку.

Въ Чутовкѣ Рубанъ чинилъ свою расправу—разыскивалъ воровъ и пожитки, награбленные у Мармуты. Дѣло пока шло

на ладъ. Четыре человѣка, причастныхъ воровству и разбою, были пойманы и пожитки нѣкоторые сысканы: „жены куртка китаева да запасокъ блакитныхъ двѣ, выбойчата и штаметова новая, да рубашокъ женскихъ двѣ, дитячихъ двѣ и сидло едно“.

Чиня поиски, козаки разбрелись по слободкѣ; нѣкоторые изрядно подвыпили и тѣмъ развязнѣе начали заигрывать съ чутовскими бабами; да и самъ атаманъ сидѣлъ надъ куфой и угощался, не гадая, что надъ нимъ можетъ разразиться грозная туча. А туча эта въ видѣ гусарина Ивана надвигалась.

Асаулъ Чорнышъ не успѣлъ хорошенько поразсказать, что дѣется во дворѣ Данила Требинскаго, какъ гусаринъ Иванъ вихремъ ворвался въ слободку свою. По какому-то чутью онъ сразу наскочилъ на угощавшагося атамана да и задалъ ему препорядочной трепки: его, атамана, разбойникъ Иванъ Требинскій „списомъ въ плечи подкололъ“, а согласникъ Ивана, Данила Требинскаго служитель-сербинъ, ножемъ голову „попоролъ“ и руку перебилъ. Въ свою очередь и Рубанъ изловчился: „оному сербину саблею косу урѣзалъ“.

Пораженный атаманъ не дался въ плѣнъ, и козаки бойко отбивались; но зато и поплатились: были избиты преизрядно, трое-же человѣкъ козаковъ—Иванъ Сѣда, Игнатъ Троянъ да Петро Андрущенко съ ихъ лошадьми и ружьями „невѣдомо отъ тѣхъ разбойниковъ гдѣ подѣты“ во время горячей схватки.

Учинивъ нападеніе на козачью команду, Иванъ Требинскій умчался въ Плеховъ.

Раненному атаману Рубану и его козакамъ избитымъ было уже не до розысковъ въ слободкѣ, — надо было спѣшить домой и тамъ залѣчивать столь безславно полученныя раны. И козаки поскакали восвояси, недосчитывая въ своихъ рядахъ шести удалыхъ головъ: трое изъ нихъ неизвѣстно гдѣ были подѣты, а трое, какъ мы знаемъ, томились въ тайникахъ Данила.

Плѣнникамъ не пришлось возвратиться домой прямой дорогой: Данило Требинскій, забивъ Мармуту и его товарищей въ ножныя колодки, якобы разбойниковъ, отправилъ ихъ въ

полковую Лубенскую канцелярію; но отсюда они отпущены домой „за усмотрѣніемъ ихъ невинности“. Такъ-то жестоко насмѣялся Данило надъ свободолюбивыми рыцарями!

IV.

Катастрофа, постигшая умноженную козачью команду, отбила у Мармуты и Рубана охоту предпринимать новый походъ въ Чутовку; это значило-бы вновь и совершенно напрасно подставлять свои головы подъ желѣзные обухи.

Они ограничились пока письменнымъ изъясненіемъ начальству того, что совершилось при сыску воровъ и разбойниковъ.

Рубанъ подалъ доношеніе въ полковую Переяславскую канцелярію. Немедленно-же, 7 декабря, сія канцелярія всепокорнѣйше *поднесла* войсковой Генеральной канцеляріи доношеніе Рубана въ оригиналѣ. Поднося оригиналъ, канцелярія изъясняла, что она имѣетъ дожидаться резолюціи о томъ, какъ съ Даниломъ Требинскимъ поступить по силѣ правъ малороссійскихъ, яко защитителемъ и передержателемъ разбойниковъ.

Мармута, Штепа и Сезоненко тоже подали „покорныя доношенія“ въ сотенную Ирклѣевскую канцелярію. Они печалуются, что отъ Данила Требинскаго и его брата, вора и разбойника, Ивана Требинскаго, да служителей ихъ „понесли немалое на здоровью поврежденіе, ище жъ увѣчье и безчестіе напрасно, такъ что къ прежнему здоровью прійти крайне не можемъ“.

Ирклѣевскій сотникъ Павелъ Завойка послалъ эти доношенія въ Переяславскую полковую канцелярію „на разсмотрѣніе“. Переяславскій полковникъ отправилъ ихъ „на разсмотрѣніе“ въ Генеральную войсковую канцелярію.

Въ концѣ декабря бунчуковый товарищъ Данило Требинскій получилъ приглашеніе явиться въ Генеральную войсковую канцелярію для допроса. Касательно Ивана Требинскаго присланъ былъ въ Переяславскую полковую канцелярію ордеръ: „нарядить нарочнаго сотника съ довольною командою и ко взятію вора и разбойника Ивана Требинскаго и помощниковъ его

приложить удобовозможныя мѣры, однако съ такою осторожностію, дабы при томъ какова кому-либо забойства не учинилось".

Кромѣ того, генеральный обозный Кочубей въ январѣ 1755 г. написалъ новосербскому командиру Хорвату о дѣяніяхъ вицекапрала Ивана Требинскаго, просилъ розыскать его и прислать въ полковую Лубенскую канцелярію для слѣдствія.

Во всѣ гусарскія и пандурскія роты Хорватъ разослалъ приказы, дабы разъѣздныя команды денно и нощно сыскивали вицекапрала Ивана Требинскаго.

Мармута и Рубанъ, у которыхъ еще не зажили раны и на тѣлѣ еще виднѣлись слѣды келеповъ, почувствовали нѣкоторое сердечное облегченіе, когда узнали о такихъ мѣропріятіяхъ. Они пріободрились и думали, что уже теперь гусаринъ Иванъ попадется въ руки правосудія, да и его брату Данилу не сдобровать; но надежды ихъ не сбылись

V.

Данило Требинскій, дабы выпутаться изъ бѣды, въ какую попалъ по милости братца, въ началѣ января полетѣлъ въ Глуховъ и явился въ Генеральную войсковую канцелярію. Здѣсь онъ противъ доношенія атамана Рубана подалъ письменное объясненіе.

Въ объясненіи Данило показывалъ, „что онъ родного брата своего, Ивана Требинскаго, невиновнаго ни въ чемъ, защищалъ отъ наглой смерти"; что Рубанъ и Мармута „самоизвольно и по какой-либо злобѣ учинили нападеніе на хуторъ реченнаго брата; въ тотъ хуторъ они привезли куфу большую горячаго вина, пьянствовали тамъ и безчинствовали: тамошнихъ обывателей многихъ били до полусмерти, а женъ тамошнихъ такъ тиранско мучили, что иныя, будучи уже въ крайнемъ беремени, тогдажъ мертвыхъ дѣтей порожали; козаки такъ нещадно били келепами брата Ивана, что онъ, прибѣжавъ въ его дворъ, „упалъ съ лошадѣ место мертваго"; что онъ, Данило, того брата своего Ивана не яко вора, но яко брата своего родного и шляхтича, „осѣдлость имѣющаго, а въ злыхъ учин-

кахъ правомъ не переконанного", взять козакамъ не допустилъ и приказалъ прогнать козаковъ отъ двора своего; а трехъ съ нихъ, Мармуту, Яременка и Сезоненка, пьяныхъ, задержалъ въ домѣ своемъ, давъ имъ дозволеніе, буди подзоръ на домъ его въ чемъ имѣютъ, оной трусить; но они того не похотѣли; оныхъ-же козаковъ онъ прислалъ въ полковую Лубенскую канцелярію съ прошеніемъ, дабы ихъ тамо допрошено было, почему они съ Рубаномъ таковые чинятъ наизды".

Такому показанію, конечно, нельзя было давать вѣры; но Иванъ Туранскій и нѣкоторыя особы судейскаго пантеона, коихъ Данило изрядно угостилъ, такъ посодѣйствовали, что Данило возвратился домой, преисполненный самыхъ пріятныхъ впечатлѣній, и уже по этому дѣлу въ Глуховъ не ѣздилъ: судъ не безпокоилъ его.

VI.

Тогда какъ Д. Требинскій поспѣшилъ на выправку въ Генеральный судъ, его братецъ Иванъ послѣдовалъ иной тактикѣ: дабы избѣжать всякихъ слѣдствій и суда, онъ еще въ декабрѣ удралъ въ польскую область.

Прошатавшись здѣсь болѣе мѣсяца, въ январѣ 1755 г. явился гусаринъ Иванъ въ новую Сербію—и здѣсь былъ уловленъ.

Команда немедленно-же представила Гусарина Ивана Хорвату. Командиръ сначала сурово принялъ продерзостнаго вицекапрала: накричалъ на него и тюремнымъ заключеніемъ ему угрожалъ; но продерзостный Иванъ прикинулся такой лисичкой, изобразилъ изъ себя такого невиннаго страдальца; что Хорватъ понизилъ тонъ и сталъ выслушивать своего ягненка. Онъ командиру своему жалобно говорилъ, что на него, ни въ чемъ неповиннаго, ѣхавшаго въ Глуховъ, ирклѣевскіе козаки напали, письмо его, генералъ-маіора, порвали, нещадно били его келепами и стрѣляли по немъ, и убили бъ его въ смерть тѣ козаки, когдабъ не спасся онъ въ Плеховѣ у брата своего; и хуторъ его, вопилъ Ив. Тр—скій, тѣ козаки разорили, мно-

гихъ людей побили въ смерть, многихъ людей съ собою забрали, остальныхъ поразгонили, жонокъ и дѣвокъ блудомъ осквернили, имущество его и обывательское забрали; а его, Ивана, всюду искали, чтобъ убить его,—и онъ де все оттого скрывался, боясь тѣхъ козаковъ, чтобы они смерти его не предали.

Выслушавъ такіе ужасы, Хорватъ немало удивился,—его чрезвычайно заняло и даже покоробило, что какъ это козаки подстерегли такого храбраго, силача и мастера на всякія продерзости. И потому, удивленный Хорватъ немедленно исполнилъ просьбу Кочубея: на другой день, 20 января, вицекапралъ Ив. Тр—скій былъ отправленъ „россійскою стороною“ въ полковой Лубенскій судъ *ко очищенію* на время въ конвоѣ одного капрала и двухъ человѣкъ гусаръ.

Ивана Тр—скаго везутъ въ Лубны, а нарочный сотникъ Левицкій, по приказу переяславскаго полковника, является въ Чутовку съ довольною командою и надлежащимъ наставленіемъ; не нашедъ здѣсь надобной персоны, сотникъ прибылъ въ село Плеховъ. Д. Требинскаго не было дома, была дома только жена его; сотникъ требовалъ отъ жены, чтобъ она отдала ему подъ караулъ вора и разбойника Ивана Требинскаго и помощниковъ его; но оная объявила, что Ив. Тр—скій невѣдома куда бѣжалъ еще послѣ „происка“, учиненнаго 3 декабря атаманомъ Рубаномъ и его командою.

Такъ сотникъ Левицкій и возвратился восвояси безъ Ивана Требинскаго.

Капрала и двухъ гусаровъ, ведшихъ Ивана Требинскаго въ Лубны, тоже постигла неудача. Съ этимъ конвоемъ совершился отмѣнный казусъ. Конвойные, капралъ и два гусара, не знали „россійской дороги“ въ Лубны, ѣхали они на двухъ саняхъ Ивана Тр—скаго и съ двумя служителями его. Этими обстоятельствами какъ нельзя лучше воспользовался лукавый Иванъ. Онъ направилъ капрала на ту дорогу, которая вела въ польскій городъ Чигиринъ. Капралъ прослѣдовалъ съ плѣнникомъ своимъ чрезъ Чигиринъ. Выѣхавъ изъ города, конвойные послѣдовали коварному совѣту вицекапрала—ударились степью

по одной изъ глухихъ и малопроѣзжихъ дорожекъ,—по этому пути, говорилъ онъ, скорѣе *достанемось* въ Лубны.

Ходко катили двое саней по скользкой дорогѣ степной; съ трепетомъ выжидалъ Иванъ момента, когда можно будетъ улизнуть отъ несноснаго капрала и его команды. Онъ не разъ рыскалъ по этой степи—и зналъ въ ней каждый овражекъ и бугорокъ, за которыми теперь такъ зорко слѣдилъ.

Путники, проѣхавъ степью верстъ пятнадцать, быстро подкатывали къ желанному для узника мѣсту: то былъ глубокій оврагъ. Требинскій искусно выполнилъ свой злой умыселъ: когда подъѣхали къ оврагу, онъ приказалъ служителю своему держать заднія сани, на коихъ были два гусара, „дабы оные сани не набѣгли и чрезъ то поломки не учинилось“; заднія сани пріудержаны; въ то время переднія сани быстро спустились внизъ, и теперь самъ капралъ очутился въ западнѣ. Съ нимъ тутъ уже не поцеремонились: какъ только съѣхали въ ту долину, то служитель Ивана Тр—скаго, правившій лошадьми, ухватилъ реченнаго капрала за руку, а онъ, Иванъ Тр—скій, за горло—и связавъ капрала, выбросили его изъ саней. Гусары, замѣтивъ такую расправу съ ихнимъ командиромъ, пустились съ горы во всю прыть; но едва они подскочили къ мѣсту расправы, какъ тотчасъ Требинскій одного изъ нихъ ударилъ саблей—и тотъ упалъ, а самъ вскочилъ въ сани, по лошадямъ—и былъ таковъ! Гусары пустились въ догонку за вицекапраломъ; но онъ вихремъ мчался на своихъ коняхъ да еще и дразнилъ одураченныхъ конвойныхъ: по временамъ останавливался, приглашалъ ихъ къ себѣ, махая саблей и ругаясь. Долго гусары гнались за вицекапраломъ — но имъ оставалось только любоваться, какъ онъ исчезалъ въ далекой степной синевѣ. Капралъ въ-точности отрапортовалъ Хорвату о побѣгѣ вицекапрала Ив. Тр—скаго, а Хорватъ сообщилъ объ этомъ генеральному обозному Кочубею и просилъ „приказать о присматриваніи и поимкѣ онаго Требинскаго во всѣ малороссійскія мѣста; и если онъ гдѣ будетъ сысканъ и пойманъ, то чтобы для дѣла о разбойномъ нападеніи на домъ козака Мармуты представленъ былъ подъ карауломъ въ полковой лубенскій судъ, а по окон-

чаніи суда и къ нему, Хорвату, присланъ былъ-бы за крѣпкимъ конвоемъ".

О томъ же самомъ *съ пристойностію* писалъ Хорватъ въ полки Лубенскій и Переяславскій. Переяславская канцелярія послала во всѣ сотни своего полка предложенія „о пересматриваніи и поимкѣ вора и разбойника Ивана Требинскаго"; въ полковыя канцеляріи отправлены промеморіи касательно этой поимки, а въ генеральную войсковую канцелярію *въ покорности* рапортовали о сдѣланныхъ мѣропріятіяхъ. Для бо́льшаго успѣха въ „пересматриваніи" за Ив. Требинскимъ, были прописаны въ предложеніяхъ и промеморіяхъ примѣты его: „оный Иванъ Тр—скій росту великаго, лица продолговатаго, таранковатъ (рябоватъ) мало, очей черныхъ, волоса темнорусые въ косѣ, говоритъ съ-сербска громко".

Войсковая генеральная канцелярія въ свою очередь разослала ордеры во всѣ полковыя канцеляріи; „дабы приличившагося къ разбою и воровству новой Сербіи гусара Ивана Требинскаго по описаннымъ на немъ примѣтамъ сыскивать, и будибъ оной могъ гдѣ сысканъ и пойманъ, то онаго въ ручныхъ и ножныхъ колодцахъ подъ крѣпкимъ карауломъ отправить въ полковую переяславскую канцелярію къ производимому надъ нимъ и другими слѣдствію".

Малороссійскія полковыя канцеляріи отправили сотникамъ предложенія о сыскиваніи и поимкѣ приличившагося къ воровству и разбою гусара Ивана Требинскаго.

Такимъ образомъ вѣсть о продерзостныхъ дѣяніяхъ Ивана Тр—скаго облетѣла по всей Малороссіи. Немало дивились дѣламъ, которыя совершилъ этотъ сербинъ. Кромѣ того, ходило много суевѣрныхъ толковъ объ этомъ сербинѣ: говорили, что онъ колдунъ, знается съ вѣдьмами и чертями, коимъ продалъ душу свою, потому и *куля* его не беретъ; простодушно вѣрили, что Иванъ Тр—скій бѣгаетъ по степямъ волкомъ или въ видѣ клубка катается; ходила также молва, что онъ чернокнижникъ. Многіе, особенно „письменные", увѣряли, что Иванъ Тр—скій

знаетъ черную магію, каковой обучался въ Австріи у одного монаха--капуцина, и потому онъ мастеръ на всякія чудодѣйственныя штуки.

VII.

Толки объ Иванѣ Требинскомъ въ разныхъ концахъ Малороссіи все болѣе и болѣе возрастали и уснащались вымыслами; они тѣмъ болѣе не прекращались и имъ тѣмъ болѣе вѣрили, что страшилище это нигдѣ не отыскивалось—ни въ новой Сербіи, ни на Украинѣ. А вѣдь сотенныя канцеляріи усердно чинили розысканія: искали буйнаго удальца по глухимъ зимовникамъ, рыскали разъѣздныя команды по балкамъ, лѣсамъ и камышамъ, распрашивали о „таранковатомъ“ гусаринѣ путниковъ; но нигдѣ не находили его, ни отъ кого не получали вѣстей о немъ; онъ, какъ дымъ—какъ вихрь, исчезъ; онъ гдѣ то гуляетъ среди отчаянныхъ головъ—такихъ же, какъ и самъ. Его чутовскіе друзья-пріятели тоже были въ бѣгахъ, и лишь весьма немногіе раздѣлывались за злодѣянія свои и державца своего; то были Василь Литвиненко и Иванъ Шкуренко—завзятые бродяги, побывавшіе въ молдавской землѣ, исколесившіе украинскія степи, лѣса и байраки, гулявшіе въ польскихъ областяхъ и послѣ цѣлаго ряда грабежей нашедшіе пріютъ у Ивана Требинскаго.

Прежде всего не повезло Василію. Въ одной корчмѣ, маячившей среди поля при дорогѣ, схваченъ былъ Литвиненко въ то самое время, когда его ватажокъ такъ побѣдоносно управился съ конвоемъ. Частенько заскакивалъ Василь въ эту корчму: здѣсь онъ выпивалъ и любезничалъ съ молодой шинаркой—еврейкой. И вотъ въ одинъ изъ такихъ заскоковъ безшабашная голова, разгоряченная виномъ и ласками черноокой красавицы, нежданно-негаданно была застигнута разъѣздною командою. Схваченный у шинарки, бродяга былъ доставленъ въ сотенную ирклѣевскую канцелярію, и здѣсь былъ опознанъ, какъ одинъ изъ тѣхъ четырехъ, которыхъ поймала было команда въ Чутовкѣ.

Василь Литвиненко сначала запирался: говорилъ, что онъ ничего не вѣдаетъ, на разбоѣ никогда не былъ; но на очной ставкѣ сознался, что разбой у Мармуты чинилъ Иванъ Тр—скій обще съ нимъ—Литвиненкомъ да служителями своими, коихъ всѣхъ точно и по примѣтамъ показалъ.

Заковали Василя въ ручныя и ножныя колодки и отправили въ Переяславль, а отсюда по снятіи допроса въ Глуховъ. Сидѣлъ теперь Василій одинокій въ тюрьмѣ, пригорюнившись и все думая про свою удалую жизнь—полную приключеній: мерещились ему степи раздольныя и лѣса дремучіе, вспоминались товарищи, гуляющіе гдѣто тамъ на раздольи, и лукавая шинкарка, обольстившая козака своими черными огненными очами,—и не одна слеза покатилась изъ глазъ узника; но это были слезы не раскаянія, а тоски: это были слезы буйной силы, рвавшейся на свободу для разгульной жизни. Но вотъ Василю предоставлено было нѣкоторое развлеченіе: онъ могъ поразмять свои члены, повидать людей и подышать свѣжимъ воздухомъ,—его повели въ генеральную канцелярію на допросъ. И здѣсь Литвиненко показалъ съ полною откровенностію тоже, что въ Ирклѣевской и переяславской канцеляріяхъ. Такою откровенностію онъ, быть можетъ, думалъ купить себѣ хотя въ будущемъ свободу, а теперь избавить себя отъ пытки, но ошибся: судьи были буквоѣды и въ данномъ случаѣ строгіе и неуклонные исполнители предначертаній закона; имъ недостаточно было одного добросовѣстнаго показанія; по закону требовалось учинить вторичный допросъ, совершивъ при немъ пытку. А потому изъ острога еще разъ привели Василя Литвиненка и учинили ему *допросъ съ пыткою*: палачъ угощалъ его кнутомъ, а судьи допекали вопросами; но кнутъ ничего не прибавилъ къ тому, что говорилъ Василь на первомъ допросѣ.

Въ допросныхъ и пыточныхъ рѣчахъ Василь Литвиненко показалъ: „прошедшаго 1854 году, 17 ноября, ночью, Иванъ Требинскій собралъ служителей своихъ восемь человѣкъ—въ томъ числѣ и его Литвиненка, и ѣздилъ вмѣстѣ съ ними при ружьяхъ, списахъ и обухахъ до Михайла Мармуты въ домъ его, въ селѣ Каневцахъ состоящій; въ томъ домѣ напали они

ночью на Мармуту спавшаго, и перевязавъ его, Мармуту, такожъ жену и служителей его, заграбили у него разное имущество, и оное привезши въ хуторъ Ивана Тр—скаго Иржавскій—схоронили". Затѣмъ Василій точно и по примѣтамъ показалъ всѣхъ участниковъ сего разбоя.

Когда исполосовали Литвиненку спину, и раны зіяли и кровь струилась, тогда только судьи удовольствовались пыточными рѣчами колодника и отправили его въ острогъ на сидѣнье.

Послѣ кнутобитія Литвиненко утѣшалъ себя мыслью, что его уже не будутъ допрашивать; но напрасно онъ такъ думалъ: ему еще пришлось вѣдаться съ кнутомъ.

Недѣли чрезъ двѣ послѣ такого допроса привели въ острогъ колодника Шкуренка Ивана. Этотъ пособникъ Ивана Требинскаго, проживъ зиму у новосербскаго панка Булацеля, вздумалъ понавѣдаться въ Чутовку.

Генеральная войсковая канцелярія немедленно же взялась за Шкуренка: съ нимъ было продѣлано то же, что и съ Литвиненкомъ. Но Иванъ Шкуренко показалъ совсѣмъ не то, чего ожидали судьи. „На веснѣ прошлаго 1754 году,—сознавался Шкуренко,—Иванъ Требинскій отправилъ его, Литвиненка и прочихъ служителей въ Кіевъ для покупки сосновыхъ колодъ; на пути до Кіева, не доходя м. Яготина, Литвиненко говорилъ ему, Шкуренку, и товарищамъ, будто Ив. Требинскій отправилъ ихъ не для покупки сосновыхъ колодъ, но ради грабительства въ польскую область; по приходѣ въ Кіевъ были они здѣсь два дня, шлялись по городу и за городомъ; и въ бытность ихъ за городомъ Кіевомъ въ лѣсу, находящемся при урочищѣ Либеди, Литвиненко говорилъ ему, Шкуренку, и прочимъ, чтобъ они шли съ нимъ въ польскую область на разбой, сказывая, что они для того и посланы, почему они на разбой въ Польшу и ходили, а въ грабежѣ и разбоѣ дому казака Мармуты онъ, Шкуренко, участія не принималъ и ничего о томъ не знаетъ".

Судьи заинтересовались открытіями Шкуренка и на слѣдующій день поставили его глазъ на глазъ съ Литвиненкомъ. И на

очной ставкѣ Шкуренко отрицался отъ разбоя дома Мармуты; Литвиненко же отрицался отъ хожденія въ Польшу на разбой. Тогда начали нещадно бить обоихъ; но колодники теперь ничего не говорили: сколько ни силились судьи вызвать ихъ на отвѣтъ, отвѣтомъ были свистъ бичей да глухіе прерывистые стоны пытаемыхъ. Тѣмъ и закончилось слѣдствіе, что Литвиненка да Шкуренка до полусмерти отстегали батожьемъ. По дѣлу о разбоѣ дома Мармуты ничего болѣе не предпринимали генеральная канцелярія и генеральный судъ: ожидали той поры, когда поймается и будетъ явленъ въ судъ самъ ватажекъ Иванъ Требинскій.

А. Полицкій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Харьковское общество благотворенія (въ 1812–1817 г. г.).

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

(ПО НЕИЗДАННЫМЪ ДОКУМЕНТАМЪ)[1].

ГЛАВА 4-я.

Въ концѣ 1813 года, когда Совѣтъ началъ изыскивать мѣры „противъ дальнѣйшаго увеличенія недоимокъ и ко взысканію прежнихъ“, губернаторомъ И. И. Бахтинымъ было получено изъ министерства полиціи отъ Главнокомандующаго въ С.-Петербургѣ Вязьмитинова предписаніе: доставить въ министерство свѣдѣнія о дѣлахъ Харьковскаго Общества благотворенія, о которомъ министерство полиціи не имѣло никакихъ свѣдѣній съ самаго учрежденія устава Общества. Письмомъ на имя А. Ф. Квитки губернаторъ просилъ исполнить требованіе министерства полиціи. Тогда уже совѣтъ рѣшилъ, представивъ отчетъ, обратить вниманіе Министерства на неаккуратныхъ плательщиковъ и вмѣстѣ просить губернатора о предписаніи земскимъ судамъ помогать корреспондентамъ Общества при взысканіи недоимокъ[2]. Затѣмъ было составлено правителемъ дѣлъ циркулярное предложеніе неаккуратнымъ членамъ Общества о скорѣйшей уплатѣ недоимокъ. Черновая этого предложенія, писанная рукою Квитки, много разъ перечеркнутая и закапанная

[1] См. „Кіевск. Стар.“ 1896 г. № 5.

[2] А такихъ неплательщиковъ, какъ видно изъ отчета, къ концу 1814 года было уже 141, да отказавшихся отъ всякаго участія въ дѣлахъ Общества – 6.

чернилами, ясно свидѣтельствуетъ о состояніи духа до тѣхъ поръ аккуратнѣйшаго правителя дѣлъ. Вотъ она дословно. „28-ю статьею Высочайше утвержденныхъ правилъ Общества, возложено на Совѣтъ представлять ежегодно публикѣ отчетъ въ дѣлахъ своихъ и о состояніи суммы, ему ввѣренной. Въ отчетѣ сего года недоимка на г. г. членахъ показана болѣе 7000 руб.[1]). Отчетъ сей, по правиламъ Общества, долженъ быть напечатанъ въ вѣдомостяхъ обѣихъ столицъ, а вслѣдствіе предписанія начальства, въ свое время представленъ министерству полиціи, при чемъ должно быть подробно выяснено состояніе благотворительныхъ заведеній Общества, указаны средства распространить оныя для общей пользы и причины невозможности содержать оныя. Главнымъ же препятствіемъ довести устроенныя заведенія до предложенной цѣли, учредить новыя, правилами предписанныя[2]), и вспомоществовать несчастнымъ—служитъ неисправный взносъ подписанной суммы нѣкоторыми членами, въ числѣ которыхъ и на Васъ почитается недоимка. Совѣтъ покорнѣйше проситъ Васъ не замедлить доставленіемъ слѣдуемыхъ съ Васъ денегъ и впредь проситъ взносить никакъ не позже 1-го генваря каждаго года, или неугодно ли будетъ Вамъ разъ на всегда внести капиталъ, проценты съ котораго равнялись бы Вашему ежегодному взносу, за что Совѣтъ не замедлитъ признать Васъ своимъ дѣйствительнымъ членомъ и доставитъ Вамъ на званіе это установленный дипломъ“.—„Многіе изъ г. г. корреспондентовъ извѣстили Совѣтъ, что на многократныя ихъ напоминанія о платежѣ суммы не получаютъ они никакого удовлетворительнаго отвѣта отъ неплатящихъ членовъ, почему Совѣтъ и рѣшилъ отнестись къ Вамъ непосредственно и просить отъ Васъ увѣдомленія, угодно ли Вамъ, заплатя числящуюся на Васъ недоимку, и впредь вносить подписанную Вами сумму, или по какимъ-нибудь обстоятельствамъ Вы не можете, или не желаете быть членомъ Общества благотворенія. Отвѣтъ на это Совѣтъ проситъ доставить ему никакъ не позже 1-го марта 1815 года. Неполученіе

[1]) См. ниже отчетъ 1814 года.

[2]) Подразумѣваются, вѣроятно, богадѣльни и пріюты.

отвѣта къ означенному сроку почтется за нежеланіе Ваше быть членомъ Общества, при чемъ Совѣтъ не замедлитъ отреченіе Ваше довести до свѣдѣнія Начальства и публики, но все же проситъ Васъ внести всю числящуюся на Васъ до сихъ поръ недоимку, которая ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть сложена съ Васъ, потому, во 1-хъ, что, надѣясь на исправный взносъ членами денегъ, всѣ смѣтныя деньги Совѣтъ распредѣлилъ уже соотвѣтственно правиламъ Общества, во вторыхъ, что въ недоимочномъ спискѣ, посланномъ высшему начальству, недоимка эта числится за Вами. Эта мѣра, предпринимаемая Совѣтомъ,— необходима. Заведенія Общества, по мѣрѣ возможности, уже достигаютъ своей цѣли. Но никакія старанія, никакія усилія не въ состояніи будутъ удержать ихъ даже въ теперешнемъ видѣ, если сумма къ тому будетъ недостаточна, или несвоевременно вносима. Недостатокъ денегъ, все возростая, можетъ довести Общество до послѣдней крайности: закрыть учрежденныя имъ благотворительныя заведенія, уничтожить и самое Общество, учрежденное по мысли Человѣколюбиваго Монарха, принявшаго оное при самомъ его рожденіи такъ благосклонно[1]). Неужели Совѣтъ, по Высочайшему соизволенію управляющій дѣлами Общества, представитель его нуждъ передъ правительствомъ, увидитъ себя въ горестной необходимости донести оному, что Августѣйшая воля призирать бѣдныхъ слабо исполняется дворянствомъ Слободско-Украинской губерніи! Но Совѣтъ не дерзаетъ и помыслить, чтобы въ Обществѣ, столь знаменитомъ по источнику своему и цѣли, нашелся кто-либо изъ членовъ, дерзнувшій сказать, что онъ не желаетъ болѣе благотворить нещастнымъ братіямъ своимъ[2]) и отвергаетъ Высочайшее благоволеніе обожаемаго Монарха, изліянное на него при изъявленіи только желанія вспомоществовать страждущимъ". Это

---

[1]) Дальше все зачеркнуто и неизвѣстною рукою написано: „не надо лучше" Но мы выписываемъ въ текстѣ и зачеркнутыя мѣста.

[2]) Василій Масловичъ, издавшій въ началѣ 1814 года свои „басни въ стихахъ", въ концѣ того же года написалъ свой „драматическій кантатъ Харьковскому благотворительному Обществу". Къ сожалѣнію, содержаніе его намъ не извѣстно, но вѣроятно, авторъ изображалъ въ немъ горестное положеніе Общества.

окончаніе, несомнѣнно нѣсколько превышавшее мѣру полномочій Совѣта и походившее на доносъ, конечно, никому не могло понравиться и было выпущено въ циркулярномъ предложеніи Совѣта, но оно свидѣтельствуетъ еще яснѣе, что положеніе дѣлъ Общества было поистинѣ критическое. Кругъ благотворительной дѣятельности Общества становился все шире[1]), а средства существовали больше на бумагѣ, чѣмъ въ дѣйствительности. Для доказательства только что сказаннаго, приведемъ еще 2 отчета Общества за 1814 и 1815 годы и для сравненія соединимъ ихъ въ одно цѣлое.

Число членовъ Общества продолжало увеличиваться за оба отчетные года: въ 1813 году членовъ было 215 человѣкъ, въ 1814—233 (3 умерло), изъ нихъ не взнесшихъ своевременно денегъ—141, отказавшихся отъ платы—6; въ 1815 году—261 членъ. Между прочимъ въ отчетѣ за 1815 годъ находится слѣдующее заявленіе Совѣта: „нѣкоторые изъ членовъ на требованіе отъ нихъ недоимки заявили, что они не желаютъ болѣе быть членами Общества благотворенія[2]), и потому просили объ исключеніи ихъ изъ списковъ, но какъ на вписаніе ихъ въ члены была у каждаго собственная воля, и всякій, кто дѣлалъ какія-либо пожертвованія единовременно, тогда же объяснялъ о томъ въ подпискѣ, на основаніи которой былъ составленъ списокъ и по напечатаніи доставленъ каждому члену, и не было ни отъ кого возраженія о неправильномъ включеніи въ число членовъ, то по прошествіи столь долгаго времени Совѣтъ и не смѣетъ ихъ исключить, а обязанъ будетъ, если не доставятся

[1]) Особенно по Черниговской губерніи, гдѣ и возросло число членовъ Общества, но за то прибавилось и много бѣдныхъ, получавшихъ пособіе отъ Общества. См. отчеты.

[2]) Въ дѣлѣ Инст. Арх. № 24, „Объ отказавшихся членахъ“ находятся письма членовъ, отказавшихся въ 1815 году; изъ нихъ интересно письмо проф. Каменскаго, который, ссылаясь на то, что введенъ былъ въ заблужденіе бывшимъ ректоромъ Стойковичемъ, отказывался отъ ежегоднаго взноса, такъ какъ, подписывая 25 р., считалъ ихъ единовременнымъ взносомъ, кромѣ того Каменскій совершенно справедливо замѣчаетъ, что нельзя богатыхъ помѣщиковъ и людей, живущихъ однимъ жалованіемъ, равнять между собою, а также (что важнѣе всего) нельзя заставить силою (принудительно) дѣлать добро. Если же Общество непремѣнно желаетъ получать свои деньги, пусть подастъ искъ на бывш. ректора Стойковича.

отъ нихъ къ исходу сего года всѣ недоимочныя деньги, донести о томъ министерству полиціи [1]), и имена ихъ сдѣлать извѣстными чрезъ вѣдомости". Едва ли таковая угроза по адресу неплательщиковъ, вѣроятно, присутствовавшихъ въ томъ собраніи, гдѣ торжественно читался отчетъ Общества, могла кому-либо понравиться. Среди дворянства слышалось все больше и больше

---

[1]) Эта угроза и была приведена въ исполненіе. Въ томъ же дѣлѣ (№ 1, в.) гдѣ находятся оба отчета, сохранились и двѣ черновыя донесеній Совѣта Общества Главнокомандующему въ С.-Петербургѣ, относящіяся къ 1815 году. Приводимъ ихъ въ извлеченіи. Первое, помѣченное Іюнемъ 1815 года, начинается заявленіемъ Совѣта, что вниманіе начальства ободрило Совѣтъ среди затрудненій и „обязало его всѣми способами стараться поставить на прочномъ основаніи всѣ учрежденныя уже благотворительныя заведенія, отъ коихъ польза становится съ каждымъ годомъ все ощутительнѣе для всего здѣшняго края". „Но при всемъ неослабномъ попеченіи своемъ Совѣтъ, не видя отъ нѣкоторыхъ членовъ никакого содѣйствія Обществу, столь милостиво принятому человѣколюбивымъ Монархомъ, и опасаясь разрушенія не только заведеній, но и самаго Общества, осмѣливается представить Вашему Высокопревосходительству всѣ подробности обстоятельствъ, потрясающихъ самое существованіе Общества". „При составленіи Общества всякій, желающій быть членомъ его, подписывалъ свое имя и назначаемую имъ сумму на объявленіи, (коего листъ при семъ къ Вашему Высокопревосходительству препровождается) и Совѣтъ, по смыслу 4-го пункта объявленій (ср. выше) считалъ таковыхъ членами какъ обязавшихся платить подписанную сумму ежегодно; нежелавшіе же быть членами означали при подпискѣ, что они означенную сумму вносятъ единовременно. Напечатанные списки членовъ препровождены каждому изъ нихъ, и Совѣтъ, получая ихъ взносы, въ квитанціяхъ именовалъ ихъ членами, на что никогда и ни отъ кого не было возраженія или отреченія отъ ежегоднаго взноса". Затѣмъ исчисляются благотворенія: единовременныя и постоянныя и издержки, которыя дѣлалъ Совѣтъ на содержаніе пансіонеровъ при гимназіи и институтѣ, и указывается полнѣйшая невозможность дальнѣйшаго существованія Общества вслѣдствіе неаккуратности плательщиковъ. Недоимка оказалась уже за первый годъ существованія Общества, но на 4-й она такъ возросла, что пришлось, „1-е, ограничить число воспитанниковъ при гимназіи, 2-е, прекратить выдачу назначенныхъ пожизненно пенсій и въ 3-хъ, пріостановить раздачу капитала подъ проценты и употребить изъ онаго значительную сумму на содержаніе воспитанницъ Института". Правда, многіе члены пополнили свои недоимки, но другіе вовсе отказались платить, и Совѣтъ, не имѣя права исключить ихъ изъ списка членовъ, проситъ Главнокомандующаго предписать губернатору всячески содѣйствовать Обществу, а Совѣту дозволить представить списки членовъ губернскому правленію для взысканія съ нихъ недоимки. Другое донесеніе касается больше Института; въ этомъ донесеніи Совѣтъ проситъ, чтобы губернатору было предписано убѣдить всѣми зависящими отъ него мѣрами гг. корреспондентовъ Общества точно исполнять свои обязанности, а вновь избранныхъ—не уклоняться отъ этой должности.

недовольныхъ голосовъ. Иные, какъ И. Н. Каразинъ, говорили, что Общество уклонилось отъ своихъ цѣлей, другіе, что добровольные взносы хотятъ обратить въ государственные налоги, третьи, наконецъ, подсмѣиваясь надъ неаккуратными, устрашали ихъ судомъ[1]). Да и въ самомъ дѣлѣ добровольныя пожертвованія дворянства, сдѣлавшись обязательными или лучше сказать принудительными, утрачивали свой первоначальный характеръ. Приходилось „творить добро“ по неволѣ, и съ этой стороны жалобы дворянства имѣли свои основанія. Поэтому намъ кажется несомнѣннымъ, что просвѣщенный и высокогуманный Императоръ Александръ I, если только до него доходили объ этомъ слухи (а они, несомнѣнно, могли дойти черезъ того же Главнокомандующаго Вязьмитинова), не могъ иначе взглянуть на дѣло, какъ неодобрительно. Чтобы убѣриться въ этомъ, стоитъ только припомнить себѣ его замѣчательный рескриптъ, данный въ 1801 году на имя Слободско-Украинскаго губернатора и призывавшій къ пожертвованіямъ дворянъ на устроеніе въ Харьковѣ кадетскаго корпуса. Этотъ рескриптъ цѣликомъ приводитъ въ своемъ трудѣ проф. Д. И. Багалѣй, но мы заимствуемъ здѣсь только окончаніе рескрипта, какъ наиболѣе характерное и интересное для нашей цѣли... *„При семъ не упустите изъ виду самое существенное правило, чтобъ добрая воля и свободное движеніе чести было единымъ побужденіемъ сего дѣйствія, чтобъ удаленъ былъ отъ него самый видъ понудительныхъ внушеній. Я отвращаюсь жертвъ, приносимыхъ съ сожалѣніемъ или по нуждѣ, и малѣйшее отягченіе государства вѣситъ въ понятіяхъ моихъ болѣе, нежели всѣ счастливыя предположенія...“* (Оп. Истор. Харьковск. Университета стр. 17—

[1]) Отказъ казначея А. И. Безрукова, получившаго увольненіе 27 Сентября 1813 г., и замѣна его Іоной Николаевичемъ Познанскимъ (см. дѣло И. Ар. № 1, и протоколъ засѣданія Совѣта 27 сентября 1813 года) доставили, повидимому, много новыхъ непріятностей Совѣту. Іона Николаевичъ Познанскій, человѣкъ, повидимому, очень неуживчивый, возненавидѣлъ Квитокъ и отомстилъ впослѣдствіи во время дворянскихъ выборовъ 1816 года доносомъ на Г. Ѳ., котораго дворянство избрало Харьковскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства на мѣсто того же Познанскаго, коего злостная клевета вполнѣ опровергнута губернскимъ прокуроромъ. См. біографію Квитки, г. С. Р., стр. XX.

18). Такое же почти опредѣленное требованіе, чтобы пожертвованія всякаго рода были добровольными и необременительными, встрѣчаемъ въ другомъ рескриптѣ Императора, въ которомъ онъ благодаритъ Екатеринославское дворянство „за даръ“ его Харьковскому Университету „довольно значащаго приношенія единственно отъ избытковъ ихъ“ и т. д. Послѣ такого категорическаго заявленія самого „обожаемаго монарха“, всякаго рода принудительныя раскладки, хотя бы съ самою возвышенною и благодѣтельною цѣлью, становились невозможны и нежелательны, и только отчаянное положеніе Общества могло заставить Совѣтъ забыть и о царской волѣ.

Не менѣе интересна и та часть отчетовъ, которая говоритъ о расходованіи суммы ежегодныхъ взносовъ. Отъ прошлаго 1813 года какимъ-то чудомъ въ кассѣ Общества оставалось еще 462 р. 50 коп. наличными, въ теченіе 1814 года взносовъ поступило 3,891 руб. 60 коп. Именитый членъ Пав. Григ. Демидовъ къ присылаемой ежегодно суммѣ въ 1000 рублей прибавилъ еще 1000 рублей съ особеннымъ назначеніемъ [1]). Сюда же присоединились: проценты съ капитала въ количествѣ 435 рублей и плата за своекоштныхъ институтокъ, достигшая въ 1814 году 1093 рублей.

Недоимки показаны въ отчетахъ такъ: за 1812 г.—475 р. за 1813 г.—1925 р., за 1814 г.—4825 р., а всего 7225 руб. Исключивъ изъ наличной суммы расходы по содержанію института (6348 руб. 19 коп.), питомцевъ при гимназіи (1115 руб.), мы видимъ, что ея не хватаетъ не только на раздачу пенсій и пособій, но и на текущіе расходы по институту, поэтому уже въ 1814 году пришлось взять *заимообразно* изъ капитальной суммы 1336 руб. Изъ этой суммы на раздачу пенсій было издержано 192 руб. 50 коп. и только 25 руб. на единовременныя пособія. Даже, если присоеденить сюда 40 руб., издержанные на отправленіе въ военную службу воспитанника общества, и 100 руб. на канцелярію, всего получится 353 руб. 50 коп. Такимъ образомъ мы видимъ, что уже въ отчетномъ году дѣ-

[1]) На содержаніе одной воспитанницы въ институтѣ и одного воспитанника при гимназіи имени Демидова.

ятельность общества мало по малу сосредоточилась исключительно на воспитаніи и обученіи бѣдныхъ дѣтей.

Еще рельефнѣе выступаетъ это направленіе дѣятельности общества въ отчетѣ 1815 года. Въ самомъ началѣ этого года совѣтъ разсылаетъ всѣмъ своимъ уѣзднымъ корреспондентамъ слѣдующее заявленіе. „Въ засѣданіи своемъ 30 декабря 1814 года совѣтъ, разсмотрѣвъ записки о поступленіи и расходованіи суммъ общества, нашелъ, что смѣта расходовъ много превышаетъ сумму, поступающую *ежегодно* отъ гг. членовъ, и что, за недостаткомъ ея, употреблена на расходы значительная часть капитала, котораго, при неисправномъ взносѣ ежегодной суммы гг. членами и по причинѣ увеличенія расходовъ на содержаніе заведеній общества, пополнить невозможно; вслѣдствіе сего, опасаясь полнаго истощенія капитала, совѣтъ рѣшилъ съ 1 января сего 1815 года пріостановить выдачу уже назначенныхъ пенсій, а вновь поступающія просьбы о пособіяхъ оставить безъ разсмотрѣнія до того времени, когда сумма общества будетъ достаточна для возмѣщенія издержанной части капитала и вмѣстѣ для безбѣднаго существованія воспитанниковъ и воспитанницъ общества". Затѣмъ въ отчетахъ общества за этотъ годъ мы находимъ еще „ежемѣсячныя вѣдомости" о движеніи суммъ общества. Намъ кажется, что появленіе этихъ „вѣдомостей" объясняется, съ одной стороны, самымъ усложненіемъ отчетности (вмѣстѣ съ расширеніемъ института), съ другой, большую детальность отчетовъ за это время можно объяснить желаніемъ Г. Ѳ. имѣть во всякое время подъ руками оправдательные документы въ правильности расходованія суммъ. Вѣроятно, уже въ концѣ 1813 года начались какія-то размолвки, затѣмъ вспыхнула открытая ссора съ членомъ совѣта и казначеемъ І. Н. Познанскимъ [1]) (которому назначенъ былъ въ помощники кол. асс. Басанскій). Тогда въ обществѣ могли распространиться

[1]) Въ февралѣ 1814 года на общихъ дворянскихъ выборахъ избраны предсѣдателемъ совѣта А. Ѳ. Квитка; членами: П. Я. Любовниковъ, А. И. Шредеръ, Г. Ѳ. Квитка и казначеемъ И. Г. Басанскій. Слѣдовательно І. Н. Познанскій уже разсорился въ то время съ Квитками. Вѣроятно А. Ѳ. и былъ виновникомъ его удаленія.

какія-либо инсинуаціи, бросавшія тѣнь и на правителя дѣлъ. Вотъ вѣроятныя причины появленія при оффиціальныхъ отчетахъ и „ежемѣсячныхъ вѣдомостей“. Въ этихъ „вѣдомостяхъ“ насъ прежде всего поражаетъ крайняя незначительность наличной суммы къ началу каждаго отчетнаго мѣсяца [1]), затѣмъ почти полное отсутствіе единовременныхъ пособій (для которыхъ нѣтъ даже особой графы въ вѣдомостяхъ) и, наконецъ, частыя заимствованія изъ капитальной суммы (напр. на починку дома для института казначеемъ И. Г. Басанскимъ было издержано изъ капитала 683 руб.) и постоянное возростаніе издержекъ на содержаніе института. Годовой отчетъ констатируетъ все это еще яснѣе. Правда, наличная ежегодная сумма доходила до 7647 руб. 35 коп., но издержки по воспитанію юношей (1030 р.) и особенно на институтъ (8387 руб. 51 коп.) такъ возросли, что совѣтъ, какъ мы видѣли, долженъ былъ отказывать просителямъ не только въ единовременныхъ пособіяхъ, но и въ пенсіяхъ, которыя были бы вовсе прекращены, если-бы благодѣтель общества П. Г. Демидовъ, кромѣ 1000 руб. ежегодныхъ и 500 руб. въ капиталъ,—не прислалъ еще 300 руб. спеціально *для раздачи бѣднымъ*, но изъ этой суммы единовременно выдано было только 60 руб., а остальныя деньги выданы пансіонерамъ. Не много выдавали пособій и корреспонденты другихъ губерній. Черниговскій корреспондентъ Бажановъ, увеличившій доходы общества на 2000 рублей и привлекшій много членовъ, роздалъ всего 75 руб.; Тобольскій корреспондентъ фонъ-Кремеръ собралъ для общества и выдалъ бѣднымъ 100 руб. Изъ отчета Кремера, между прочимъ, видно, что Тюменьскій исправникъ Лунгъ заявилъ о пожертвованіи 38 руб. для раздачи бѣднымъ *нѣкоторыми крестьянами* того уѣзда, чему составитель отчета придаетъ не малое значеніе [2]). Причиною такого

[1]) Къ 1-му января 1815 года на лицо состояло 25 рублей, къ 1-му февраля—30 руб., къ 1-му марта—63 руб., къ 1-му мая—*наличной суммы не было вовсе*, къ 1-му іюня было уже 107 руб. 40 коп., къ 1-му іюля—75 коп., къ 1-му сентября 3 руб. 15 коп. и т. д. Послѣ этого понятны отчаянные вопли совѣта и настойчивое требованіе уплаты недоимокъ.

[2]) „Даже въ столь отдаленномъ краѣ нашего отечества, зная благія намѣренія нашего общества, и простой человѣкъ спѣшитъ участвовать въ подаяніи братіямъ

уменьшенія благодѣяній несчастнымъ совѣтъ считаетъ, главнымъ образомъ, недоимки, хотя сумма ихъ, въ 1814 году доходившая, какъ мы видѣли, до 7225 руб. въ отчетномъ году, „благодаря усердному содѣйствію гг. корреспондентовъ", была уже много меньше: всего 2475 руб. Капиталъ въ 1815 году возросъ до 16619 руб. 74 коп. Изъ него роздано заимообразно 11536 руб. и взято въ расходъ на содержаніе института 3219 рублей. Здѣсь также указаны пожертвованія въ пользу общества *вещами* (холстъ, полотно и платки), предназначаемыми для воспитанницъ института [1]). Наконецъ къ отчету на 1815 годъ при-

своимъ, дѣлая сіе съ вѣрою, что и малая чаша воды, поданная жаждущему, не останется безъ награды отъ Мздовоздателя". (ibidem, eodem loco). Зная, какіе практиковались еще въ сравнительно недавнее время поборы среди жителей отдаленной Сибири изобрѣтательными исправниками, какъ-то не вѣрится въ то, чтобы это пожертвованіе было сдѣлано добровольно и сознательно.

[1]) Кромѣ пожертвованій, въ 1817 году совѣтъ издалъ въ свѣтъ „сочиненія" (стихотворенія и разсказы) мѣстной поэтессы Любови Кричевской, подъ заглавіемъ „Мои свободныя минуты". Кричевская долго сотрудничала въ мѣстномъ журналѣ „Украинскомъ Вѣстникѣ" и была очень польщена этимъ изданіемъ, какъ видно изъ объявленія о подпискѣ на ея сочиненія, составленнаго, вѣроятно, Г. Ѳ. Квиткою. „При составленіи стиховъ Кричевская была руководима, говорится въ объявленіи, всегда собственнымъ чувствомъ; у ней нѣтъ ничего заимствованнаго, кромѣ нѣсколькихъ подражаній. Сіи чистыя произведенія своего таланта почтеннѣйшая писательница желаетъ увѣнчать еще добрымъ дѣломъ, принося плоды своихъ занятій въ даръ харьковскому Институту общества благотворенія". Вотъ собственныя слова ея, въ которыхъ она простосердечно заявляетъ читателямъ „о средствахъ и намѣреніи своемъ". „Говорятъ, что признательность есть знакъ добраго сердца, какое пріятное замѣчаніе для меня. Желая удержать довѣренность своего читателя, я со всею признательностью являюсь передъ нимъ въ ту минуту, когда онъ беретъ мою книгу въ руки, надѣясь провести хоть одинъ часъ съ удовольствіемъ... Не науки и познанія настраивали мою лиру: даже сіе самое обыкновенное выраженіе *я училась на мѣдныя деньги* не идетъ ко мнѣ, ибо я и ни на какія не училась. Сокращенный катехизисъ, преподанный мнѣ нѣжной, доброю матерью, составлялъ всѣ мои науки"... „И такъ, почтенный читатель, я не обѣщаю тебѣ ничего своими Свободными минутами": не для славы издаю ихъ; чувство гораздо возвышеннѣе побудило меня къ тому—надежда сколько-нибудь способствовать почтеннѣйшей публикѣ имѣть новыя благодѣянія на сиротъ, призрѣнныхъ харьковскимъ обществомъ благотворенія, которому сердце мое съ восторгомъ посвящаетъ сіи слабые труды" „Чувствительныя сердца, подивитесь моей хитрости: я нашла способъ быть читаемой вами! Кто изъ васъ откажется быть благодѣтелемъ нуждающемуся человѣчеству? Ахъ сколь благословенна та минута, въ которую я перенесла свое перо отъ расходной книги на эту тетрадь". Стихи Кричевской раскупились довольно бойко благотворителями: въ первый же годъ ихъ разошлось около 100 экземпляровъ.

ложены были, въ видѣ особой записки, еще слѣдующіе пункты, подлежавшіе разсмотрѣнію общаго собранія членовъ. 1) „Другой уже годъ совѣтъ не имѣетъ предсѣдателя, почему почтеннѣйшее собраніе общества приглашаетъ приступить къ избранію его". Этотъ пунктъ, за отсутствіемъ другихъ документальныхъ данныхъ, представляется намъ нѣсколько непонятнымъ. Въ дѣлѣ № 2 Ин. Арх. („Объ открытіи совѣта и объ избраніи членовъ его съ 1812 по 1815 гг. на 95 *листахъ*), гдѣ, повидимому, всѣ листы сохранились, мы нашли листъ (84-й) съ именами лицъ, избранныхъ въ общемъ собраніи членовъ 1 февраля 1814 года на слѣдующее трехлѣтіе (1814—1817). Предсѣдателемъ совѣта по прежнему избранъ А. Ѳ. Квитка, кандидатомъ къ нему—(онъ же старшій членъ совѣта), вице-губернаторъ Василій Гавриловичъ Муратовъ, 2-й членъ совѣта: П. Я. Любовниковъ. Кандидаты въ члены: директоръ гимназіи А. И. Шредеръ и А. И. Безруковъ, правитель дѣлъ Г. Ѳ. Квитка и казначей—И. Г. Басанскій. (Познанскаго уже нѣтъ въ числѣ членовъ). Вскорѣ послѣ этого, именно 17 февраля того же года А. Ѳ. Квитка отправился во главѣ дворянской депутаціи съ поздравленіемъ къ Императору (по случаю благополучнаго окончанія войны), но ни въ этомъ дѣлѣ, ни въ другихъ нѣтъ ни малѣйшаго указанія на выходъ его въ отставку. Можно только предполагать, что, вѣроятно, вышли какія-то недоразумѣнія между предсѣдателемъ совѣта, словесно отказавшимся отъ участія въ дѣлахъ общества, и кѣмъ-либо изъ бывшихъ или вновь избранныхъ членовъ совѣта, но тогда ли именно произошла указанная нами выше ссора между А. Ѳ. Квиткой и І. Н. Познанскимъ [1]) и было ли временное удаленіе предсѣдателя

[1]) Если мы рѣшаемся утверждать, что ссора произошла между А. Ѳ. и Познанскимъ (а не между послѣднимъ и Г. Ѳ.), то основываемся, во 1-хъ на внезапномъ удаленіи А. Ѳ. отъ должности предсѣдателя, во 2-хъ, на извѣстномъ всѣмъ миролюбивомъ характерѣ Гр. Ѳед., хотя месть Познанскаго и обратилась именно на этого послѣдняго. Но намъ кажется, что Познанскій поступилъ такимъ образомъ потому, что не могъ повредить А. Ѳ. и обрушился на Г. Ѳ., котораго дворянство избрало вмѣсто него уѣзднымъ предводителемъ. Впрочемъ, при всемъ желаніи повредить Квиткѣ, онъ могъ придумать противъ его избранія предводителемъ только 2 главныхъ довода: 1) что онъ не имѣетъ офицерскаго чина и 2) что не обладалъ до-

только естественнымъ результатомъ этой ссоры или, наконецъ, просто его удерживала въ Петербургѣ необходимость дождаться возвращенія государя, мы этого не знаемъ. Вообще намъ кажется, что такая переписка, изъ которой можно было бы узнать подробности ссоры, врядъ ли могла сохраниться въ архивѣ, и если таинственная „салфетка съ письмами“ и заключала какіе-либо матеріалы по этому вопросу, то, повидимому, она также таинственно исчезла изъ архива, еще въ то время, когда послѣ смерти предсѣдательницы общества благотворенія маіорши Настасьи Ник. Надаржинской († 25 іюля 1830 года), дѣла общества были переданы совѣту института мы пересмотрѣли всѣ описи дѣлъ института съ 1831 года, но нигдѣ не нашли ни малѣйшаго указанія даже на существованіе подобнаго хранили-

---

статочнымъ цензомъ, но то и другое опровергнуто дознаніемъ прокурора (см. Біогр. Квитки, С. Р. стр. XX). По поводу имущества Г. Ѳ. и его капитанскаго чина, вотъ что, между прочимъ, извѣстно благодаря новымъ изслѣдованіямъ; въ архивѣ харьковской духовной консисторіи почтенный протоіерей Н. Лащенко нашелъ всѣ документы, касающіеся поступленія Г. Ѳ. въ монастырь. Здѣсь, между прочимъ, Квитка говоритъ о себѣ, „что родился въ 1778 году, былъ въ военной службѣ, затѣмъ вышелъ въ отставку съ чиномъ *капитана* въ 1797 году (см. прошеніе его отъ 4 мая 1804 года). Затѣмъ интересно еще слѣдующее свидѣтельство, представленное въ консисторію родителями Квитки: „Мы ниже подписавшіеся, видѣвъ сына нашего отставного капитана Григорія предпринятое еще въ 1797 г. желаніе вступить въ монашество и доселѣ непримѣняемое, согласіе изъявляя, дозволили ему, сыну нашему, подать преосвященному Христофору, епископу слободско-украинскому и харьковскому, о такомъ его, сына нашего, намѣреніи прошеніе, въ чемъ свидѣтельствуя подписываемся съ приложеніемъ герба домашней нашей печати, кол. сов. и кав. Ѳедоръ Ив. сынъ Квитка, кол. совѣтница Марья Васильевна Квиткина; сему свидѣтельствуя, родной дядя его премьеръ-маіоръ Илья Ивановичъ Квитка руку приложилъ. Въ томъ же свидѣтельствую маіоръ Андрей Квитка“. Этотъ документъ проливаетъ чрезвычайно много свѣта на семейныя отношенія Квитокъ. Г. Ѳ., уходя въ монашество, доставлялъ „кумиру семьи“ Анд. Ѳеод. свою часть имѣнія болѣе, чѣмъ съ 300 душъ крестьянъ, и такимъ образомъ давалъ ему всѣ средства, необходимыя для поддержанія того блестящаго положенія, которое его ожидало. Но по возвращеніи изъ монастыря Г. Ѳ. не взялъ своей части имѣнія, получивъ только впослѣдствіи, чтобы имѣть необходимый цензъ на 80000 рублей векселей и очень небольшую часть имѣнія. Впослѣдствіи подъ старость уже, разстроивъ свои дѣла еще больше участіемъ въ расходахъ по дѣламъ института, Г. Ѳ. жилъ на Основѣ во флигелѣ, возлѣ дворца своего брата-сенатора и очень нуждался, какъ видно, между прочимъ, изъ постоянныхъ просьбъ его въ редакціи журналовъ, гдѣ печатались его сочиненія, о скорѣйшей присылкѣ гонорара. (Смотри біографію Квитки г-на С. Р. стр. XLII).

ща писемъ. Какъ бы то ни было, но это временное удаленіе А. Ѳ. отъ должности предсѣдателя *никогда не считалось за увольненіе его въ отставку*. Въ 5 части „Украинскаго Вѣстника", за мартъ 1817 года [1]) (на стр. 357) читаемъ слѣдующее. „Для свѣдѣнія какъ гг. членовъ, въ разныхъ губерніяхъ жительствующимъ, такъ и другимъ особамъ, имѣющимъ какую либо надобность къ обществу благотворенія, объявляется, что членами въ совѣтъ на наступившее трехлѣтіе избраны: предсѣдателемъ губерн. предводитель дворянства Анд. Ѳед. Квитка *на третье уже трехлѣтіе;* [2])—*членами засѣдающими*: совѣстный судья Н. В. Лосевъ, полковникъ и кавалеръ Ал. Анд. Щербининъ, *по учебной части*—протоіерей Ал. Степановичъ Башинскій (о немъ ниже); *правителемъ дѣлъ* Предводитель дворянства харьковскаго уѣзда Григ. Ѳед. Квитка. Самые выборы сіи производились *особеннымъ порядкомъ*: каждый членъ общества писалъ тайно на особой бумагѣ, кого онъ и въ какой должности избираетъ; потомъ листы сіи вручены были г-ну Губернатору, какъ начальнику губерніи, и въ тоже время члену общества. Его превосходительство, сосчитавъ голоса, на кого сколько подано, объявилъ имена избранныхъ членовъ собранію". Изъ этого объясненія можно заключить, что, во 1-хъ А. Ѳ. Квитка *никогда*, даже во время отсутствія, *выбывшимъ изъ общества не считался* [3]), во 2-хъ, что дѣйствительно противъ

---

[1]) Каждая *часть* „Украинскаго Вѣстника" состояла изъ 3-хъ мѣсячныхъ книжекъ. Такимъ образомъ за 1816 годъ вышло 4 части, а 5-я часть 1817 года заключала въ себѣ январьскую, февральскую и мартовскую книжки.

[2]) Курсивъ нашъ. Мы нарочно подчеркиваемъ это слово, потому что, очевидно, Г. Ѳ. считаетъ *первымъ трехлѣтіемъ время между* 1812 и 1815 г. 2-мъ 1814—1817 и 3-мъ 1817—1820 годами. О томъ же Г. Ѳ. напечаталъ и въ „Харьковскихъ извѣстіяхъ" (1817-й годъ, № 5): „Сего 27 января въ 6 часовъ вечера харьковское общество благотворенія имѣло свое собраніе въ домѣ г. совѣстнаго судьи Н. В. Лосева, гдѣ на основаніи 7 ст. Высоч. утв. правилъ избраны"... Далѣе перечислены тѣже лица, но съ прибавленіемъ: „казначеемъ Александръ Ермолаевичъ Мельгуновъ".

[3]) Хотя нареканія несомнѣнно были и настолько сильно вліяли на Квитку, что онъ вскорѣ послѣ общаго собранія членовъ, на которомъ предложилъ избрать предсѣдателя вмѣсто отсутствовавшаго брата, обратился къ губернатору съ просьбою принять временно въ свое завѣдываніе всѣ дѣла общества, замѣняя такимъ об-

правильности прежнихъ выборовъ слышалось много возраженій, и потому то новые выборы происходили *особеннымъ порядкомъ* съ участіемъ губернатора, которое, по мнѣнію, совѣта, гарантировало его (совѣтъ) отъ нареканій на будущее время (замѣтимъ еще, что здѣсь же впервые упоминается отдѣльно *членъ по учебной части*). Остальные 4 пункта добавленій къ отчету 1815 года уже не ведутъ ни къ какимъ недоразумѣніямъ.

Итакъ, 1815 годъ начинается отказомъ Общества отъ выдачи пособій и кончается заявленіемъ о необходимости для Института стать подъ высочайшее покровительство, чтобы не прекратить свое существованіе, польза котораго, по словамъ отчета, уже „ощутительно для всѣхъ сказывается". Слѣдовательно этотъ годъ былъ однимъ изъ наиболѣе тяжкихъ для Общества. Тѣмъ не менѣе правитель дѣлъ все еще лелѣетъ себя надеждою, что ему удастся пробудить общественную благотворительность своими искусно составленными отчетами, въ которыхъ онъ, часто покидая сухой оффиціальный тонъ, трогательнымъ краснорѣчіемъ своимъ старается подѣйствовать на сердце читателя. Отчеты эти помѣщаются теперь преимущественно въ мѣстныхъ органахъ печати „Харьковскихъ Извѣстіяхъ" и „Украинскомъ Вѣстникѣ". Въ статьѣ объ институтѣ мы приведемъ эти отчеты, иногда очень характерные, здѣсь же замѣтимъ только, что чисто благотворительная дѣятельность общества, какъ видно изъ отчетовъ, (по крайней мѣрѣ въ самой Слободско-Украинской губерніи), мало по малу прекратилась. Если и производились иногда выдачи пособій по прошеніямъ, то это только по волѣ жертвователей, которые категорически заявляли Обществу объ этомъ свое желаніе. Такъ, напр., именитый членъ Общества Демидовъ въ 1817-мъ году пожертвовалъ сверхъ обычныхъ своихъ взносовъ (1000 руб. на Институтъ, 200 или 300 р. на воспитанниковъ) еще 300 рублей спеціально для раздачи бѣднымъ [1]). За

разомъ совѣтъ. Квитка объяснялъ свою просьбу тѣмъ, что ему приходится *единолично* и принимать взносы членовъ, и расходовать ихъ безъ всякаго контроля и потому онъ просилъ губернатора обревизовать всѣ дѣла общества и дать письменное о нихъ заключеніе. Дѣло № 1. в. опредѣл. сов. листы 102 и 103.

[1]) Но, вопреки волѣ жертвователя, изъ нихъ для раздачи бѣднымъ издержано только 25 руб., остальные причислены къ капиталу (см. Укр. Вѣстн. 1817 г., часть 8, ноябр. кн., стр. 218).

то благотворительная дѣятельность иногородних корреспондентовъ Общества еще долго не прекращалась, и, если производились еще вспомоществованія бѣднымъ людямъ, то преимущественно корреспондентами по другимъ губерніямъ. Для подтвержденія только что сказаннаго приведемъ еще нѣкоторыя цифры отчетовъ 1816, 1817 и 1818 г.г.

Въ городѣ Харьковѣ отъ Совѣта.

Выдано пенсій въ	1816	1817	1818 г.
	120 р.	не было	не было.
Единовременно. .	90 р.	25 р.	не было.

Въ 1816 году, по словамъ отчета, пенсіи, по недостатку суммъ, были выданы только 2-мъ вдовамъ, а единовременная помощь оказана по харьковской губерніи *только* 3 семействамъ, тогда какъ по черниговской—11-ти, по тамбовской—2-мъ, (тобольской—неизвѣстно сколько). Н. И. Шредеру, тамбовскому вице-губернатору, удалось завербовать много новыхъ членовъ для Общества, за что въ 1817 году онъ также избранъ почетнымъ членомъ Общества (см. отнош. корреспондентовъ за 1818 годъ, дѣло Ин. Арх. № 14). Въ числѣ корреспондентовъ Общества появляется въ 1817 г. впервые и корреспондентъ по рязанской губерніи (Ив. Фед. Лабковъ), а въ 1818 году по полтавской губерніи (Ив. Ив. Бедряга), при чемъ послѣднему обѣщано выхлопотать Высочайшую благодарность за услуги, оказанныя имъ Обществу.—Чтобы покончить съ разсматриваемою нами стороной дѣятельности Общества за 1812—1817 годы (т. е. до отдѣленія института), подведемъ, по возможности, *точные* итоги всему, что сдѣлало Общество за это время.

Самъ Г. Ѳ. Квитка такъ резюмируетъ дѣятельность Общества за эти годы по дѣлу вспоможенія бѣднымъ семействамъ, распредѣляя ихъ по губерніямъ:

Въ харьковской	губ.	помощь	была	оказана	28	семействамъ.
„ черниговской	„	„	„	„	43	„
„ тобольской	„	„	„	„	74	„
„ тамбовской	„	„	„	„	2	„
„ екатеринославск.		„	„	„	1	семейству.

„ г. Томскѣ „ „ „ 1 „
„ г. Георгіевскѣ „ „ „ 1 „
„ г. Харьковѣ еще вылѣченъ на иждивеніи Общества разбитый параличемъ „ „ „ 1 человѣкъ.
Возвращено зрѣніе рядовому улану Роснянскому, получившему контузію въ сраженіи „ „ „ 1 человѣкъ.
Отправлено въ военную службу бѣдныхъ дворянъ 7 человѣкъ [1]).

Цифры эти вполнѣ подтверждаются и хранящимися въ архивѣ печатными отчетами Общества благотворенія [2]).

В. Лапинъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

---

[1]) См. дѣло двор. депутат. Собр. № 15, листъ 83, писанный рукою Г. Ѳ. Квитки. „Дѣйствія Общества благотворенія съ 1812 по 1818 годъ".

[2]) Намъ пришлось сравнить писанные и печатные отчеты между собою, и мы нашли мало разницы между ними. Къ сожалѣнію объ устроенномъ обществомъ пріемномъ покоѣ для лицъ, подвергавшихся разнымъ несчастнымъ случаямъ, въ дѣлахъ Общества дальнѣйшихъ свѣдѣній не имѣется.

ЧАСТНАЯ ПЕРЕПИСКА ИВАНА РОМАНОВИЧА МАРТОСА.

(1817—1830 г.г.).

Въ октябрьской книжкѣ Кіевской Старины за 1895-й годъ была разсказана біографія И. Р. Мартоса, на основаніи его бумагъ, сохранившихся у наслѣдниковъ задушевнаго пріятеля Мартоса—В. Я. Ломиковскаго. Въ этихъ же бумагахъ сохранилась и значительная часть переписки Мартоса съ его пріятелями и знакомыми, за 1817—1830 г.г. Сохранились какъ письма, писанныя къ Мартосу, такъ и черновики писемъ послѣдняго. Наиболѣе дѣятельную переписку велъ Мартосъ съ Ломиковскимъ; къ сожалѣнію, эта переписка и наименѣе интересна, будучи посвящена главнымъ образомъ той „мистикѣ", въ которую погружены были оба пріятеля. Мало интересны письма и самого Мартоса, будучи проникнуты постоянно сдержаннымъ тономъ, мѣшавшимъ ему сказать задушевное слово даже въ письмѣ къ самому близкому человѣку. Но за то немалый интересъ имѣютъ письма къ Мартосу такихъ его пріятелей, какъ скульпторъ И. П. Мартосъ, эксъ-министръ Трощинскій, поэтъ Капнистъ и другъ.[1]).

Печатая здѣсь переписку И. Р. Мартоса, мы ограничиваемся выборкою изъ нея лишь тѣхъ писемъ которыя имѣютъ

[1]) Въ февральской книгѣ Истор. Вѣстника за 1896 г. напечатаны нами письма къ Мартосу его роднаго брата Ф. Р. Мартоса, почти исключительно посвященныя описанію пребыванія императора Александра I въ 1825 г. въ Таганрогѣ и его кончины тамъ.

общій интересъ, рисуя людскія заботы двадцатыхъ годовъ настоящаго столѣтія. Поэтому изъ писемъ Ломимовскаго мы приводимъ лишь отрывки, опуская все, что касается „мистики“.

Ал. Лазаревскій.

I. Письма Ивана Петровича Мартоса.

Біографія извѣстнаго скульптора И. П. Мартоса (р. 1753 † 1831) до сихъ поръ не написана. Слышно было, что недавно умершій Д. А. Ровинскій готовилъ монографію о Мартосѣ, какъ о скульпторѣ, но насколько слухи эти были основательны—остается неизвѣстнымъ. Въ тѣхъ коротенькихъ свѣдѣніяхъ объ И. П. Мартосѣ, которыя обязательно помѣщаются въ справочныхъ словаряхъ, говорится обыкновенно, что М. родился въ м. Ичнѣ (Борзенск. у., Черниг. губ.). Между тѣмъ родиною Мартосовъ былъ Лохвицкій уѣздъ, Полтавской губерніи; въ самомъ началѣ XVIII в., въ Лохвицѣ жили и служили козацкую службу два брата Мартынъ и Павелъ Васильевичи Мартосы, родоначальники всѣхъ нынѣ разбросанныхъ по Русской землѣ Мартосовъ. Рожденіе И. П. Мартоса внѣ ихъ родины указываетъ, повидимому, что отецъ скульптора Петръ М. былъ уже обѣднѣвшій человѣкъ, а потому и потерявшій связь съ бывшими имѣніями своихъ предковъ. Въ недавно напечатанныхъ въ Историч. Вѣстникѣ „Воспоминаніяхъ“ М. Ф. Каменской (1894 г., №№ 5—8) приводятся очень любопытныя свѣдѣнія о частной жизни И. П. Мартоса на склонѣ его дней, когда онъ былъ ректоромъ академіи художествъ. Въ этихъ свѣдѣніяхъ между прочимъ сообщается о происхожденіи М-са слѣдующее: „говорили, что онъ родомъ былъ хохолъ изъ духовнаго званія; мальчикомъ привезли его въ Петербургъ и отдали въ ученики академіи художествъ, гдѣ онъ оказалъ необыкновенную способность къ ваянію. При выпускѣ получилъ первую золотую медаль и былъ посланъ въ Италію пансіонеромъ....“ (Май, 341). Эти неопредѣленныя свѣдѣнія современниковъ о М-сѣ указываютъ, что онъ прибылъ въ Петербургъ неизвѣстнымъ бѣднякомъ, ко-

торымъ стали интересоваться тогда, когда о происхожденіи художника можно было разсказывать только съ прибавленіемъ слова—„говорятъ“.... Восполнять эти свѣдѣнія теперь—и подавно трудно, если не поможетъ какой либо счастливый случай. Печатаемыя здѣсь письма даютъ несомнѣнно цѣнный матеріалъ для знакомства съ И. П. М., какъ частнымъ человѣкомъ; кромѣ того, есть здѣсь и нелишенныя интереса свѣдѣнія о нѣкоторыхъ произведеніяхъ художника-скульптора. По сохранившимся бумагамъ И. Р. Мартоса можемъ добавить, что И. П. М-съ происходилъ не изъ духовнаго званія, такъ какъ въ свидѣтельствѣ Полтавскаго губернскаго маршала (1805 г.) о дворянствѣ Мартосовъ значится, что Петръ Мартосъ (отецъ скульптора) былъ корнетъ.

1. Милостивый мой государь Иванъ Романовичъ. Письмо ваше, писанное въ Таганрогѣ 5-го октября, я получилъ; оно принесло мнѣ большое удовольствіе; я его прочиталъ не одинъ разъ, но нѣсколько разъ перечитывалъ и жалѣю, что оно написано только на двухъ листахъ; описаніе ваше водъ Кавказскихъ, приносящихъ большую пользу страждующимъ, которую вы надъ собою испытали, для меня весьма интересно; всѣ говорятъ, что она цѣлебностью своею превосходитъ всѣ воды въ Европѣ, но превосходство ихъ, какъ мнѣ кажется, нигдѣ не описано съ подробностью, и польза, отъ нихъ получаемая больными, извѣстна только отъ такихъ людей, которые сами надъ собою испытали чудесное ея дѣйствіе, не потому ли, что ѣздящіе туда врачи по большей части иностранцы, которые не хотятъ выказать преимущества Кавказскихъ водъ передъ Европейскими. Вы бы много одолжили публику, естьли бъ употребили ваше перо на описанія ихъ; одно изгнаніе солитера, которой, какъ вы пишите, не имѣли (sic) понятія, что у васъ гнѣздится и былъ вашъ сокрытый врагъ, ясно доказываетъ цѣлебную силу Кавказскихъ водъ; мнѣ они были-бы очень полезны, ибо я стражду запорами урины, но чтобъ ѣхать туда, надобно быть въ независимости многихъ обстоятельствъ, препятствующихъ теперь сему исполненію, а при томъ мнѣ уже почти 64

года, и потому остаюсь въ нерѣшительности, нужно-ли заботиться о поѣздкѣ или оставить себя воли Божіей.

Вамъ извѣстно было, что Софьюшка, ваша крестница, была невѣста, теперь она уже замужемъ за Василіемъ Ивановичемъ Григоровичемъ, прекраснымъ молодымъ человѣкомъ; кажется, что и вы его знаете, у меня его видали. Батюшка его Иванъ Никитичъ и матушка Прасковья Дмитріевна живутъ въ Пирятинѣ; я надѣюсь, что вы съ нимъ повидаетесь, а такъ какъ вы крестный отецъ его невѣсты, то вы съ нимъ сваты. О родствѣ нашемъ, черезъ сочетаніе нашихъ дѣтей, я къ нему еще не писалъ, ибо не зналъ достовѣрно его пребыванія, а получилъ недавно извѣстіе отъ Василія Ивановича. Подарокъ вашъ Софьюшкѣ—прекрасное персидское одѣяло—держу у себя съ тѣмъ, чтобъ по пріѣздѣ своемъ домой ей вручить и видѣть лично ея удовольствіе.

Алеша по графскому повелѣнію пріѣзжалъ сюда[1]) и на другой день пріѣзда очень занемогъ; однакожъ графской лѣкарь его скоро вылѣчилъ, и онъ опять поѣхалъ въ Петербургъ съ порученіями, пробывши здѣсь болѣе двухъ недѣль. Всемогущему Богу угодно было явить дѣтямъ моимъ великое благословеніе, а мнѣ милость, которую не ожидалъ получить такъ скоро. Я выдалъ замужъ четырехъ дочерей менѣе чѣмъ въ два года и за хорошихъ людей; это не очень обыкновенное дѣло. Не безполезно нахожу сообщить вамъ произшествіе, случившееся на Софьюшкиной свадьбѣ: на другой день свадьбы, обѣдали у меня молодые и всѣ дѣти и ихъ мужья, веселились, но Любуша на ужинъ не осталась и пошла домой. Авдотья Афанасьевна, замѣтивъ, что она нездорова, проводила ее и осталась у ней; поутру рано возвратилась съ радостнымъ извѣстіемъ, что Любушѣ ночью Богъ далъ сына Ивана; сообщая вамъ сіе для меня пріятное извѣстіе, надѣюсь, что оно и вамъ будетъ пріятно. Вотъ я уже дожилъ до внуковъ и внучекъ; два внука Ивана умножаютъ фамилію Мартоса; видно судьба положила, чтобы

[1]) Алексѣй Ивановичъ Мартосъ, р. 1790 † 1842. См. о немъ Кіевск. Стар. 1895 г., № 2. Графское повелѣніе—т. е. повелѣніе Аракчеева, у котораго онъ служилъ.

значущіе что нибудь Мартосы все были Иваны. Дѣло мое [1]) приходитъ къ окончанію; я надѣюсь, что монументъ будетъ оконченъ черезъ три недѣли, но боюсь, чтобъ во время открытія не было большого мороза, которой воспрепятствуетъ великолѣпію праздника, требующаго хорошой погоды. Сообщаю вамъ случившееся со мною произшествіе, которое меня очень потревожило, но кончилось по моему желанію. Два мѣсяца до пріѣзда государя въ Москву занимались мы тасканіемъ съ берега рѣки на Красную площадь тяжелыхъ штукъ монумента и ставили на мѣсто, избранное не однимъ мною, но главнокомандующимъ и другими важными лицами. Сія работа была очень тягостна и продолжительна; на нее выходило людей всякій день по сту и болѣе человѣкъ, рыли землю, били сваи, бутили и только что кончили работу наканунѣ пріѣзда государя, на другой день призываетъ меня главнокомандующій и объявляетъ высочайшее повелѣніе, чтобъ монументъ съ онаго мѣста снять и поставить на другое мѣсто, назначенное его величествомъ—посрединѣ самой площади. Услышавъ сіе, я доказывалъ всю неудобность сего дѣла, ибо площадь, которая теперь чиста и открыта для проѣзда, будетъ загромощена, а монументъ потеряетъ свой видъ, потому что ѣзда будетъ сзади его и очень близко, и что по сюжету онъ долженъ быть поставленъ лицемъ къ кремлю. Однакожъ г. главнокомандующій не взялся донести мои доказательства государю, а сказалъ, чтобъ я объяснился чрезъ графа Аракчеева или князя Голицына. Не описывая въ подробности всего мною дѣланнаго и говореннаго, скажу вамъ, что монументъ приказано ставить на мѣстѣ, какъ онъ теперь поставленъ. Съ Иваномъ Ивановичемъ Дмитріевымъ я видѣлся на работѣ онъ мнѣ очень пѣнялъ, что (я) у него не былъ; послѣ я былъ у него и обѣдалъ. При первомъ свиданіи, прежде всего, спрашивалъ меня о васъ, гдѣ вы теперь и здоровы ли; я ему сказывалъ, что вы были на Кавказѣ и что въ здоровьѣ поправились. Въ другой разъ моего съ нимъ свиданія, опять о васъ говорилъ, и очень много; я замѣтилъ, что онъ вами интересуется

[1]) Окончаніе памятника Минину и Пожарскому.

и особенно уважаетъ; говоря о васъ и о вашихъ трудахъ, сказалъ: онъ писалъ, писалъ—и все это брошено!—Спрашивалъ меня, гдѣ вы теперь находитесь, но я сказалъ, что не знаю, ибо дѣйствительно тогда не зналъ: я заключаю не хочетъ-ли вамъ писать. Никифоръ Ивановичъ Спаскій спрашивалъ о васъ, и какъ я сказалъ, что вы находитесь въ Пирятинѣ, то хотѣлъ вамъ писать. Вы меня извините, что на письмо ваше я замедлилъ отвѣтомъ; я былъ весьма доволенъ вашимъ увѣдомленіемъ, ибо мнѣ хотѣлось только знать, гдѣ вы теперь и какъ находитесь. Мнѣ очень хочется имѣть письмо моего Никиты Ивановича [1]), писанное къ вамъ изъ Италіи, но какъ вы оригинальнаго не дадите, то прошу васъ прислать мнѣ съ него копію.

Остаюсь съ чувствами искренней моей къ вамъ привязанности вашъ покорнѣйшій слуга Иванъ Мартосъ

10 Ноября 1817 г. Москва. Адресъ ко мнѣ: на Варваркѣ, въ д. купца Горголія, въ Москвѣ.

2. М-ый мой г-рь Иванъ Романовичъ. Очень я соскучился, не имѣя объ васъ никакого извѣстія и не получая давно вашихъ писемъ, приносящихъ мнѣ особенное удовольствіе; но въ этомъ я самого себя обвиняю, ибо не писавши къ вамъ такъ давно, выставляю себя нерадивцомъ, незаслуживавшимъ вниманія; къ оправданію своему скажу, что не всегда имѣю время и не охотникъ писать, и найпаче, когда нечего, но получать письма, а найпаче ваши, очень люблю; я часто ихъ перечиты-

---

[1]) Старшій сынъ Ивана П—ча М—са. Онъ былъ посланъ, въ 1809 г., въ Римъ для изученія архитектуры и писалъ оттуда къ И. Р. М—су. Отрывокъ изъ одного такого сохранившагося въ бумагахъ Ив. Р—ча письма приводимъ здѣсь.— „Вояжъ мой кончилъ я благополучно и въ 5-ть недѣль пріѣхалъ въ Римъ. Я противъ чаянія моего болѣе полагалъ восхищаться чужими землями, которые подлинно только велики въ чужихъ глазахъ.. О самомъ Римѣ я болѣе воображалъ, нежели какъ онъ есть, и самые его остатки древностей, о которыхъ такъ много говорятъ и пишутъ, представляютъ развалины развалинъ и о тѣхъ великихъ монументахъ, о которыхъ часто слышимъ, какъ то дворцовъ императорскихъ и огромныхъ храмовъ, вы найдете въ первыхъ нѣсколько кучъ кирпичу, а въ послѣднихъ одну или двѣ обломанныя колонны. Часто садясь на сіи печальные обломки, думаю о древнемъ Римѣ и о его славѣ, о тѣхъ великихъ римлянахъ, которыхъ духъ видѣнъ еще и въ ихъ развалинахъ...“ П. Ив. М—съ умеръ очень рано, едва ли не тогда же, въ Римѣ.

ваю и ихъ берегу, а потому и прошу васъ при праздномъ времени писать ко мнѣ, что вздумаете и какую матерію угодно.

О себѣ скажу, что я и жена моя, слава Богу, здоровы, и что династія моя умножается; кромѣ двухъ малыхъ дѣтей, имѣю шесть внуковъ; Настасья Ивановна[1]) имѣетъ двухъ дѣтей, Вѣра Ивановна[2]) тоже двухъ, Софья[3]) и Любовь Ивановны[4]) по одному. Вы вѣрно все это похвалите; и дѣйствительно, я счастливъ, ибо имѣю хорошихъ зятей, они всѣ добрые люди, хотя не очень достаточнаго состоянія; одинъ только Герасимъ Ивановичъ Лузановъ, какъ слышу, живетъ безъ нужды и хорошо. Ему приключилась непріятность: онъ былъ произведенъ сенатомъ въ коллежскіе асессоры, но ихъ прокуроръ господинъ Абаза, имѣя ссору съ губернаторомъ, пріѣхавъ въ Петербургъ, сдѣлалъ канцеляріи министра юстиціи худое о немъ внушеніе, якобы его университетской атестатъ недостаточенъ. Но ищущіе чиновъ скоро ихъ не будутъ искать, здѣсь слухъ идетъ, что съ новаго года чиновъ давать не будутъ, а будутъ классы, въ званіе которыхъ будутъ опредѣлять способныхъ по учености.

Прилагаю къ вамъ записку д. ст. сов. Болгарскаго, которой просилъ меня дать ему свѣдѣніе о его бумагахъ. Его послалъ ко мнѣ Димитрій Прокофьевичъ[5]), говоря, что вы оставили съ бумагами два сундука, но я не имѣю никакого свѣдѣнія ни о бумагахъ ни о сундукахъ; просилъ Болгарскаго, чтобъ онъ вамъ самимъ сдѣлалъ записку о своихъ бумагахъ, и гдѣ ихъ отыскать. Онъ меня просилъ очень убѣдительно, чтобъ его записку вамъ доставить и просить о доставленіи его бумагъ, которыя ему очень нужны.

Если вы пріѣдете въ Петербургъ, то удивитесь его перемѣнѣ; бульваръ, на которомъ вы прогуливались и встрѣчали тысячи людей вамъ знакомыхъ, переносится къ самому строенію адмиралтейства, черезъ что дѣлается площадь обширнѣй-

---

[1]) Жена Герасима Ивановича Лузанова.

[2]) Жена профес. живописи Алексѣя Егоровича Егорова.

[3]) Жена Василія Ивановича Григоровича.

[4]) Жена архитектора Абрама Ивановича Мельникова.

[5]) Трощинскій.

шая; со стороны алтаря Исакіевской церкви и насупротивъ бюргеръ-клуба и другихъ домовъ—выстроилъ князь Лобановъ-Ростовскій домъ преогромнѣйшій, который въ чернѣ стоитъ гораздо болѣе милліона. Исакіевская церковь почти вся вновь передѣлывается. Нашъ Петербургъ поровняется красотой Риму во время Августа, который умирая сказалъ: я взялъ Римъ деревянный, а оставляю мраморный.

Письмо моего покойнаго сына [1]), вамъ писанное изъ Рима, я хотѣлъ вложить для возвращенія его вамъ, но каюсь вамъ, что не могъ его отыскать, куда то засунулъ, будьте увѣрены, что вамъ доставлю, какъ только его отыщу.

Вы мнѣ писали, что намѣрены ѣхать на Кавказъ въ началѣ будущей весны; поѣзжайте и истребляйте вашего злодѣя солитера; дѣйствительно, это злодѣй рода человѣческаго, онъ то поистинѣ тотъ діаволъ, который живетъ въ человѣкѣ; я говорю изъ опыта: теперь жена моя имъ страдаетъ, лѣчится и мучится отъ лѣкарствъ, которыхъ не въ силахъ уже принимать. Катенька моя, ваша крестница, уже большая, черезъ три дни ей будетъ четыре года, она уже очень умна, проситъ васъ принять отъ нея особенной поклонъ, а братъ ея маленькій Александръ уже бѣгаетъ очень проворно, но еще не говоритъ. Ежели будете ко мнѣ писать, то, сдѣлайте милость, напишите о вашей матушкѣ, какъ она—здорова-ли, помнитъ ли меня, но прежде всего засвидѣтельствуйте ей мое усерднѣйшее почтеніе. Прощайте, Иванъ Романовичъ, желаю отъ всего сердца, чтобы вы были совершенно здоровы для вкушенія всѣхъ пріятностей безмятежной жизни въ вашихъ прелестныхъ мѣстахъ, о которыхъ только мысленно мечтаю и даю преимущество предъ столицами великолѣпными. Еще прощайте и помните того, которой къ вамъ искренно и сердечно привязанъ. Остаюсь на всегда вашъ покорнѣйшій слуга Иванъ Мартосъ.

Октября 4-го числа, 1818 года.

3. М-ый мой г-рь Иванъ Романовичъ.

Много прошло времени, какъ я съ вами не бесѣдовалъ и не благодарилъ за полученныя письма, которыя для меня весьма

[1]) Никиты Ивановича, см. выше.

пріятны и которые завсегда читалъ я не одинъ, но сѣвши въ кружокъ со всѣмъ моимъ семействомъ; тутъ мы всѣ разсуждаемъ и говоримъ такъ, какъ бы вы и сами съ нами присутствовали и съ нами разговаривали; но послѣ оканчиваемъ сожалѣніемъ, что вы не съ нами, и хотя вы отъ насъ далеки, но божусь вамъ, что всегда находитесь въ нашей памяти; я прошу васъ не лишать насъ пріятнѣйшаго удовольствія получать ваши письма чаще. Господинъ Яновскій вручитъ вамъ сіе письмо; онъ навѣщалъ мой домъ и видѣлъ наше житье и бытье, онъ скажетъ вамъ, что мы слава Богу здоровы и проводимъ время въ пріятной посредственности, имѣющей свои наслажденія, заставляющія благодарить Всемогущаго, но втоже время и пролили нѣсколько слезъ. Богу угодно было лишить меня милаго моего сына Александра, прекраснаго, какъ ангелъ; уже сѣмъ мѣсяцевъ, какъ онъ умеръ, имѣя отъ роду два года и одинъ мѣсяцъ. Равномѣрно такая-же участь постигла Василья Ивановича и Софью Ивановну; они также имѣли несчастье потерять и своего милаго сына, а моего внучка Иванушку; они такъ меня растрогали, что я долженъ былъ ихъ взять къ себѣ, и они гостятъ у меня; теперь успокоились и переходятъ на свою квартиру. Алексѣя Егоровича племя растетъ, онъ имѣетъ уже трехъ дочекъ, послѣднюю Богъ ему далъ недавно. У Любовь Ивановны только одинъ сынъ Ванюша, у Настасьи Ивановны—сынъ и дочь; и такъ я имѣю теперь двухъ внуковъ и четырехъ внучекъ окромѣ ихъ тетки, моей Катеньки, вашей крестницы, которой еще пятый годъ. Вотъ мое крупное племя; они всѣ, слава Богу, здоровы. Можетъ быть эта матерія для васъ суха но чтожъ дѣлать—это слабость тѣхъ, которые, если что любятъ, то почитаютъ за удовольствіе сообщать и своимъ любящимъ. Алексѣй Егоровичъ написалъ образъ св. Александра Невскаго по повелѣнію государя, и превосходно. Мужъ Любовь Ивановны, г. Мельниковъ, называется Абрамъ Ивановичъ; онъ учился съ моимъ Никитою Ивановичемъ въ Римѣ архитектурѣ, имѣетъ талантъ превосходный, рисуетъ и сочиняетъ очень хорошо, и во вкусѣ греческомъ, въ нашей и римской академіи профессоръ, но государю не очень извѣстенъ, а потому и не имѣетъ отъ

него препорученій; трудно, почти невозможно, искоренить у насъ иностранцевъ, которые привлекли къ себѣ особую довѣренность; кажется, что и самое время сего не исправитъ.

Сынъ мой Алексѣй Ивановичъ любитъ заниматься литературою, теперь хочетъ опять вступить въ службу. Нашъ военный генералъ-губернаторъ Милорадовичъ беретъ его къ себѣ, а бѣдный мой Петръ Ивановичъ болѣнъ болѣе шести мѣсяцевъ ревматизмомъ и такимъ сильнымъ, что нѣсколько времени ходилъ на костыляхъ, и едва не умеръ. Онъ хотя и вышелъ на службу, которую любитъ, но не можетъ исправлять ее, какъ здоровый офицеръ, что меня очень печалитъ. Я, по привычкѣ моей, все таки чѣмъ нибудь занимаюсь; недавно сдѣлалъ статую св. апостола Петра для монумента надъ гробомъ Александры Алексѣевны Чичериной, рожденной княжны Куракиной. Признаюсь, что привычка вторая натура; хотя и тяжело рукамъ и ногамъ, но не могу быть въ праздности, я люблю чѣмъ нибудь заниматься. Прощайте, любезный Иванъ Романовичъ, дай Богъ, чтобъ вы были здоровы. Жена моя Авдотья Афанасьевна усердно вамъ кланяется, также Катенька, ваша крестница, и я кланяюсь и прошу держать меня въ своей памяти, такъ какъ я всегда содержу въ своей васъ и остаюсь навсегда усерднѣйшимъ и преданнѣйшимъ слугой Иванъ Мартосъ.

Письмо сына моего покойнаго Никиты Ивановича вамъ возвращаю. Октября 10-го дня 1819 года.

4. М-ый мой г-рь Иванъ Романовичъ. Пріятнѣйшее письмо ваше я имѣлъ честь получить на праздникахъ, оно принесло мнѣ и всѣмъ намъ особенное удовольствіе, но всего пріятнѣе для меня то, что и въ отдаленности держите меня въ своей памяти; и хотя я къ вамъ не пишу, но вы не смотря на это, хоть изрѣдка, но меня удостаиваете своими письмами, за что отъ всей искренности васъ благодарю и прошу быть увѣренымъ, что я равномѣрно одушевленъ къ вамъ такими-же чувствами любви и привязанности, кои сохраню во всю мою жизнь.

У насъ такъ, какъ и у всѣхъ, бываетъ и скучно и весело. У Софьюшки прежде умеръ сынъ, а потомъ дочь, и она была безъ-утѣшна, но нынѣ она утѣшена сыномъ Василіемъ, кото-

раго мы въ новой годъ крестили; также и Любуша потеряла сына, но нынѣ награждена дочерью, которую также на сихъ дняхъ окрестили. Дѣти мои живутъ на свѣтѣ не напрасно: у всѣхъ у нихъ есть дѣти, и Алексѣй [1]) женился, но нигдѣ къ моему огорченію не служитъ; люди, предавшись литературѣ, высокопарными выраженіями восклицаютъ о добродѣтели, о любви къ отечеству, а сами отечеству не служатъ, не работаютъ и лежатъ, какъ лѣнивцы; они для меня презрительны, и я ихъ почитаю егоистами, но нынѣ молодые люди живутъ своими правилами, надъ отцами и стариками они смѣются и этому причиною остроумныя книги.

Мнѣ препоручается весьма важное дѣло по высочайшей волѣ, объявленной генералъ-губернаторомъ Александромъ Дмитріевичемъ Балашевымъ, чтобъ сдѣлать памятникъ Дмитрію Донскому изъ мѣди и поставить на Куликовомъ полѣ. Прожекты давно сдѣланы, но будутъ-ли утверждены или нѣтъ—окажетъ пріѣздъ государя. Сей монументъ по сочиненію превосходитъ монументы Минину и Пожарскому, ибо онъ составленъ изъ трехъ фигуръ: Дмитрій Донской представленъ сражающимся, въ ногахъ его двѣ фигуры, означающіе двойную силу вражью; одна изъ сихъ фигуръ—лежащая убитая, и другая—уклоняющаяся отъ удара героя. Піедесталъ подъ симъ групомъ (sic) негладкой, но съ пролетомъ и сдѣланъ сквозной аркою, украшеною снаружи сплошъ трофеями, что дѣлаетъ видъ новый и прекрасный. Сему дѣлу я и радъ и не радъ, ибо трудиться надъ нимъ надобно имѣть силы душевныя и тѣлесныя, но послѣдними я очень скуденъ и не надѣюсь совершить сію трудную работу.

Мнѣ очень нравится ваше слово—кругъ семейства; дѣйствительно, кругъ нашего семейства бываетъ очень веселъ, въ немъ происходятъ разныя проказы, и главную роль играетъ Алексѣй Егоровичъ; но часто мы васъ вспоминаемъ и жалѣемъ, что вы не съ нами, чтобъ похохотать. Я вамъ разсказываю наше бытье, теперь прошу васъ разсказать намъ ваше. Я воображаю, что вы

[1]) Сынъ.

окружены прелестными видами величественнаго Днѣпра и окрестностей Кіева; пожалуйста, опишите ихъ, ваше перо послужитъ картиною, съ нихъ списанною. Кіевъ всѣ хвалятъ, но описанія я нигдѣ не читалъ, ни даже въ Сынѣ Отечества, въ которомъ все пишутъ [1]).

Авдотья Афанасьевна проситъ, чтобъ вамъ засвидѣтельствовать отъ нея всеусерднѣйшее почтенія и желать вамъ здоровья и всего лучшаго, крестница ваша Катенька дѣлаетъ тоже и въ особенности сама просила меня увѣдомить васъ, что она начала уже учиться, читать по руски, и нанята для ее мамзель; ей недавно исполнилось шесть лѣтъ,

Многіе знакомые спрашиваютъ меня объ васъ, и я всѣмъ говорю, что вы здоровы, что Кавказскія воды васъ поправили; это замѣчаю изъ почерка вашего письма, который мнѣ кажется лучше прежняго почерка, то есть не дрожащая рука пишетъ. Еще забылъ кое что: Тульскій гражданскій губернаторъ графъ Васильевъ прислалъ мнѣ рѣдкость; для обмѣренія Куликова поля посланымъ землемѣромъ вспаханъ небольшой крестъ бронзовый, въ которомъ, какъ видно, съ одной стороны лежали мощи; по его отдѣлкѣ видно, что онъ былъ ношенъ на цѣпочкѣ и, кажется, иноческой; не одного ли изъ тѣхъ иноковъ, которыхъ Сергій далъ герою Донскому. Какая бы была рѣдкость Николаю Михайловичу Карамзину! Онъ прислалъ медаль, тамъ-же найденную, въ письмѣ своемъ онъ какъ бы благословляетъ меня симъ крестомъ на поднятіе трудовъ для прославленія героя Донского.

Вотъ всѣ мои дѣла. Теперь прошу васъ не скупиться своими письмами, на мнѣ же не взыскивать, что рѣдко пишу, признаюсь вамъ, что я очень скучливъ писать, а найпаче какъ нечего, то и перо въ руки не берется. Я предъ Федоромъ Романовичемъ очень виноватъ, но приняться все откладываю до будущей почты, а тамъ еще до почты, а послѣ и самому стыдно.

---

[1]) Отсюда можно думать, что И. П. М—съ въ Кіевѣ никогда не былъ; слѣдовательно, не учился въ Кіевской академіи, какъ его племянники.

Прощайте, любезный Иванъ Романовичъ! Будьте здоровы, сего отъ всего сердца желаетъ искренно любящій и почитающій васъ нелицемѣрно и всегда преданнѣшій слуга Иванъ Мартосъ.

20 генваря, 1821 г.

5. М-ый мой г-рь Иванъ Романовичъ. Съ особливымъ удовольствіемъ я получилъ ваше письмо сего 1822 г., въ которомъ изъявляете мнѣ тѣ-же знаки вашей любви и привязанности, какія я получилъ отъ васъ, будучи въ мѣстѣ съ вами; они всегда мнѣ будутъ памятны; особенно благодарю васъ за то, что и въ разлукѣ вы меня помните и не ставите на ряду съ такими людьми, которые однимъ частымъ о себѣ сообщеніемъ желаютъ изъявить знаки своей дружбы, можетъ быть и не всегда искренной; чтожъ принадлежитъ до меня, признаюсь искренно, что я васъ люблю, какъ самаго пріятнѣйшаго моему сердцу родственника, и до конца жизни любить буду. Дай Богъ, чтобъ сей наступившій годъ принесъ вамъ радость и даровалъ полное здоровье, которое-бы усладило дни жизни вашей, ведущей (sic) въ тихомъ уединеніи. Сіи послѣднія строки вашего письма привели меня въ печальное размышленіе, я вижу, что уединенная жизнь по всѣмъ отношеніямъ, несравненно превосходнѣе жизни разсѣянной, ибо она спокойная и безпорочная, но о сей пространной и глубокой матеріи пусть разсуждаютъ философы и знатоки.

Про себя скажу, что прошлой годъ принесъ мнѣ много душевныхъ непріятностей, о которыхъ много будетъ говорить жаль только, что все это случилось въ моихъ преклонныхъ лѣтахъ, въ которыхъ очень тяжело переносить; тѣлесные-же незначительны, выключая того, что я сдѣлался нѣсколько тупъ глазами и слабъ ногами; я потерялъ на головѣ всѣ передніе волосы, отъ чего простуживаю голову; для защищенія ея я заказалъ французу сдѣлать себѣ туръ,—такой парикъ, который закрываетъ голую часть головы, за который я заплатилъ 35 рублей,—что для меня было очень хорошо, потому что голова была тепла, но не такъ то хорошо для людей: всѣ смотрятъ на меня, какъ на другого человѣка, иные смѣются, другіе говорятъ, что это очень худо и чтобъ бросилъ парикъ, потому

что теперь всѣ ходятъ плѣшивые, съ голыми головами, напримѣръ, Сперанскій плѣшивъ, Голицынъ, Поповъ, а также и другіе многіе изъ военныхъ выдираютъ (sic) себѣ волосы; даже и высокія лица не носятъ париковъ. Судите, въ какомъ я былъ положеніи: я не могъ его скоро скинуть, и долженъ былъ носить болѣе полтора мѣсяца, и не могъ ходить въ баню, потому что онъ былъ прилѣпленъ тѣстомъ къ голому тѣлу, надлежало ждать какъ тѣсто высохнетъ; наконецъ, я его кое-какъ содралъ и теперь хожу опять плѣшивый; и это хорошо, потому что по модѣ!—И такъ должно терпѣть стужу чтобъ быть по модѣ; это называется жить благопристойно. Моя Авдотья Афанасьевна съ самого того времени, какъ вы прислали ей кольцо св. Варвары великомученицы, а Катенькѣ крестъ, тоже с. великомученицы, безъпрестанно заставляла меня вамъ писать и чувствительнѣйше благодарить за сіи пріятнѣйшіе для нея подарки, но я все откладывалъ до завтра, и вотъ до которыхъ поръ дошло; но въ этомъ я виноватъ, а не она. Истинно вамъ говорю—она теперь особенно благодаритъ васъ за присылку рецепта отъ солитера, жаль очень, что прежде она его не имѣла, ибо она лѣчилась отъ него у доктора Кашинскаго, почитающагося изгнателемъ солитеровъ, но онъ у нея изгонялъ такими жестокими лѣкарствами, отъ которыхъ она чуть-чуть было не умерла и теперь ужасно боится лѣчиться; однакожъ этотъ рецептъ я буду хранить, какъ наиполезнѣйшій.

Потомство мое умножается, внуковъ и внучекъ 13; у Алексѣя Егоровича 3 дочери и 1 сынъ, у Василія Ивановича 2 сына, у Настеньки 2 дочери и 2 сына, у Сонюшки послѣдній сынъ родился, теперь 40 дней; у Настеньки родилась дочь передъ Рождествомъ, у Абрама Ивановича 1-а дочь; онъ очень просилъ васъ, чтобъ вы его причислили въ свое родство, ибо васъ никогда не видалъ; объ немъ скажу вамъ, что онъ имѣетъ превосходный талантъ, къ несчастью только онъ не употребленъ царемъ, потому что онъ ему неизвѣстенъ, однакожъ онъ теперь строитъ старо-обрядческую церковь въ Петербургѣ, не далеко отъ Владимірской; она хоть и невелика, но будетъ лучшая церковь въ городѣ, по изящному вкусу и по пропорціи,

совершенно греческой архитектуры. Мой прожектъ Дмитрія Донского заснулъ у графа Кочубея, которому государь утвердя, приназалъ препроводить для исполненія. Онъ мнѣ сказалъ, что нѣтъ денегъ для произведенія сего монумента, но рисунки еще у него; на этихъ дняхъ я пойду взять ихъ отъ него обратно, можетъ быть я его награвирую и распущу въ публику.

Забылъ; еще упустилъ двухъ внучекъ: у Алексѣя родился сынъ, онъ называется Несторъ, на сихъ дняхъ я его крестилъ, изъ всѣхъ внучковъ онъ одинъ называется Мартосъ, да у Петра, который теперь находится въ полку короля Прускаго, квартирующаго въ Дорогобужѣ, маіоромъ и командующимъ баталіономъ, дочь. Вотъ теперь полное число. Жена Петрушина [1]) съ дочерью малолѣтней живутъ у меня, а онъ съ тѣхъ поръ въ походѣ, какъ выступила отсюда гвардія. Я теперь не пишу вамъ о городскихъ строеніяхъ, потому что тутъ не упишется, а оставляю до другого времени, когда еще что вновь будутъ предполагать строить. Черезъ нѣсколько времени вы Петербургъ совсѣмъ не узнаете, ибо я все еще въ надеждѣ, что вы сюда пріѣдете. Катенька моя пишетъ къ вамъ письмо своей рукой; ей недавно исполнилось сѣмь лѣтъ, она хорошо читаетъ по руски и пишетъ, какъ видите; также читаетъ и по французски, кажется, по лѣтамъ она довольно успѣваетъ. Прощайте, любезный Иванъ Романовичъ. Пишите ко мнѣ почаще, вы симъ докажете вашу ко мнѣ любовь.

Остаюсь навсегда съ чувствами всегдашней моей къ вамъ любви и преданности, вашъ покорнѣйшій слуга Иванъ Мартосъ,

Авдотья Афанасьевна васъ заочно цѣлуетъ, а Катенька моя сдѣлалась крестною матерью, она крестила у Сонюшки обѣихъ сыновей.

Генваря 16, 1822 года.

6. М-ый г-ръ Иванъ Романовичъ. Я былъ увѣренъ, что получу отъ васъ письмо, въ чемъ и не ошибся; оно принесло мнѣ особенное удовольствіе и служитъ доказательствомъ того, что вы меня любите и помните, меня же заставляетъ краснѣть.

---

[1]) Сына Петра.

Вы можете сдѣлать худое заключеніе и приписать моему невниманію, а еще болѣе холодности то, что на многіе ваши письма вамъ не отвѣчаю, но прошу васъ искренно не дѣлать обо мнѣ сего заключенія, ибо я имѣю къ вамъ душевную привязанность и почтеніе. Извиняясь передъ вами въ моей неисправности, нахожусь принужденнымъ признаться вамъ еще и въ томъ, что писаніе не есть моя стихія, а къ тому-же слабость глазъ, и какъ будто нарочно встрѣчающіеся, хотя и мѣлкіе, занятія отъ того меня отвлекаютъ; есть ли сіи причины пріймите увѣрительными, то я останусь спокойнымъ.

Поздравляю васъ съ наступившимъ новымъ годомъ, желаю искренно, чтобъ всемогущій Богъ даровалъ вамъ лучшее здоровье, а болѣе всего душевное спокойствіе, какъ нужнѣйшее добро всякому человѣку, а найпаче чувствительному.

Не безъполезнымъ нахожу сообщить вамъ одну изъ нашихъ новостей и надѣюсь, что она для васъ будетъ пріятна. Россійская академія, 14-го числа сего мѣсяца, праздновала день своего учрежденія, къ которому были приглашены всѣ ея члены, а также и другіе особы; до полудня съѣхались всѣ; собраніе было многочисленнѣйшее: все знатнѣйшее въ государствѣ тутъ было, а также множество чиновниковъ и вѣроятно всѣ литераторы; зала такъ была наполнена, что многіе изъ знатныхъ особъ за неимѣніемъ стульевъ стояли. По занятіи мѣстъ и по объявленіи академіи секретаремъ о предметахъ чтенія, Николай Михайловичъ Карамзинъ читалъ отрывокъ изъ сочиняемой имъ исторіи объ убіеніи с. Дмитрія царевича и о возведеніи на царство Бориса Годунова. Хотя онъ читалъ не очень громко, но все было слышно, ибо такъ было тихо, что слышно естьлибъ пролетѣла муха. Піеса сія не только что превосходнѣйшая, но едва ли найдутся ей подобные; какое подробное описаніе при убіеніи святаго младенца; самыя малѣйшія обстоятельства выставлены, всѣ лица дѣйствующія въ семъ ужасномъ дѣлѣ по повелѣнію Годунова, съ такою точностью описаны, что кажется писатель самъ былъ свидѣтелемъ сего варварскаго произшествія; слушатели были разстроганы до слезъ. Потомъ, переходя къ описанію возшествія на тронъ Годунова, онъ, какъ правдивый

историкъ, описалъ характеръ его самыми живыми красками, изобразилъ стези одного только злодѣя, не устрашающими (sic) къ достиженію своей цѣли. Умъ его, употребленныя хитрости, чтобъ заставить не одну Москву, но всю Россію, даже своихъ непріятелей, просить его неотступно о возложеніи на себя царской короны. Однимъ словомъ онъ описалъ сіе бѣдственное для Россіи произшествіе, какъ искусный художникъ и безпристрастный историкъ, который пишетъ не для нынѣшняго времени, а для потомства. Можно сказать, что Карамзинъ не одной Россіи геній, но и всей Европы ученой. Вы сами посудите, когда прочитаете, ибо журналисты не преминутъ напечатать сей отрывокъ.—Послѣ сего были читаны переводъ изъ Енеиды Жуковскаго и переводъ изъ книги Тита Ливія о взятіи Капитолія галлами, превосходные, а въ заключеніе, авторъ многихъ прекрасныхъ театральныхъ піесъ, князь Шаховской читалъ стихами свою комедію, въ стилѣ греческомъ составленную изъ лицъ греческихъ, въ томъ числѣ Ксантипу, Сократову жену; да еще читали стихи Воейкова, прекраснѣйшія, въ коихъ есть лица Елисаветы, Шувалова и Ломоносова.—По прочтеніи сихъ пьесъ, собраніе кончилось самымъ блистательнѣйшимъ явленіемъ. Къ поощренію талантовъ трудящихся въ словесности секретарь академіи прочиталъ, что по уставу ея и по предложенію президента за труды, въ пользу словесности ревностно продолжаемые, господамъ дѣйствительному тайному совѣтнику Ивану Ивановичу Дмитріеву и Ивану Андреевичу Крылову—дается золотая медаль. Ивана Ивановича здѣсь нѣтъ, но нынѣ президентъ вручилъ медаль Ивану Андреевичу Крылову, какъ вдругъ раздалось во всей залѣ громкое рукоплесканіе, которое было повторено и продолжалось долго. Сіе неожидаемое дѣйствіе публики было поразительно, и едва ли не въ первый разъ въ Россіи случилось и въ ученомъ собраніи, для отличія превосходнаго таланта; съ чемъ можно сравнить такое поощреніе для дарованій? самъ Крыловъ признается, что сіе рукоплесканіе, ему сдѣланное, превзошло цѣну медали.

Теперь съ пріятнаго надобно обратится къ непріятному. Изъ письма вашего я вижу, что вамъ извѣстна участь Алек-

сандра Федоровича Лабзина; я вамъ скажу, что онъ болѣе нещастливъ, нежели виноватъ; его уже здѣсь нѣтъ, онъ, какъ великій преступникъ, высланъ отъ сюда въ сопровожденіи полицейскаго офицера къ городъ Сингилей, Симбирской губерніи, за 1519 верстъ отъ сюда. Извѣстно, что въ словахъ онъ былъ невоздержанъ и въ публикѣ шелъ за дерзкаго, но самъ онъ строго въ себѣ не видѣлъ и ему казалось, что говоритъ безъгрѣшно. Въ академическомъ совѣтѣ, въ присутствіи президента, при назначеніи въ почетные любители графа Кочубея, графа Аракчеева и графа Гурьева, когда мною объявлено было сожалѣніе, что академія за неимѣніемъ мѣста, не можетъ имѣть своимъ сочленомъ графа Остермана-Толстаго, который, какъ уже извѣстно, покровительствуетъ художниковъ, а притомъ и близокъ къ государю, онъ сіи слова: и Илюшка близокъ къ государю, то и его принять въ члены, (Илья, кучеръ государя). Сіе слово разнеслось по городу и дошло до военнаго генералъ-губернатора, въ донесеніи же такъ преувеличено, что онъ бутто сказалъ сіе, ругая вышеписанныя важныя лица. Я, имѣя случай говорить съ графомъ Алексѣемъ Андреевичемъ, удостовѣрилъ его, что онъ ихъ не ругалъ и объяснилъ въ точной истиннѣ сказанное Лабзинымъ. Говорятъ, что его путешествіе было несчастливо: въ Москвѣ не позволено было ему прожить болѣе одного дня, а почтенная его жена въ дорогѣ, при паденіи кареты, такъ повредила себѣ ноги, что уже не ходитъ; самъ же онъ имѣетъ падучую болѣзнь, которой припадки часто съ нимъ бываютъ, и въ дорогѣ съ нимъ случились. Книга его перевода—Торжество Евангелія здѣсь не всѣми хорошо принята, многіе, прочитавъ объявленіе переводчика и начало книги, въ коей находятся вопросы невѣрующаго, бросаютъ и не хотятъ дочитывать ея до конца, хотя въ ней выставлены неопровержимые доказательства патера невѣрующему; они кажутся ужасными и говорятъ—на что дѣлать такіе вопросы, которые отрицаютъ божественность Спасителя. О семъ я бы желалъ знать, какъ у васъ думаютъ, и какъ вы сами думаете? Федоръ Романовичъ (Мартосъ) пишетъ ко мнѣ пріятное письмо, и въ пожеланіи всего лучшаго у новаго года, желаетъ самой

незначущей бездѣлицы, а именно: три пуда ассигнацій, изъ чего заключаю о его увѣренности, что уже имѣю ихъ полъ пуда, и думаю, что трудно мнѣ вывести его изъ сего заблужденія, но рѣдко настоящее дѣло сходствуетъ со мнѣніемъ: мои лѣта и мои силы удостовѣряютъ меня, что дѣятельность и труды уже для меня тягостны и что остатки моихъ дней долженствовало бы провесть въ отдохновеніи, но выходитъ противное, я долженъ искать работы, ищу болѣе прежняго, я льстился, что буду производить монументъ Дмитрія Донского, но сія работа отмѣнена, потому что она нейдетъ быть поставленною на Куликовомъ полѣ. Это меня печалитъ, ибо для моего существованія пенсіонъ и жалованье, состоящее въ шести тисячахъ рубляхъ, недостаточно; своего ничего не имѣю, ибо что имѣлъ—отдалъ дѣтямъ, а что болѣе всего меня ужасаетъ, это то, что долги накопляются, и естьли, по волѣ Божіей, умру, не поправясь, то схоронить нечимъ; въ етомъ не стыжусь вамъ открытся, но прошу васъ не принять сего за плачъ Іереміи,—я пишу сіе единственно для того, чтобъ только наполнить письмо и о чемъ нибудь, какъ съ лучшимъ моимъ родственникомъ, побесѣдовать.

Авдотья Афанасьевна, особенно васъ любящая и искренно почитающая, усерднѣйше вамъ кланяется и проситъ, чтобъ вы ее не забывали и почаще о себѣ увѣдомляли; также моя Катенька, а ваша крестница, проситъ меня, чтобъ доставить вамъ и ея письмо въ доказательство, что она хорошо учится, теперь ей исполнилось 8 лѣтъ, она уже читаетъ пофранцузски и нѣсколько говоритъ и пишетъ, а поруски читаетъ очень хорошо, пишетъ же по диктовкѣ, въ арифметикѣ знаетъ хорошо три правила, и начала учиться на фортепьянѣ. Прочія же дѣти мои, у которыхъ есть также дѣти, благодарятъ васъ, въ особенности за всегдашнее имъ въ моихъ письмахъ ваше приписаніе и просятъ впредь продолженія онаго; я, пребывая въ такихъ же мысляхъ, прошу васъ писать почаще прежняго, ибо замѣчаю, что вы пишете рѣже, но приписываю не иному чему, какъ только болѣзни руки вашей, а не забвенію меня; но чтобы это не послужило вамъ отговоркою, то есть на то другой способъ, то есть можете диктовать, я буду доволенъ вашимъ подписаніемъ своего имени,

а подписать свое имя не мудрено, хотя рука и больная. Остаюсь со всегдашнею моею къ вамъ преданностію вашъ покорнѣйшій слуга Иванъ Мартосъ.

Генваря 19 дня, 1823 года.

7. М. Г. Иванъ Романовичъ. Письмо ваше съ поздравленіемъ меня съ новымъ годомъ, писанное 3-го января, я получилъ 14-го дня сего года; оно подтверждаетъ вашу ко мнѣ искреннюю любовь и преданность, которую съ молодыхъ еще лѣтъ вы оказывали и которыхъ опыты я многократно испыталъ. Я не могу и не умѣю описать вамъ тѣхъ чувствъ благодарности, которые за сіе въ сердцѣ моемъ къ вамъ питаю; скажу только, что послѣ моихъ дѣтей, вы въ немъ первое мѣсто занимаете. Я держу за правило читать ваши письма, когда мы всѣ вмѣстѣ, сіе послѣднее принесло намъ большое удовольствіе и въ то же время растрогало; когда вы, описывая ваше положеніе въ ноябрѣ и декабрѣ, чуть было не отправились на тотъ свѣтъ, всѣ мы воскликнули: не дай Богъ! а Авдотья Афанасьевна заплакала, разсуждая о страждущей вашей жизни, которую вы ведете съ молодыхъ лѣтъ; нельзя не содрогнуться и не сказать, что вы особенно оставлены судьбою на испытаніе. По пріѣздѣ къ намъ вашего митрополита, я искалъ нарочно съ нимъ видѣться, чтобъ узнать о васъ и о вашемъ здоровьѣ; онъ меня успокоилъ и увѣрилъ, что вы здоровы и веселы; мнѣ было пріятно отъ него это слышать и узнать, что онъ васъ любитъ и уважаетъ.

14-го числа прошедшаго мѣсяца, въ день присяги нынѣшнему императору Николаю Павловичу, было у насъ великое и печальное произшествіе, котораго я былъ свидѣтелемъ. Вы усмотрите изъ печатныхъ манифестовъ и газетъ, въ которыхъ оно написано безъ всякого закрытія, къ какой погибели оно вело наше государство, но Богу угодно было послать на погашеніе сего зла—нынѣ царствующаго императора; онъ въ семъ дѣлѣ показалъ необыкновенный разумъ, дѣятельность и рѣшимость, которая всѣхъ удивила. Не сходя въ тотъ день съ улицъ, наполненныхъ почти всѣмъ народомъ столицы, онъ самъ своею особою всѣмъ распоряжалъ, и предъ лицемъ народа, въ короткое

время, погасилъ такое дѣло, которое было бы бѣдственно для всей Россіи, естьли бъ не была употреблена на то подобная рѣшимость. Теперь мы совершенно спокойны. Скажу вамъ найоткровеннѣйше, что мы имѣемъ царя несравненнаго, какъ по уму, такъ и по ангельскому сердцу. На счетъ Василія Ивановича (Григоровича) будьте спокойны: онъ очень уменъ, чтобы быть причастнымъ какому нибудь безчестному дѣлу; онъ самъ къ вамъ пишетъ. Благодарю васъ очень за принимаемое участіе касательно будущихъ работъ, кои для меня предполагаете; они для меня надобны, но теперь почти неудобоисполнительны; мнѣ скоро исполнится 73 года и я чувствую всю тягость оныхъ; я становлюсь походить на покойнаго князя Григорія Семеновича Волконскаго, бывшаго въ Оренбургѣ генералъ-губернаторомъ, которому сказалъ татаринъ: ты прежде была *хороша, умна*, а теперь ты стала *стара, глупа, глуха, слѣпа*; и татаринъ сказалъ правду.

Съ Федоромъ Романовичемъ, во время присутствія покойнаго императора въ Таганрогѣ, я имѣлъ частую и пріятнѣйшую переписку, онъ извѣщалъ меня обо всемъ до него касающемся, а также и до меня; онъ сообщилъ мнѣ слова, коими милостиво изволилъ отозваться обо мнѣ и моихъ сыновьяхъ покойный императоръ: извѣщалъ меня о присудствіи ихъ величествъ въ его саду, о оказанной милости ея величествомъ Ульянѣ Андреевнѣ, и о всѣхъ наипріятнѣйшихъ подробностяхъ, бывшихъ въ Таганрогѣ; и вдругъ какой всему переворотъ! И хотя все, случившееся съ нимъ, онъ видѣлъ, какъ во снѣ, но будущность его не должна приводить его въ сомнительное положеніе; онъ очень извѣстенъ всѣмъ съ хорошей стороны; всѣ знаютъ, что онъ честный и благородный человѣкъ; я его познакомилъ съ графомъ Михаиломъ Семеновичемъ Воронцовымъ, прежде нежели онъ туда пріѣхалъ, но жаль, что графъ тамъ не остается; конечно, онъ могъ надѣяться быть тамъ градоначальникомъ, но мнѣ кажется, что это отъ него не уйдетъ.

Зятьямъ моимъ я сдѣлалъ выговоръ, что они къ вамъ не пишутъ. Алексѣй Егоровичъ извиняется тѣмъ, что ему некогда писать, а притомъ и не знаетъ, что́ писать; а Абрамъ Ивано-

вичъ тѣмъ, что не имѣетъ чести знать васъ лично; но я имъ говорю, что это одни отговорки. О Абрамѣ Ивановичѣ скажу вамъ, что онъ выстроилъ церковь старообрядческую съ такимъ изящнымъ вкусомъ чистой греческой архитектуры, что она почитается теперь по своей красотѣ лучшею въ Россіи, и естьли бъ масштабъ былъ вдвое болѣе, и вмѣсто кирпича была она выстроена изъ камня и мрамора, какъ выстроенъ св. Петръ, то по красотѣ архитектуры она почиталась бы въ Европѣ первою; и дѣйствительно, онъ имѣетъ талантъ превосходный. О Алексѣѣ Ивановичѣ моемъ скажу, что трехлѣтіе его службы въ Сибири кончилось, онъ желаетъ возвратиться служить въ Россіи, но тѣмъ же предсѣдателемъ, какъ тамъ служитъ; запятая только въ томъ, что онъ не имѣетъ чина коллежскаго совѣтника, о чемъ я очень хлопочу и знакомлюсь съ людьми, которыхъ прежде не зналъ; и именно я былъ у Люменарскаго, который теперь то, что были вы [1]); онъ мнѣ обѣщаетъ и обнадеживаетъ, что мой сынъ можетъ получить чинъ за отличіе; не знаю, до какой степени можно вѣрить людямъ, служащимъ по министерствамъ. Петръ Ивановичъ служитъ на поселеніи въ прусскаго короля полку подполковникомъ и правитъ баталіономъ, очень скучаетъ своею службою, которая въ поселеніи тягостна. Моя Катенька всякій разъ о васъ спрашиваетъ и цѣлуетъ вашу ручку, ей все хочется васъ видѣть. Авдотья Афанасьевна усерднѣйше вамъ кланяется и желаетъ вамъ лучшаго здоровья, равномѣрно и я желаю отъ всего сердца того же и прошу васъ писать ко мнѣ, какъ можно почаще, въ ожиданіи чего, съ истиннымъ почтеніемъ и душевною преданностію, имѣю честь быть вашимъ покорнѣйшимъ слугою Иванъ Мартосъ.

15 генваря, 1826 года.

8. М. Г. Иванъ Романовичъ! Я узналъ случайно, что рисунки Десятинной въ Кіевѣ церкви, дѣланные Ефимовымъ для ея возобновленія, находились у Алексія Николаевича (Оленина), онъ мнѣ обѣщалъ заставить мальчиковъ съ нихъ срисовать, чтобъ ихъ вамъ доставить; но рисунковъ не много, одинъ планъ

[1]) Т. е. директоръ департамента м-ва юстиціи.

только; занятія ли его на службѣ, или другія отвлеченія, но я еще не получилъ отъ него копіи съ его плана, но надѣюсь непремѣнно получить; не желая болѣе ожидать, я рѣшился послать вамъ зависящіе отъ меня рисунки памятника Ломоносову, который уже отлитъ щастливо изъ бронзы и теперь отчеканивается. Мысль для группы подала мнѣ ода безсмертнаго Ломоносова, содержащая размышленія о величіи Божіемъ при случаѣ сѣвернаго сіянія, въ которой превзошелъ онъ, такъ сказать, самого себя и въ стихахъ неподражаемыхъ выразилъ всю полноту чувствъ и слабость силъ человѣческихъ для изображенія великолѣпнаго зрѣлища, имъ созерцаемаго. Вотъ слова поэта:

„Песчинка какъ въ морскихъ волнахъ,
Какъ мала искра въ вѣчномъ льдѣ,
Какъ въ сильномъ вихрѣ тонкій прахъ,
Въ свирѣпомъ какъ перо огнѣ,
Такъ я въ сей безднѣ углубленъ
Теряюсь, мысльми утомленъ“.—

Въ моей группѣ Ломоносовъ представленъ въ минуту священнаго восторга, который произвело въ немъ небесное явленіе, геній поэзіи подаетъ ему лиру; вензелевое имя Елисаветы на лирѣ и сѣверное полушаріе, на коемъ начертано имя Холмогоры, служащее подножіемъ, имѣютъ отношеніе къ вѣку и родинѣ поэта. Фигура Ломоносова имѣетъ вышины 3 арш. и 3 вершка; слѣдовательно, она колоссальная, съ пьедесталомъ, который также довольно великъ; я надѣюсь, что на площади монументъ сдѣлаетъ хорошій видъ, онъ поставится въ Архангельскомъ городѣ, и сіе по высочайшему повелѣнію. Я бы очень желалъ прислать вамъ рисунокъ дѣлаемаго теперь монумента императору Александру I-му, но эстампъ съ него не сдѣланъ, да и дѣлать нельзя, ибо на большой модели не то выйдетъ, что на эскизѣ, а потому надобно подождать; тогда будетъ настоящій эстампъ.

Въ одно и то же время я дѣлаю и статую князя Григорія Александровича Потемкина Таврическаго. Сія статуя колоссальнѣе статуи государя; кромѣ того, она и затѣйливѣе, ибо со-

стоитъ изъ 5-ти фигуръ; но теперь дѣлается одна статуя князя, на которую уже собраны по подпискамъ деньги. Сей памятникъ поставится въ Херсонѣ. Эстампы его я отдалъ всѣ графу Михаилу Семеновичу Воронцову. Федоръ Романовичъ писалъ мнѣ, что въ Таганрогѣ полученъ рисунокъ съ рисунка высочайше утвержденнаго, и что онъ пришлетъ вамъ съ него копію; онъ можетъ прислать вамъ и эстампъ монумента князя Потемкина Таврическаго, который онъ можетъ достать отъ графа Михаила Семеновича; онъ раздаетъ его всѣмъ, желающимъ его имѣть.

Я теперь занятъ такимъ важнымъ и труднымъ дѣломъ, что ожидаю только помощи Божіей къ довершенію его; я всякой день молю всемогущаго Бога, чтобъ укрѣпилъ мои тѣлесныя силы, которыя меня скоротечно оставляютъ, да и васъ прошу за меня помолиться такъ, какъ вы знаете; вы были завсегда добрымъ и честнымъ человѣкомъ, я увѣренъ, что молитвы такихъ людей Богомъ пріемлются. За вниманіе ваше къ моей дочери, а къ вашей крестницѣ, особенно благодарю; въ особенности же благодаритъ васъ мать ея Авдотья Афанасьевна за присланный ея дочери подарокъ, которой не малоцѣненъ и которой ваша крестница будетъ всегда держать, какъ драгоцѣннымъ вашимъ памятникомъ (*sic*).

Прощайте, Иванъ Романовичъ, будьте здоровы и ежели можно, то и веселы. Я, Авдотья Афанасьевна и Катенька вамъ сердечно кланяемся и просимъ содержать насъ въ своей памяти. Съ истиннымъ почтеніемъ и всегдашнею преданностію остаюсь навсегда вашъ покорнѣйшій слуга Иванъ Мартосъ.

13-го марта, 1829 года.

P. S. Случилось какъ будто нарочно, что я сіе письмо не послалъ по написаніи на почту; на третій день Алексѣй Николаевичъ прислалъ мнѣ планъ Десятинной церкви съ подробнымъ описаніемъ. Планъ и записку также къ вамъ препровождаю. Рисунка фасады, прожектированного г-номъ Стасовымъ, не имѣется, вѣроятно онъ долженъ находиться въ Кіевѣ. По розысканіи моемъ, я увѣрился, что его рисунокъ, а не другого кого, апробованъ.

9. М. г. Иванъ Романовичъ! Присланный вами подарокъ дочери моей Катерины, въ видѣ вашего благословенія, есть знакъ вашей всегдашней къ намъ любви. Я и Авдотья Афанасьевна чувствуемъ вашу къ намъ привязанность и благодаримъ отъ всего серда, желая, чтобъ Богъ укрѣпилъ ваше здоровье и продлилъ вашу жизнь для утѣшенія тѣхъ, коимъ вы полезны.

Про себя скажу вамъ, что я совсѣмъ окончилъ монументъ Александра I-го для Таганрога; но теперь нахожусь въ великомъ затрудненіи отвести его въ Таганрогъ, не столько по тягости статуи, сколько гранитнаго піедистала, который ея гораздо тяжелѣе. Нѣкоторые совѣтуютъ мнѣ, чтобъ отправить изъ Кронштата моремъ, и чрезъ Константинополь въ Таганрогъ, но это чрезвычайно далеко, я еще не рѣшился.

Статую князя Потемкина Таврическаго я окончилъ модѣль, и надѣюсь, что, при помощи Божіей, она будетъ поставлена въ Херсонѣ. Что жъ касается до моего здоровья, то оно въ большомъ упадкѣ: отъ службы по академіи я долженъ отказаться, потому что ходить на верхъ не могу по причинѣ недуга, которой только позволяетъ мнѣ сидѣть. На мнѣ исполняется аксіома Жанъ Жакъ Руссо, которой не согласенъ съ правиломъ философа Сенеки, предписывавшаго учиться или трудится до старости лѣтъ; онъ говоритъ: на что управлять искусно колесницей, доѣхавши уже до твоей мѣты. Мнѣ кажется, Руссо справедливѣе.

Прощайте, любезный Иванъ Романовичъ, будте всегда такъ добры ко мнѣ, какъ нынѣ; и продолжайте ко мнѣ писать попрежнему и что вамъ вздумается, а я всегда съ прежнею моею къ вамъ привязанностію остаюсь покорнѣйшимъ слугою Иванъ Мартосъ.

Авдотья Афанасьевна въ особенности вамъ кланяется и отъ всего сердца благодаритъ за любовь вашу къ Катеньки; она жалѣетъ, что лично васъ не можетъ поблагодарить.

10-го октября, 1830 года.

ЛѢВОБЕРЕЖНАЯ УКРАИНА ВЪ XV—XVII СТ.

ОЧЕРКЪ КОЛОНИЗАЦІИ.

(*Окончаніе*[1]).

2. *Черниговщина.* Область эта, обнимавшая древнія княжества черниговское и новгородъ-сѣверское и утраченная Литвою къ концу XV в., присоединена къ рѣчи посполитой въ началѣ XVII в. Лишь послѣ деулинскаго перемирія 1619 г. и поляновскаго договора 1634 г. вошла она въ составъ украинскаго Заднѣпровья, какъ бы дополняя сѣверную его полосу съ неопредѣленными границами. Порубежная линія передвинулась теперь далѣе къ сѣверу, до розграничья стародубско-смоленскаго, и по присоединеніи Смоленска примыкала къ литовскому рубежу. Въ 1635 г. въ этой полосѣ образовано отдѣльное воеводство, къ которому присоединена и часть воеводства кіевскаго по верхнему Остру и лѣвымъ притокамъ Сейма.

Съ запада новое воеводство примыкало къ рѣчицкому повѣту (минскаго воеводства), любецкому округу и сѣверо-восточной полосѣ заднѣпровской волости (Навоза) печерскаго монастыря; съ юга—граница шла по верхнему теченію лѣваго притока Десны Смолянки, далѣе переходила къ Деснѣ и на ту сторону Сейма; затѣмъ, послѣ присоединенія къ Чернигову староства нѣжинскаго, граница шла по р. Остру, мимо болота

[1]) См. „Кіевск. Стар.“ 1896 г., № 5.

Плоскаго, нѣсколько ниже устья Дѣвицы (Новаго Потока) и этой послѣдней рѣкой до ея верховья, засимъ по водораздѣлу Остра и верховьевъ Удая и Ромна (притоковъ Сулы) до путивльскаго рубежа московскаго царства. Восточная граница направлялась по водораздѣльной грядѣ Ромна и Сейма, пересѣкала Сеймъ ниже Путивля, далѣе направлялась по притоку Сейма Клевени до верховья; затѣмъ къ сѣверу по сѣвскому рубежу и поворачивала къ Деснѣ. Наконецъ, сѣверная граница направлялась по правому берегу Десны къ западу, выше устья Сожа отдѣляя Черниговщину отъ стародубскаго повѣта смоленскаго воеводства, черезъ Сновъ (прит. Десны) по притоку Сожа Терухѣ до розграничья рѣчицкаго повѣта съ любецкимъ староствомъ.

Такимъ образомъ, воеводство обнимало площадь около 500 кв. миль. Это по преимуществу лѣсная сторона, представлявшая какъ бы продолженіе за Днѣпромъ кіевскаго полѣсья, за исключеніемъ, впрочемъ, незначительной полосы по лѣвому берегу Сейма. Кромѣ многочисленныхъ рѣчекъ и ручьевъ, здѣсь встрѣчаемъ много озеръ и болотъ.

Воеводство дѣлилось на повѣты черниговскій и новгородскій (сѣверскій). Первый, юго-западный, имѣлъ до 225 кв. миль, второй, сѣверо-восточный, до 275 кв. миль. Граница обоихъ повѣтовъ не была точно опредѣлена и можетъ быть возстановлена лишь приблизительно.

Черниговщина отошла къ Польшѣ послѣ опустошительныхъ войнъ и представляла собою настоящую пустыню съ обширными пущами, среди которыхъ разсѣяно было нѣсколько городковъ и сторожевыхъ остроговъ по Сейму и Деснѣ. Извѣстныя намъ впослѣдствіи прочныя поселенія возникли, за малыми исключеніями, уже послѣ деулинскаго перемирія. Большая часть воеводства была роздана въ цѣляхъ колонизаціи на ленномъ правѣ крупнымъ землянамъ и чиновнымъ людямъ, какъ мѣстнымъ, такъ и выходцамъ съ праваго берега Днѣпра и болѣе отдаленныхъ областей короны. Частная собственность въ строгомъ смыслѣ слова едва начинала возникать въ эту пору, какъ это устанавливается актомъ еще 1646 г. (Vol. leg., IV,

100). Для очерка колонизаціи Черниговщины сохранилось очень мало архивныхъ матеріаловъ, нѣтъ ни люстрацій королевскихъ имѣній, ни податныхъ тарифовъ. Приходится поэтому ограничиться трибунальскими актами черниговскаго воеводства, перечисленіемъ имѣній Пясочинскихъ въ актѣ варшавской коммисіи 1668 г., нѣсколькими отрывками изъ частныхъ архивовъ и отдѣльными замѣтками въ изданныхъ трудахъ историковъ (особенно А. М. Лазаревскаго). На этомъ полѣ изслѣдователямъ предстоитъ еще немало труда.

Удобнѣе всего вести описаніе по теченіямъ рѣкъ.

Въ черниговскомъ повѣтѣ, съ западной стороны его, на границѣ съ пов. рѣчицкимъ (минскаго воеводства) встрѣчаемъ бассейнъ Снова, праваго притока Десны. Среднее теченіе Снова, съ притоками Вербичевкой, Смячемъ, Туріей и Бречью, составляло городенскій округъ, обнимавшій площадь свыше 55 кв. миль. Мѣстность эта мало изслѣдована. Центромъ округа была Городня Хващей (Фащей), которымъ принадлежала и сосѣдняя волость. Трудно сказать, входили-ли въ составъ этой волости Горскъ ниже устья Ваги и Смячъ при устьѣ Смяча. Суличовка у любецкой границы находилась въ держаніи Грязныхъ, затѣмъ (съ 1630 г.) Мазапетовъ. Нижнее теченіе Снова составляло сѣдневскій округъ (20 кв. миль). Городъ Сѣдневъ на Сновѣ съ волостью и Тупичевъ принадлежали Пацамъ (Тризнамъ), Клочково на Сновѣ—Харленскимъ, Березна—Потоцкимъ.

На юго-западѣ отъ городенскаго тянулся по Деснѣ и ея правымъ притокамъ Замглаю, Стрижнѣ и Бѣлоусѣ округъ черниговскаго староства (около 25 кв. миль). О состояніи главнаго города воеводства, Чернигова, почти не сохранилось извѣстій къ концу первой половины XVII в. Есть преданіе, будто-бы Черниговъ лежалъ 12 лѣтъ впустѣ послѣ разоренія его при занятіи Горностаемъ. Лишь въ 1623 г. Сигизмундъ III даровалъ городу магдебургію, вмѣстѣ съ значительными земельными угодьями. Въ городѣ былъ замокъ и доминиканскій монастырь (позднѣе борисоглѣбская каѳедра), фундаціонная грамота котораго подтверждена въ 1635 г. (Vol. leg., III, 884). Въ церковномъ отношеніи Черниговщина зависѣла отъ Смоленска. Точ-

наго описанія староства не сохранилось, но въ немъ упоминаются: на Замглаѣ Вел. Село, Тереховка и Лопатинъ; на Стрижнѣ Роище; на Бѣлоусѣ Бѣлоусъ, Жолвинка, Гущинъ, Кіенка, принадлежавшая повидимому доминиканамъ, Юрьевка и Кошовка; на Бычалкѣ (пр. Бѣлоуса) Рутка и Чортыковщина (Чернеччина?), доставшаяся послѣ Петровскихъ Рѣчинскимъ. Себережъ при городищѣ Рогощемъ (Роище на Стрижнѣ) въ 1645 г. отданъ Владиславомъ IV Пясочинскимъ. На лѣвой сторонѣ Десны встрѣчаемъ Виблы (замковое село) и Колчевку Солтыковъ.—Къ югу отъ черниговскаго староства, по теченію Десны и ея притоковъ Козла и Лебедя вплоть до Смолинки и границы остерскаго староства, находился округъ слабинскій (около 25 кв. миль). Здѣсь главнымъ образомъ владѣнія рода Грязныхъ: г. Слабинъ у устья Козла, Шестовица на Деснѣ, Здвижъ и Лукашевка на Лебедѣ и нѣсколько южнѣе Скоронецъ при оз. Гребнѣ. Серединцу (Серединку) на Смолинкѣ держатъ Илинскіе. Смолинъ на Деснѣ, у остерскаго рубежа, повидимому тянулъ къ черниговскому замку.

Округъ вересоцкій, къ востоку отъ черниговскаго и слабинскаго, обнималъ теченіе Вересочи (пр. Десны) и Десны отъ Березны до Мены (35 кв. миль). Большая часть округа принадлежала Солтыкамъ: Блистановка на Деснѣ, Стольное на Пулькѣ, Кольчинъ (Ковшинъ) на Деснѣ выше Андріевки въ держаніи Оранскихъ и Солтыкова Дѣвица („грунтъ Дѣвицкій“), возобновленная Солтыками на старомъ городищѣ; Вересочь на Вересочи; восточнѣе Британовка на урочищѣ Стадница и на Смолежѣ Илинцы и Комаровка. Кромѣ того, на Деснѣ Солтыкамъ принадлежали неизвѣстные нынѣ грунты „Бочаково селище“ и „на Озеринѣ“. На Хибаловку ниже г. Вересоча въ 1660 г. заявлялъ притязанія нѣжинскій войтъ Васютинскій. Далѣе къ Нѣжину тянулись веркіевскія владѣнія Казановскихъ: г. Веркіевка на р. Богачкѣ (пр. Вересочи), Кошелевка Вел. и Мал. и Британовка (вѣроятно, пріобрѣтенная отъ Солтыковъ); кромѣ того, болота Волочковскія и пасѣки Савинскія.

Округъ менскій (40 кв. миль) обнималъ теченіе Мены, Березы и нижней Борзны. Западную полосу этого округа, по

обоимъ берегамъ Десны, составляли владѣнія Грязныхъ: Ушня на Деснѣ („грунты Ушанскіе"), Дубровка недалеко отъ устья Мены, Воловица при устьѣ Березы и Степановка на оз. Ворона. Волосковичи на Дяговой (пр. Мены) принадлежали Солтыкамъ. Значительная часть менскаго округа принадлежала Казановскимъ, отъ которыхъ пріобрѣли ее Кисели: г. Мена на Менѣ, Киселевка, Максаки на Деснѣ, гдѣ въ 1642 году кіевскій каштелянъ (Адамъ) основалъ монастырь, которому отдалъ с. Холмы на Березѣ, Красноставъ на Дочи, Едуты на Борзнѣ и Пральники (Прачи), составлявшія т. наз. „задесенскій" или „красноставскій ключъ". Куковичи повыше Максакъ на Деснѣ повидимому также входили въ составъ менской волости.

Борзенскій округъ обнималъ теченіе Борзны (около 40 кв. миль). Г. Борзна основанъ новгородскимъ подкоморіемъ Вышлемъ. Главнѣйшія поселенія округа: Конашевка ниже г. Борзны, Оленовка и Загоровка на Загоровкѣ, Плиска на Плискѣ (владѣнія Коссаковскихъ), Бахмачъ у истоковъ Борзны, Городище и Дочь на верхней Дочи. Высокое у Красноставскаго рубежа на Дочи перешло отъ Страшей къ Адаму Киселю, который подарилъ его максаковскому монастырю.

Староство нѣжинское составляло самую южную часть черниговскаго повѣта. Г. Нѣжинъ, возобновленный на городищѣ послѣ стариннаго Унѣнежа, въ 1624 г. получилъ отъ Сигизмунда III обширныя земельныя угодья, а въ слѣдующемъ году магдебургію. Вскорѣ послѣ этого на городскихъ грунтахъ возникли: Володкова Дѣвица (поздн. Нов. Потокъ) на рѣкѣ того же имени, Талалаевка, Кропивная и Синяки на Кропивной, Переяславка на Острѣ, Бурковка на Рыбцѣ, Круты, Кагарлыки, Печи (Печилѣсы) и Гороше Озеро. Далѣе, въ верховьяхъ Остра: Обмышъ Угорницкихъ съ женскимъ монастыремъ и Ивангородъ Пацовъ; у верховья Дѣвицы „Лосьи Головы" (поздн. Лосиновка), отданное (40 уволокъ) въ 1627 г. королевичемъ Владиславомъ Малаховскимъ, затѣмъ переходившее къ Чижамъ, Вишневецкимъ, Угорницкимъ и этими послѣдними записанное обмышскому монастырю. Къ нѣжинскому округу, обнимавшему площадь не менѣе 35 кв. миль, слѣдуетъ причислить и уз-

кую полосу по верхнему Удаю, гдѣ упомянуты Крупичполь и Дорогинка Коссаковскихъ. Дорогинка, „munitum oppidum et arx ad Udai dextram“ (Целларій), отдана Коссаковскимъ Сигизмундомъ III, а Крупичполь полученъ ими позже (1638 г.). Самый Нѣжинъ къ половинѣ XVII в. былъ уже довольно значительнымъ городомъ; здѣсь находился доминиканскій монастырь, фундаційныя грамоты котораго подтверждены были еще въ 1635 году (Vol. leg., III, 884).

Нѣсколько больше свѣдѣній сохранилось для историко-географическаго очерка новгородсѣверскаго повѣта. Значительная часть повѣта, при раздачѣ сѣверскихъ пустошей на ленномъ правѣ землянамъ, досталась Пясочинскимъ (Александру, каштеляну кіевскому и старостѣ нов.-сѣв.), которые приложили большія усилія къ заселенію этой окраины, пріобрѣтенной послѣ деулинскаго перемирія. Архивъ Пясочинскихъ по счастью уцѣлѣлъ, хотя не вполнѣ, и въ частности сохранился списокъ ихъ владѣній, представленный въ 1668 г. варшавской коммисіи. Правда, въ спискѣ этомъ замѣтна большая путаница,—надо надѣяться, что дальнѣйшими изслѣдованіями она будетъ устранена. Приведемъ здѣсь показанія этого списка.

Собственно нов.-сѣверскій округъ обнималъ бассейнъ Десны почти отъ устья Судости до устья Малотечи и Шостки (до 80 кв. миль). Новгородокъ Сѣверскій на Деснѣ, центральный пунктъ округа, отданъ Пясочинскимъ вмѣстѣ съ волостью (староствомъ) вслѣдъ за поляновскимъ трактатомъ (1634 г.). Здѣсь были два монастыря: доминиканскій, основанный въ 1619 г., разрушенный въ 1632 г. и возобновленный послѣ 1634 г., и іезуитскій, основанный Пясочинскими. Фундаціи ихъ подтверждены въ 1635 и 1647 г. г. (Vol. leg., III, 884 и IV, 132). Старинный спасскій монастырь разрушенъ еще при осадѣ Н. Сѣверска Самозванцемъ въ 1604 г.; послѣ 1619 г. черницы покинули пепелище, а монастырскія владѣнія были отданы католическимъ монастырямъ. Неизвѣстно, даровалъ ли Сигизмундъ III магдебургію городу. Къ нов.-сѣверской яко-бы „дѣдичной“ волости Пясочинскихъ (въ сущности, представлявшей староство), кромѣ города, принадлежали: Комань на Деснѣ, Ивотъ на Ивоти, Би-

рынъ при устьѣ Торкни, Очкинъ на Деснѣ, Порохонъ на верхней Знобовкѣ и неизвѣстные нынѣ Олешкевичи, Страчевъ, Новоселки, Жорновъ и Гараповичи, вѣроятно, хутора. Кромѣ того, принадлежали Пясочинскимъ на ленномъ правѣ въ томъ же округѣ: Корки на Деснѣ, ниже Комани, Фаевщина (Фаевка) на Малотечѣ, Стахурщина, Знобъ на Знобовкѣ, Меѳедовка, основанная козакомъ Меѳодіемъ, Сибилово на Знобовкѣ, Ромашковъ, Хильчицы, Кривоносовка и Собичъ. Доминиканскому монастырю принадлежали Домотковъ и Погребки на Деснѣ, невдалекѣ отъ города. Повидимому, іезуитскому монастырю принадлежали Игнатовка на Деснѣ и Березки. Кромѣ того, упоминаются на духовныхъ грунтахъ: Горбовъ, основанный еще въ 1552 г., Чулатовъ, Дехтяровка, Кудлаевка, Глазовъ (1620 г.), Олтарь, Свиржъ. Изъ землянскихъ владѣній можно указать слѣдующія: Чигинъ на Свидѣ, основанный Стан. Драгомиромъ, Жиховъ, Юхновъ Вронскихъ, Мизинъ Соловіевъ или Соломіевъ, а затѣмъ Карскихъ. Къ этому же округу слѣдуетъ отнести и „жадовскую волость“, находившуюся въ ленномъ держаніи Пясочинскихъ, по Ревнѣ или Рванцу, притоку Снова, съ поселками: Жадовъ, Погорѣльцы и Машевъ. Кромѣ того, въ спискѣ 1668 г. упомянуто еще 12 поселковъ, быть можетъ простыхъ хуторовъ, принадлежавшихъ Пясочинскимъ въ жадовской волости: Татемичъ, Бучинъ, Таршицы, Павшенскъ, Роятичи, Горбацкое, Приборскъ, Любечъ, Львовщина, Наробы, Мальковщина и Кобецинъ.

Глуховскій округъ, площадью свыше 60 кв. миль, къ юго-востоку отъ нов.-сѣверскаго, до путивльскаго рубежа, тянулся по Клевани за Сеймъ и обнималъ верхнее теченіе Ивоти (пр. Десны). Городъ Глуховъ возобновленъ Пясочинскими на „стародревнемъ городищѣ“. Они держали глуховскую волость на ленномъ правѣ. Здѣсь, кромѣ Глухова, называемаго Новымъ Острогомъ, упомянуты: Сварковъ, Холзовка и Волокитинъ на Клевани, у путивльскаго рубежа, Викторовъ и Кочерги на Есмани, ниже Глухова, Воргла и Литвиновичи на Ворглѣ, Хижки, Старики, Камень (Митинъ Божекъ), Любитовъ, Новоселки, Озаричи, Заболотовъ, сѣвернѣе Спасское поле, къ сѣверо-востоку Локня и Погребки, ближе къ Глухову Слѣпородъ

на Вербовкѣ, Чортовщина (Чорторыи) и Землянка на Сливкѣ. Въ сѣверной полосѣ округа къ глуховской волости Пясочинскихъ принадлежатъ: Воронежъ на Осотѣ (пр. Десны), Крупецъ, Локотки, Маковъ, Собичевъ на Шосткѣ, Княжичи на Свесѣ, Бочевка близъ Клевени. Кромѣ того, въ спискѣ 1668 г. приведенъ рядъ забытыхъ нынѣ названій мѣстностей. Наряду съ Пясочинскими были здѣсь и другіе, мелкіе владѣльцы—земляне и доминиканскій монастырь. Такъ, Розтопчамъ принадлежитъ Клинъ Старый (поздн. Ямполь) и слободка Клинская, Коякевичи (?), Михновскимъ—Пустогородъ на Свесѣ, Ягницкимъ—Есмань, Осинскимъ—Береза, Оссолинскимъ—Студенекъ на Клевени, Богуцкимъ—Некраши, Песцамъ—Щербы, Лущевскимъ и Песцамъ — Дунаецъ, Лущевскимъ — Уздицы, Ярославскимъ—Ярославецъ, Глоговскимъ—Зимное (Зиминъ) и Горичевъ (?). Доминиканамъ здѣсь принадлежали Быстрикъ, Туліголовъ, Обложки, Полошки, Улановъ, Ястребщина и Суходольщина.

Коропскій округъ, къ западу отъ глуховскаго, тянулся по обѣимъ сторонамъ Десны, южнѣе Нов.-Сѣверска (40 кв. миль). Собственно коропская волость, главнымъ образомъ на лѣвой сторонѣ Деснѣ, находилась въ держаніи Пясочинскихъ. Кромѣ г. Коропа на Деснѣ (повидимому, основаннаго на городищѣ древняго Хоробра), Рождественнаго и Корильска, къ ней тянули: Билка (Билочъ?) на Накотѣ, Алтыновка близъ Сейма, Рыботинъ и Сохачи на Деснѣ ниже Коропа, южнѣе Христовщина и Добротовъ къ востоку отъ Коропа. Кромѣ того въ спискѣ 1668 г. упомянуты забытыя нынѣ: Напень, Студенецъ, Батьковское, Чудиново, Безобразово, Коренево и др., быть можетъ простыя урочища. Принадлежавшая Пясочинскимъ на правой сторонѣ Десны волость почему то названа „княжицкой". Въ ней упомянуты: Пакошичи, Ярухи, Крышки, Понорница, Верба, Рыхловскій островъ, Андреевка и Хлопенники; кромѣ того, въ спискѣ 1668 г. перечислены забытыя нынѣ Липки, Микульщина, Опятовскій островъ (Обтовъ?), Билочъ, Варвинское, Лабановка, Пруски или Олизаровъ, Новики, Селимъ и Быковъ. Землянскіе грунты: Блони (Оболонь), Городище, Савенки, Глина или Будище Розтопчей, владѣльцевъ Клина и пр. въ глу-

ховскомъ округѣ, неизвѣстно чей Тагановъ, Радичевъ землянъ Соловіевъ или Соломіевъ, державшихъ также Мизинъ, и Псяровка („Псаровщина") Петриковскихъ, которымъ принадлежали также Хорошки (?),—всѣ на правой сторонѣ Десны. На лѣвой ея сторонѣ: г. Райгородокъ Зеленскихъ, г. Кролевецъ („civitas regia"), основанный С. Вышлемъ, съ цѣлой волостью Вышлей: Реутинцы, Обтовъ, Погорѣловка, Лучники, Чапліевка и Клишки.

Сосницкій округъ обнималъ все теченіе Убеди и нижнее теченіе Сейма и Накота (свыше 40 кв. миль). Сосницкая волость находилась въ держаніи Пясочинскихъ: г. Сосница, Лавы, Рудня, Богдановo, Устье (Малое), Ниж. и Вер. Якличи, Змитневъ и Конятинъ на правой сторонѣ Десны, Устье (Вел.), Новые Млыны, Пекаревъ и Пекаровская слобода, Синятичи и Головенка—на лѣвой. Кромѣ того въ спискѣ 1668 г. упомянуты: при Сосницѣ—Красноселка, Зродки, Иваничи, Кивеновщина, Козовъ, Рахмановъ, Посольское, Босуровъ, Микулинъ, Волки; при Нов. Млинахъ—Медвѣдки, Верекинъ, Тековичи, Хоричи, Склаковщина, Теребинскъ, Османъ, Заникалы, Лепки—названія большею частью очевидно испорченныя. Изъ духовныхъ владѣній упомянуто только Спасское, перешедшее къ нов. сѣверскимъ доминиканамъ послѣ уничтоженія Спасскаго православнаго монастыря. Землянскіе грунты: Козленичи на Убеди („Буда Козленицкая")—Осуховскихъ, затѣмъ (1646 г.) Кіевскихъ, и Шабалиновъ выше Накота—Пенскихъ.

Южную полосу нов.-сѣверскаго повѣта составлялъ округъ батуринскій, на лѣвой сторонѣ Сейма съ притоками его Накотиловкой и Езучемъ (25 кв. миль). Волости батуринская и конотопская возникли на пустошахъ, пожалованныхъ Владиславомъ IV канцлеру Юрію Оссолинскому (послѣ 1634 г.) и въ видѣ приданаго перешли: батуринская къ Любомирскимъ, а конотопская—къ Калиновскимъ. Батуринъ основанъ еще въ 1625 году осадчимъ Ал. Пясочинскаго Матвѣемъ Стахурскимъ (см. Э. Руликовскаго „Ian Stachórski" въ Dz. warsz. 1855 г. №№ 257—263). Имя города намекаетъ на какого то Батура, повидимому туранскаго происхожденія. Отмѣченное въ „Исторіи

Руссовъ" извѣстіе, будто-бы Батуринъ основанъ еще при кор. Стефанѣ Баторіи, который назначилъ его столицей гетмановъ войска запорожскаго, представляетъ простую легенду. Къ батуринской волости принадлджали поселки: Обманчевъ на Сеймѣ, Тростянка, Пальчики, Митченки и Красное на притокахъ Сейма; къ конотопской: кромѣ Конотопа, возникшаго уже послѣ 1634 г., Поповка на р. Накотиловкѣ, Устянка (?) и вѣроятно Сосновка, основанная конотопскимъ подстаростою Сосновскимъ близъ стараго городища Торговицы.

Нѣкоторѣя свѣдѣнія о населенности черниговскаго воеводства имѣются лишь съ 1650 г., слѣдовательно относятся уже къ эпохѣ послѣ движенія Хмельницкаго, которое произвело крупныя перемѣны въ дѣлѣ колонизаціи (см. т. X Актовъ Ю. и Зап. Рос.). Послѣ отпаденія отъ рѣчи посполитой и организаціи новаго военнаго строя, старые рубежи заднѣпровскихъ воеводствъ, повѣтовъ и округовъ исчезли. Вмѣсто нихъ явились полки. При переписи 1654 г. за Днѣпромъ названо девять полковъ, но два изъ нихъ имѣли свои центральные пункты на правомъ берегу. Въ переписи перечислены поселенія возникшія еще до 1648 г. (См. ст. Влад.-Буданова въ „Кіев. Стар." 1888 г., іюль).

Къ черкасскому полку, кромѣ Черкасъ и Мошенъ на правой сторонѣ Днѣпра, тянули гг. Домонтовъ, Песчаное, Золотоноша и 9 другихъ поселеній, отнесенныхъ въ переписныхъ книгахъ большею частью къ брацлавскому полку.

Къ полтавскому полку причислены города Полтава, Гадячее, Веприкъ, Зиньковъ, Ряшавка, Лютенка, Борки, Богачка, Балаклѣйка, Опушнянское (Опошня), Черкасское (Черкасовка), Куземинъ, Стар. Санжаровъ, Кобылякъ и 6 слободъ: Бѣлоцерковцы, Бурки, Рѣшетиловка, Котельва Заворскаго, Бѣльско, Нов. Санжаровъ, мѣстечко Ковалевка и г. Подольскъ; Кременчугъ причисленъ къ чигиринскому полку.

Въ миргородскомъ полку находились города Миргородъ, Лубны, Лохвица, Сенча, Комышная, Краснополье, Жигимонтовъ, Хоролъ, Глинскъ, Ромовъ, Смѣлое, Константиновъ, мѣстечки Грезки и Пески, Барановка и Хомутецъ.

Кропивенскій полкъ заключаетъ въ себѣ 9 городовъ: Кропивну, Ирклѣй, Пирятинъ, Чернухи, Яблоновъ, Оржицу, Журавку, Куринку и Городище.

Въ переяславскомъ полку 11 городовъ: Переяславль, Гельмязовъ, Яготинъ, Быковъ, Березань, Басань, Барышевка, Борышполе, Воронковъ, Гоголевъ, Крукполе.

Въ полку прилуцкомъ: Прилуки, Монастырище, Галица, Ичня, Переволочна, Варва, Сребряное, Красный, Голянцы, Корибутово.

Къ кіевскому полку тянули на лѣвой сторонѣ Днѣпра Бровары, Рожовка, Остръ, Карпиловка, Козелескъ, Бобровица, Заворичи.

Къ полку черниговскому принадлежали города Черниговъ, Слабунь, Сидневъ, Любечъ (пустой) и, по Костомарову, въ 1650 г. Сосница, Борзна и Конотопъ, которые въ 1654 г. принадлежатъ уже къ полку нѣжинскому.

Въ нѣжинскомъ полку находились города Нѣжинъ, Солты, кова Дѣвица, Ольшевка, Козары, Мрынъ, Носовка, Кобызча-Володкова Дѣвица съ западной стороны; Сиволочъ (древній Всеволожъ), Борзна, Ивангородокъ, Бахмачъ, Новые Млины, Батуринъ, Рождественное, Кролевецъ—въ восточной; далѣе, Глуховъ, Новг. Сѣверскій и даже смоленскій Стародубъ и т. д.

По даннымъ Костомарова, въ названныхъ полкахъ числилось въ 1650 году сотенъ: въ черкасскомъ—19, полтавскомъ—17, миргородскомъ—16, кропивенскомъ—11, переяславскомъ—17 (если исключитъ Остеръ, принадлежавшей къ кіевскому полку), въ прилуцкомъ—19, въ кіевскомъ—на лѣвомъ берегу 7, на правомъ 15, въ черниговскомъ—6 (?), въ нѣжинскомъ 9 (но въ 1654 г. 35 мѣстъ сотеннаго управленія).

Данныя о степени заселенности Заднѣпровья въ половинѣ XVII недостаточно ясны и опредѣленны; тѣмъ не менѣе они указываютъ на живое колонизаціонное движеніе, получившее сильный толчокъ послѣ возстанія Богдана Хмельницкаго. Опытъ характеристики этого движенія и его результатовъ данъ въ статьѣ г. Владимірскаго—Буданова: „Передвиженіе южно-русскаго населенія въ эпоху Богдана Хмельницкаго“ („Кіев. Ст.“ 1888 г., № 7, 79—116), изъ которой и извлечены приведенныя выше немногія данныя о распредѣленіи полковъ за Днѣпромъ въ 1650—1654 г.г.

Н. М.

ЮЖНОРУССКАЯ ПАСХАЛЬНАЯ ДРАМА.

Исторія южнорусской религіозной драмы XVI—XVII вѣка очень интересна во многихъ отношеніяхъ и до сихъ поръ не достаточно разработана, главнымъ образомъ по скудости дошедшаго до насъ матеріала, а также потому, что далеко не весь извѣстный матеріалъ опубликованъ и научно обработанъ. Мнѣ посчастливилось отыскать вотъ уже вторую южнорусскую религіозную драму, изъ которыхъ одну („Мистерія страстей Христовыхъ“) я напечаталъ уже на страницахъ „Кіевской Старины“, вторую же намѣренъ теперь предложить вниманію читателей. Эта вторая открытая мною пасхальная драма чрезвычайно любопытна, какъ по своему содержанію, основанному на извѣстномъ апокрифическомъ евангеліи Никодима, такъ и по своей стихотворной формѣ, похожей нѣсколько на форму козацкихъ думъ и близкой къ формѣ виршей. Интересъ ея увеличивается еще при ея сопоставленіи именно съ виршей и съ народнымъ разсказомъ, который будетъ приведенъ ниже. Однимъ словомъ, настоящая драма дѣлается очень цѣннымъ звеномъ, соединяющимъ нѣкоторыя до сихъ поръ разрозненныя наши свѣдѣнія по исторіи южнорусскаго религіозно-литературнаго творчества, и даетъ основаніе для нѣкоторыхъ довольно интересныхъ обобщеній.

Руководствуясь соображеніями, мотивы которыхъ читатель увидитъ ниже, я привожу прежде всего слѣдующую „пасхальную виршу“, которая была въ 1862 году напечатана въ іюль-

ской книжкѣ петербургской „Основы“ по записи, сдѣланной изъ устъ народа въ изюмскомъ уѣздѣ, харьковской губерніи.

Егда Юда Христа жидамъ продавъ
И о тимъ вельмы захвырсовавъ [1]),
Повергъ сребряныкы, шедъ и удався
И передъ Луцыперомъ-сатаною у пекли явыся.
То Луцыперъ його любовно прывитавъ
И ось такъ именно словамы його поздоровлявъ:
«Обытай же Юдо, брате мій коханый,
Бо есы другъ мій прысно соизбраный!
Добрую мы зъ тобою пораду малы,
Що Исуса Назарянына на хрестъ изогналы.
И яже азъ пію чашу, то й ты будешъ пыты,—
Да тилько объ сьому не изволь скорбити:
Що мни буде въ день судный, те й ты будешъ терпиты.
Не унывай, но пожды, покы прыйде свиту кинецъ,
И водружымъ на главу твою мій прекрасный винецъ.
Отъ-отъ якъ не выдно, Назарянына приведуть
И його душу мени на викы вични оддадуть;
Ибо я пославъ по його безсмертныхъ и пресыльныхъ
Бынарей и Трубарей, воеводъ своихъ вирныхъ.
Да тилько не знаю, чого воны тамъ забарылысь?
Выдно, Юдеи Назарянына Христа ище не разбылы (?) [2])
Якъ сіе Луцыперъ съ Юдою розмовлялы,
То ихъ послами воеводы скоро причвалалы,
И началы въ трубы трубыть всимъ слугамъ пекельнымъ
И самому Луцыперю й князямъ его темнымъ:
«Затыкайте, пидпирайте пекельны врата,
Да й никто не выглядайте зъ пекла изъ нашого брата!
Ось иде гость усимъ намъ неравный,
Господь крипкый и царь царей грозный,
И множество ангеловъ Его окружають,
А насъ, куды! до Его ани мало не допущають!
Протывъ одного ангела невозможно ничого намъ чыныты,

[1]) Кажется, исковеркано вм. захврасовавъ — началъ жалѣть.

[2]) Въ „Основѣ“ по ошибкѣ напечатано: „не зробылы“; соображаясь съ рифмой, можно предполагать здѣсь скорѣе всего „не позбылысь“!

А на Его самого и оддалеку невозможно зриты.›
А егдажъ Христосъ ставъ икъ пеклу прыступаты,
То зачалы предъ нымъ ангелы воспиваты:
«Возьмите врата князя ваша,
И оддайте авраамськіи души наша!
Отъ идеть до васъ царь славы,
Котрый сокрушывъ винецъ вашей главы.
Годи-жъ вамъ тутъ царствоваты
И преведни души къ соби забираты».
И закрычавъ Луцыперъ: «що тамъ за царь славы?
Чы не той, що зъ розбійныкамы жыды его на хрести роспялы.
Я оце за стыдъ соби ставлю врата ему отворяты
И вырій ему покаряты.
Нехай же винъ иде сюды дай настыгае,
А хто изъ насъ буде дужчый, той и барыши соби прыдбае».
И закрычавъ Луцыперъ: «Гей панове воеводы,
Бынари й Трубари!
Я васъ на пораду сюды волаю,
Якъ исъ сымъ Христомъ поступаты маю?
Якъ бы намъ оце хытрійше изробыты,
Щобъ Его душу въ небо не пустыты?»
Замормоталы слугы: «Нехай же винъ иде до неба,
А сюды намъ его отнюдь не треба!
Хыбажъ ты не знаешъ, якъ винъ сюды прыйде,
То вивсь намы собраный народъ изъ пекла выйде.
Ибо винъ не есть простый чоловикъ,
Но Богъ, котрый бувъ прежде всихъ викъ».
И закрычавъ Луцыперъ: «Щожъ винъ за Богъ, що смерты боявся,
И за серебряныи гроши якъ простый рабъ продався!
Передъ смертію стогнавъ
И на небо волавъ,
Дабы въ злыи рукы жидамъ не попавъ?»
Между тымъ Христосъ икъ пеклу прыблыжыся,
То мрачнее пекло свитомъ просвитыся,
А Луцыперъ не смогшы свита терпиты,
Упавъ ныць и почавъ сыльно вопиты:
«Гвалтъ, панове, гвалтъ! Пекло пропало!

И сылы уже моеи скилькы у мене не стало.
Правду казалы, що царь небесный
Взявъ на себе образъ человиколепный.
И яжъ, скилькы не дужь, такъ не возмогъ прелстыты,
Що прыйшлось мени теперь до вику вичнього скорбиты.
Бо Иванъ Косматый Его хрестывъ
И тымъ же то хрещеннемъ и поклоненнемъ мене мудро уловывъ:
Я-жъ думавъ на Его, що винъ гришнійший усихъ чоловикъ,
Ажъ винъ той Богъ, который бувъ прежде всихъ викъ.»
А Христосъ прышедшы къ пеклу, благословывъ коругвою
И сокрушывъ на всихъ закленахъ вырій передъ собою.
И тогда то Христосъ пійшовъ до Адама,
Де була заготовлена окромишная яма,
И такъ ставъ поздравляты,
Наперед Адама и Еву одклыкаты:
«Адаме, Адаме! Якъ тебе яблуко сюды далеко загнало!
И за тобою скилькы праведныхъ душъ въ пекли пропало!
Якъ тоби того яблука вкусъ показався?
Я-жъ черезъ него на хрести за всихъ васъ розпався.
Теперъ же ты иды въ слидъ за мною, отсюду ступай,
И зъ праведныхъ ни одніи души не оставляй.
Соломона-жъ не треба зъ собою браты,
Бо винъ можетъ крипко дуже мудроваты.
Да и Каинъ нехай ище трохы перебуде,
Покы не таковый, а особливый мій судъ буде.»
И егдажъ Христосъ ставъ изъ пекла выступаты,
Тогда Луцыперъ почавъ помаленьку и дерзость прыниматы.
Хоть хлыпко, да ставъ говорыты
И по бокамъ пекельнымъ очамы ставъ водыты.
И уздривъ Соломона, вельмы удывився
Изъ своимы слугамы и не мало чудився.
И сказавъ: «хоть одъ Христа я и лыха набрався,
Такъ за тежъ бо мыни мудрійший всихъ чоловикъ остався.
Прызнайся, Соломоне, чого ты ище въ пекли не выдавъ?
Хыбажъ тебе Христосъ мыни на вики вишни подарувавъ»?
И рече Соломонъ: «Глядыжъ, сей подарокъ тоби зъ лыхомъ выйде.
По мене-жъ Христосъ еще и въ друге прыйде.

Въ первый его прыходъ еслы ты и зостався,
А якъ по мене въ другый разъ прыйде, то хочь и отчайся!»
И закрычавъ Луцыперъ: «Выбыйте его въ шыю,
А колы не хоче зъ пекла, то хочъ черезъ сылу!»
И тоди то бисы выгналы его зъ пекла,
То душа его въ слидъ за праведнымы потекла.
И такъ Соломонъ зъ пекла вымудрувався,
Що всякъ сему дыву дывувався.
И такъ о избавленіе отъ вичного плена нашого радисть вамъ витаю,
И зъ Великоднемъ усихъ васъ поздоровляю [1]).

Въ 1886 году пок. М. П. Драгомановъ сдѣлалъ эту виршу темой небольшой статьи, напечатанной въ малор. сборникѣ „Ватра", изданномъ въ гор. Стрыѣ въ Галиціи (стр. 122—129). Въ этой замѣчательной статьѣ пок. ученый обратилъ вниманіе на вирши, встрѣчающіяся въ древнихъ рукописяхъ, или сохранившіяся въ памяти крестьянъ и мѣщанъ, или распѣваемыя мужиками. „Интересно,—писалъ онъ между прочимъ,—что нѣкоторыя вирши имѣютъ совершенно драматическую форму и могутъ считаться или начатками драмы, или ея обломками, отголосками церковной драмы, ежели не нашей, то близкихъ намъ народовъ".

Процитировавъ изюмскую пасхальную виршу, М. П. Драгомановъ замѣчаетъ: „И въ этой виршѣ такъ и бросается въ глаза живое драматическое изложеніе. Можно сказать, что *авторъ ея или имѣлъ передъ собой примѣръ драматическихъ сценъ, которыя сокращалъ*, влагая ихъ въ виршу, или вирша представляетъ промежуточную форму къ драмѣ. Смотря на примѣры похожихъ на нее рождественскихъ виршей (напр. въ „Основѣ" 1862, VI, у *Чубинскаго*, Труды III, 328, 331—340, 342) и сравнивая ихъ съ подробностями извѣстныхъ варьянтовъ рождественской драмы, мы должны согласиться съ первымъ. Правда, противъ этого говоритъ то обстоятельство, что *мы не*

[1]) Второй нѣсколько сокращенный варьянтъ этой вирши, записанный въ г. Купянскѣ старобѣльскаго уѣзда, напечаталъ г. П. Ивановъ въ своей статьѣ „Изъ области малорусскихъ нар. легендъ" (Этногр. Обозр. 1893, № 3, т. 119—120).

имѣемъ текстовъ Пасхальной драмы, но извѣстно, что такая драма когда-то у насъ была (см. *митроп. Евгеній*, Описаніе кіевософійскаго собора II, 216). *Можетъ быть гдѣ нибудь и отыщутся тексты* этой драмы, которая въ своей чисто драматической формѣ должна была быть такъ-же похожа на драмы западныя (латинскія, французскія, нѣмецкія), какъ и Рождественская драма".

И вотъ, спустя десять лѣтъ послѣ напечатанія этой статьи, предположеніе нашего ученаго изслѣдователя оправдалось. Мнѣ посчастливилось отыскать пасхальную драму, которую мы должны считать прототипомъ изюмской вирши. Фактъ этотъ, интересный самъ по себѣ, становится еще болѣе замѣчательнымъ по тѣмъ обстоятельствамъ, какія сопровождали мою находку. Лѣтомъ 1894 г. я получилъ отъ молодого галицко-русскаго этнографа Іосифа Роздольскаго небольшую тетрадку современнаго, курсивнаго письма. Тетрадка, вся писанная однимъ почеркомъ, составлена была крестьяниномъ села Мостищъ, калушскаго уѣзда на галицко-русскомъ Подгорьѣ, Фомою Кышкомъ. Онъ передалъ ее одному изъ знакомыхъ г. Роздольскаго, но не сообщилъ ничего о томъ, откуда онъ списалъ имѣющіеся въ тетрадкѣ тексты. Я прочелъ тетрадку и заинтересовался ею, такъ какъ съ первой страницы ея убѣдился, что тексты, списанные Ф. Кышкомъ—не его собственнаго издѣлія, но интересные памятники нашей древней письменности. Чрезъ посредство одного знакомаго въ Калушѣ я пробовалъ добраться къ самому Ф. Кышку, чтобъ узнать что нибудь на счетъ подлинниковъ, съ которыхъ онъ списалъ то, что имѣется въ его тетрадкѣ, но, къ сожалѣнію, ничего не узналъ, кромѣ того, что онъ вносилъ въ свою тетрадку „всячину" изъ болѣе старыхъ рукописей и изъ книгъ. Это я зналъ и безъ него. Только стороной узналъ мой знакомый, что въ с. Мостыщахъ живетъ очень старый крестьянинъ Яковына, у коего есть старыя книги и рукописи, которыми, должно быть, пользовался и Ф. Кышко. Добраться до самаго Яковыны я пока не успѣлъ, но получилъ одно письмо отъ Кышко и убѣдился, что пишетъ онъ еще болѣе безграмотно, чѣмъ тексты въ его тетрадкѣ, въ которой онъ часто списывалъ

слова и цѣлыя предложенія подлинника, не понимая ихъ смысла, и вѣроятно кое-что по недосмотру или небрежности пропускалъ. Во всякомъ случаѣ большая часть содержанія его тетрадки—списокъ съ какой то болѣе древней рукописи, которую я еще не потерялъ надежды отыскать.

Вотъ содержаніе тетрадки Ф. Кышко. Она состоитъ изъ 54 страницъ обыкновенной четверки плохой писчей бумаги. Первыя 16 страницъ содержатъ сказку „Премудрый младенецъ", напечатанную мною въ галицкомъ журналѣ „Житя і Слово" 1894, II, 136—142. Съ 17-й страницы начинается писанное безъ разстановки стиховъ „Слово о буреню пекла .... славнаго Его воскресенія тридневнаго"; оно оканчивается на стр. 39. Послѣ него слѣдуетъ „Чудо святителя Христова Николая", гдѣ разсказанъ разговоръ св. Николая съ сатаной. Чудо оканчивается на стр. 44, послѣ чего слѣдуетъ небольшая апофтегма; „Описанѣ 12 вещей, которій нѣкогда доброго порятку не зробятъ: 1. Мудрѣ безъ учинку, 2. Богачѣ безъ милостинѣ, 3. Убогій гордий, 4. Старий не богобойний, 5. Младеницъ непослушний, 6. Жона безъ стиду, 7. Люди безъ права, 8. Война безъ фрики (?), 9. Панъ безъ ласти (? м. б. ласки), 10. Християнинъ сварливий, 11. Царь гнѣвливий, 12. Духовний лѣнивий." Послѣ этого на стр. 45—46 находимъ довольно нескладную виршу „Бѣда съ бѣдою", составленную въ тонѣ стихосплетеній галицко-русскихъ „трезвителей народа". Далѣе слѣдуетъ сказка „Господаръ и перепелица", списанная изъ устъ народа, но съ книжными подбавками. На стр. 49—51 имѣется „Пѣснь людова про панщину"—списокъ сводный изъ нѣсколькихъ варьянтовъ и довольно спутанный. На стр. 51—53 списаны небольшіе разговоры крестьянина Грыця Оковытки и еврея Мортки Пявкеса—должно быть списано изъ „науки" пок. Наумовича. Въ концѣ на послѣдней страницѣ мы находимъ виршу „По битвѣ пѣдъ Плевною"—кажется, сочиненіе какого нибудь современнаго рапсода изъ галицко-русскихъ крестьянъ; вирша эта напечатана мною въ журналѣ „Житя і Слово" 1894, II, 224.

Самая обширная и самая важная въ историко-литературномъ отношеніи вещь въ настоящей тетрадкѣ—это „Слово о

бурсню пекла". При болѣе тщательномъ разсмотрѣніи „Слово" это оказывается настоящей пасхальной драмой, написанной стихами, впрочемъ совсѣмъ свободнаго размѣра, похожаго на размѣръ козацкихъ думъ. Мы предлагаемъ ее читателямъ не измѣняя ни въ чемъ текста, но сглаживая нѣсколько правописаніе и интерпункцію, разставляя стихи и указывая многоточіями мѣста, гдѣ по нашему предположенію въ текстѣ имѣются пробѣлы.

Слово о буреню пекла... *(что-то д. б. пропущено)* **славнаго Его воскресенія тридневного.**

Люциперъ до Ада мовитъ:

Знаю я але о томъ Христѣ,
Иже онъ естъ отъ колѣна Давидова, Маріинъ сынъ,
Который самъ себе именуетъ, же онъ Божий сынъ.
О томъ пророци съ давна пророкуютъ,
Вѣсть тую тилько дурно розмножуютъ,
О той шестой тысящи лѣтъ запѣвнуютъ (?):
Его бити Богомъ и человѣкомъ,
Вязьнѣ нашѣ заровно отберетъ отъ насъ.
Але я маю слуги у себи доводнѣ и бѣглѣ,
Же чрезъ нихъ знаю, що ся дѣе ни тилько на земли,
Али и на облацѣхъ святихъ,
Знаю, що ся дѣетъ и на край свѣта.
Коли Богъ основалъ землю и положилъ на ней дочаснѣ лѣта,
Такъ дочаснія, же подъ небомъ и во мори...
Знаю, що ся дѣе и въ едной годинѣ.
Чрезъ оная, рече, естъ... (д. б. пропускъ)
Иже билбы на земли Божий Синъ,
Не могу тое изъ свого розуму понять.
Знаю Творца ещи пред вѣки
Живого въ небѣ и со человѣки;
И тія трави, що Богъ сотворилъ, всѣ вѣдаю,
А того, що ся именуетъ Сномъ Божимъ, барзо возненавидѣлемъ.

Я билемъ въ небѣ ангеломъ свѣтлымъ
И жилемъ на облацѣхъ и всему-м-ся приглядѣлъ:
Знаю, що ся дѣетъ и во едемскихъ палацахъ,
Али барзо дивуюся о тихъ речахъ.
И знову гди Богъ Адама созда, человѣка отъ земли,
И все животное що естъ на земли,
И въ рай его на востоцѣ посадилъ,
Аби имня Творца своего славилъ,—
А шумнія (?) тому позавидѣлъ,
Адама и Еву з розуму извѣлъ,
Иже Божую заповѣдь переступилъ
И на тое повѣлъ, гдѣ онъ согрѣшилъ:
Далъ ся намъ такъ...
Богъ ему грѣха того не хотѣлъ терпѣти,
Послалъ ангела и вигналъ его з роскоши.
И розумъ тотъ маетъ,
Але отъ того часу землею дѣлаетъ
И въ потѣ лица свой хлѣбъ снѣдаетъ.
Тую то оновѣсть
Во скончену свѣта навѣсть (?).
В той часъ возрадовал-емся и осмѣял-емся зъ него,
Же онъ тое одержалъ: барзо добре на него!
Скоро онъ тое отрималъ,
А я того давно ожидалъ.
Альбо тижъ и тое знаю,
Же Богъ девять хоровъ ангельскихъ маетъ,
Отъ которихъ на небѣ хвалу пріймаетъ.
А я тилько помисливъ ровнятися зъ нимъ,
И за тое струченъ есмь изъ неба,
Где мнѣ давно было потреба,
Такъ тижъ и Адамъ согрѣшилъ,
Же зъ древа заказаного овощу ûлъ,
Отъ которого ангелъ ему заповѣлъ,
(Аби) ани въ руки свои не бралъ!
Але то з моей причини,
Же от древа заповѣданого овощу ûли.
И ещемся о то старалъ,
Аби ся Адамъ изъ потомками своими мнѣ на вѣки записалъ.
А я то Адамовѣ сини родная повадилъ,

Же Каинъ Авеля брата своего изъ свѣта згладилъ.
И отъ того часу почалемъ (пекло) будовати
И душъ отъ всего свѣта забирати.
И все потомство его нѣкому не завадило,
Адама первозданна.... (д. б. пропускъ)
И зрадилъ такъ Адама,
Запровадилъ и Авраама,
Ісаака, Іакова и всѣхъ патриярховъ,
Тамъ мнѣ не било о нихъ иншихъ страховъ.
Царей незречонихъ и рицаровъ отъ вѣка
Назбиралемъ не мало ажъ до сего часу.
Пекло, моя слѣчная потѣха една
Грѣшниковъ ажъ (до) верху узкаго пожерла,
Рицаровъ можныхъ и Самсона барзо дужаго,
Царя Аликсандра всего свѣта явного,
И Давида царя, которого ялемся, повѣдаю.
Пророки всѣ, которіи васъ людий научаютъ,
А пана своего Ада и мене с пренемусу навѣжаютъ.
Которихъ маю въ хланахъ [1]) своихъ—
Повно завше есть ихъ!
Іоанко есть, а потому и самъ Христосъ у мене будетъ.

Адъ до Люципера:

Пани Люциперу, мой старосто,
Хочъ у мени и у теби слугъ есть тысящей сто,
Чомуся мои гадки барзо голову троскочутъ
И фрасунку несносного такъ мене здниймуютъ!
Але зажиймо зъ собою поради и слугъ зволаймо,
А того Христа запихаймо!
Идѣмо, аби тому Исусу дали побой,
Ми-же его не зачѣпаймо, абимъ из нимъ билъ у спокою.
Бо гдижъ имѣлемъ у себи Лазора читиродневнаго,
А гди его еднимъ словомъ (воскресилъ),
(Собѣ) за наемника обибралъ,
Гвалтомъ изъ руки ми вирвалъ,
(То и) барзо острое уружіе притупилъ,
Хочъ якъ ся изъ нимъ не билъ.

[1]) Вм. отхланяхъ.

И теперъ я тимъ клопочу голову свою:
Вою ся, жеби клопотъ (?) мнѣ в неволю с тобою.

Люциперъ до ада мовитъ:

Не тревожся цане мой и добродѣю!
Тилько ти у ме (не) першая надѣя.
Хоть онъ такъ барзо страшній Маріинъ Синъ,
Я еще о восько постараюся
И съ нимъ добре вибюся,
И буду шукати якои причини.
Ужемъ побудилъ на него жидовъ
И повели его до ратуша нинѣ,
Аби на него найшли фальшивую зраду.
И до того подповилемъ своего утѣшителя Июду.
Аби его видалъ до фальшивого суду.
Бо гдижъ чинился Синомъ Божимъ бити,
А теперъ при нему не видно и жадного Апостола,
А Марія боится за нимъ причипити.
А тихъ 12 Апостоловъ не тилько (не) боимося,
Але и не лякаймося!
Отъ заразъ будутъ на него жиди сторожу имѣти,
А басъ о помощъ барзо просити.
И попущаюся слугъ своихъ..... (д. б. что то пропущено)
О которыхъ маю приязною и прихильною.
И въ каждой годинѣ будемъ вѣдати,
Що той Ісусъ теперъ умѣетъ и що будетъ дѣяти.

Адъ до Люципера мовитъ:

Пане Люципере, старосто мой (и) добрий друже!
Прошу тя, мого господарства пильнуймося дуже!
Пильнуй добре! знаешъ, на що ся поднялъ,
Бо Іоанъ Предтеча слугъ нашихъ дуже полякалъ.
А того Христа не зачѣпаймо!
Отъ куду естъ, того добре не знаемо.
Бо мои жили почали дрожати—
Либой коло насъ не жарти!
И чемусь боюся, аби на мене не било якихъ страховъ,
Жебисьмо не утратили пекельнихъ нашихъ кгмаховъ.

Люциперъ до Ада мовитъ:

Пане мой Аде, чому-сь такъ барзо боязливий?
Не тревож же ся о моихъ слугъ милихъ,
Которихъ маю чужихъ,
Абимъ из ними та долгий (вѣкъ) прожилъ.
Але я, Аде, надѣю маю:
Душу Христову себѣ поймаю.
Пошлю заразъ съ воськомъ старшого своего воеводу Трубая,
И другую Венеру,
Тамъ нехай вбѣгаютъ подъ мѣсто Ерусалимъ,
Аби Христа пильно стерегли,
Щоби ангели душу до неба не донесли.

Люциперъ до слугъ своихъ мовитъ:

Гей панови воеводи, и ти пане Трубаю,
И ти Неро!—А то для того васъ волаю,
Жебисьмо зажили якои поради,
Щобы з Христовою душею ангели не учинили зради.
Щобисмося теперъ добре порадили,
А того Христа душу до неба не допустили.
Бо его конче жиди распяти маютъ,
О то ся пильно стараютъ.
И намъ о то ся пильно старати,
Аби его душу до себи поймати.
А гди бисмо его душу до себе поймали,
То бимъ билъ безпечний, не боялбимся на свѣтѣ нѣкого.
То конечне прутко тамъ бѣгайте,
А душу его пильно вистерѣгайте,
А менѣ о томъ хутко знати давайте,
Куда ся тотъ Ісусъ повернетъ. Треба намъ о томъ знати;
Вѣнъ то кажетъ, що то изъ нимъ жарти.

Люциперъ до Ада мовитъ:

Ужемъ, Аде, послалъ слугъ своихъ пилнихъ.
А гдѣ (Христа) будутъ мучити,
Тогда душу его до насъ провадити.
А ми сюда ангеловъ не допускаймо,

Щоби насъ не зрадили,
Щобъ душу его до неба не попровадили.
Послалемъ старшаго слугу своего Трубая и Венеру.
Не бойся, пане Аде, що-сь бо такъ барзо страшливый?
Ещемся въ господарствѣ нѣгдимъ не заспалемъ
И ввесь вѣкъ въ радость мою положилъ.
Не боймо ся Маріина Сина: Богъ бо естъ и человѣкъ,
Не вчинитъ намъ нѣчого во вѣкъ.
Я до конца бо... держитъ... (д. б. пропускъ)
И готовий естимъ до побоя,
А пекло—то моя столица,
Бо держитъ его моя правица.
Гди би онъ Божій Синъ, не терпѣлъ би муки,
Не видавал би онъ себе въ жидовскѣ руки.

Адъ до Люципера мовитъ:

Южъ я бачу (годину) страстную и моминтную,
Хочъ еще жадной новини не чую.
Животъ мой дрожитъ, очи мои бачутъ,
И животъ мой добре чуетъ, тилько не скажетъ:
Подобно Христосъ пришедшій всѣхъ насъ повяжетъ.

Люциперъ до Ада мовитъ:

Щожъ чинити? Ось бачу, они прорѣкаютъ,
Щосьмо прожили вѣкъ всѣ дни свои.

Адъ мовитъ до Люципера:

Оглядь но стражу и пекло,
Щоби жаднои душѣ не утекло!
И мѣдянѣ ворота зо всѣхъ сторонъ постави
И ланцухами моцними истягни
И твердими колодками замкни,
И тисяща тисящъ множество
Воська избра на него!
Знаю, же Христосъ приходити будетъ!

Люциперъ до Ада мовитъ:

Не ужасай ся, Аде, пане мой!
Будуся якъ мога изъ нимъ бити,
Покѣ кости едному на десять ся не роспадутъ,

И не дамъ до себи приступити.
Тилько пословъ очѣкую
И вѣсти первой ожидаю.

Іоанъ Крестителъ мовитъ до Ада:

Смутися, Аде, и ламентуй во вѣкъ,
Бо вже до насъ идетъ Богъ и человѣкъ.
Готовый еси пекла и вязня,
Котрие будутъ на твое время!
Всея полъ (?) и (съ) слугами твоими,
Котріе будутъ подъ ногами Божими.
Вставай Давиде, веселися и въ струни ударяй!
Ото певне будетъ до насъ! Пана и Творца своего прославляй!

Люциперъ до Іоана мовитъ:

Постой Іоане, еще ся с тимъ не вихваляй,
А того Ісуса не прославляй!
Бо ми его не любимо
И тимъ до пекла не дуже потребуемо.
А ти еще ся тому не дивуй, що насъ беретъ ужасъ:
И той твой Ісусъ будетъ у насъ,
Хто дужший будетъ, той виграетъ зъ насъ.
И ти ся не вифиглюешъ, хочъ би ся якъ фигловалъ!
Которому дорога готова...
Ти то завше, Іоане, покаяния проповѣдникъ
И того власний Ісусовъ подхлѣбникъ.
Ти естись ему щось за родина,
Що такъ твоя о немъ зъ нами перепона.
Для чогожъ ти вязнѣвъ моихъ потривоживъ
И вѣсть тую дармо розмноживъ?
Щоби у тебе Богъ бувъ, коли бы ти ся народивъ?
Щобись намъ тіи вѣсти не множилъ!
Чому иншѣ святіи сидятъ тихо?
Гдесь и тобѣ у насъ прийшло лихо!
Яко твой Ісусъ до Ада маетъ уступити
И всѣхъ вязнѣвъ моихъ висвободити,
Того ти нѣгди не доконаешъ,
Тилько о немъ тую славу дурно розмножаешъ.
А докиж ти, Іоане, будешъ практиковати,

А що разъ то больше о томъ Христѣ пророковати?
А що такъ богато пророкуешъ, братку,
Дайте ему смоли напитися и пикельного кваску!
А ходи но сюди, больше не проповѣдай,
Мнѣ страху и моимъ слугамъ не завдавай!
Бо и знаку его тутка не будетъ, не боемося,
И набоженства его не смотримо,
Знаю, же Богъ есть въ небѣ,
Которому ангели спѣваютъ: слава тебѣ!
Тутъ на земли Бога въ тѣлѣ не маешъ,
А о немъ пророкуешъ, а самъ его не знаешъ.
Богъ въ небѣ зъ апостолами пануетъ,
А моя слава во вѣкъ роскошуетъ.
И мене всѣ люди на язицѣ носятъ,
Лѣпше нежели Бога просятъ;
А я ведлугъ просьби ихъ готовъ тое чинити
И буду ихъ любити,
И ещи имъ за тое покажу и битую ласку
Не тисящу, бо якъ наготую смоли и пекелного кваску...
А ти вѣсти больше не повѣдай,
Товариству своему в смутку не допомагай!
Вижу, же то фѣглюешъ,
Разумѣю, же ти ся утечи готуешъ.
О, не вифиглюешся, пташку!
Рицаря ми того не боемося
И той рицаръ будетъ съ тобою,—
О тожъ бѣжитъ поселъ зъ новиною!

Генера прибыгаетъ и мовитъ:

Пане Аде и ти пане старосто нашъ!
Гди на свѣтѣ большого нема над тебе,
Посли мене воеводу Гинера и Трубая,
Нѣчого ся не лякай!
По що ти послалъ, ми все то поорудовали,
А Христа того въ ланцухи и въ стрички убрали.
Водятъ его жиди отъ ради до ради,
А нѣхто ему не даетъ поради.
И чулемъ отъ жидовъ: заразъ веденъ будетъ за мѣсто,
И знаю добре, иже готуютъ на него лобное мѣсце.

Той доказуетъ и другій наступаетъ:

О тожъ пане мой Аде!
Христа жиди теперъ на крестѣ распяли
И гвоздьми желѣзними пребили.
Южъ не будетъ живъ, то правда, конечне,
А ми будемъ жити безпечне.
Мене послали воеводу тое оповѣдати,
Аби тобѣ заразъ радость размножити.

Третій посолъ мовитъ до Люципера:

Отожъ пане нашъ Аде, южъ Христосъ умираетъ,
На крестѣ главу преклоняетъ.
Иже все тѣло его бичами избили
И копѣемъ бокъ его пробили,
Оцтомъ со желчѣю напоили
И приправми — присѣками его частовали.
И оставшися нашѣ тамъ воеводи,
Аби душу Христову принесли на нашѣ угли.

Люциперъ до Ада мовитъ:

Видишъ, Аде, такую маю новину!
Що то ся чрезъ мене стало Маріинову Сину.
Южъ жиди его на крестѣ распяли,
На смерь гане(б)ную...
И бокъ его копѣемъ пробили,
Во своя сѣти...

Адъ до Люципера мовитъ:

Моя рада такая
И голова старшая:
Душу Христову не берѣмо
Анѣ ей стережѣмо,
Щоби для едного
Не утратити много.
Нехай душа его идетъ до неба,
А намъ ей не потреба.
Бо всѣ пророки о томъ пророкуютъ,
Же маетъ прийти до насъ, запивняютъ,

Духа своего познаютъ.
Же такъ пророкуютъ: южъ намъ отъ него гинути
И пекло наше зовсѣмъ утратити.
Бо южъ блисько конець нашъ,
И старшеньство тутъ днесь, а завше ни машъ.

И такъ посель прибѣгаетъ и мовитъ:

О тожъ Христосъ запевне умеръ,
А я бачивъ ото недавно, теперъ!
Але гди душа его вийшла из тѣла,
Не одна тамъ плоть зомлѣла.
А ми всѣ ся били полякали
И далеко-сьмо отъ него повтикали.
Хтѣли-сьмо душу его поймати,
Але гдисьмо отскочили, страшно було и здалека стояти,
Не тилько приступити.
Агтельскія войска гди приступили,
А насъ до него не допустили.
Дрежала земля, ломалися оноки,
Билъ страхъ великий и естъ и доки.
Сонце и мѣсяць во кровъ премѣни
И мертвихъ отъ гробовъ воскреси.
Отъ страха великаго ажъ на землю падали
И чрезъ три години лежали,
Ажъ не хутко встали.
И такъ ми ся були страху набрали!
Утѣкали-сьмо оступомъ всѣ вразъ,
Взявши въ руки брань.
Правда, тяжко есть знати,
Але-смо чули отъ ангеловъ,
Же во третий день воскреснетъ и прийдетъ до насъ
И хочетъ забрати всѣхъ святихъ отъ насъ.

Воеводи южъ приходятъ, Генера и Трубай, и мовятъ:

Пане Аде и ти пане старосто Люципере нашъ,
Подобно Христосъ усѣхъ святихъ заберетъ отъ насъ.
Хотѣли-смо душу его къ себѣ поймати.
Але Божии сили не дали до ней приступити.

Охъ лихо наше!
Видѣли-смо Божии блискавици и громи незносніи!
Подобно правдивій есть Христосъ Богъ;
Нѣхто такихъ чудовъ кромѣ него чинити не могъ.
Уступили-смо ту до пекла поради зажити.
Южъ онъ ту будетъ запевне у насъ,
Почавше отъ Адама избереть усѣхъ отъ насъ.

Люциперъ мовитъ:

Ова! Якъ мога буду ся боронити, я могучи,
Бо не годит ми ся нс своего паньства утечи.
Если онъ Божій Синъ, нехай собѣ сидитъ на небѣ та пануетъ,
А нами и пекломъ нашимъ нехай не керуетъ,
И з нами нехай ся не воюетъ.
Бо гди билъ при мнѣ Давидъ,
Гди би ся ему кланялъ и дань давалъ,
Гди би ся ему поднялъ
Кроловати натрохи вѣку,
А теперъ щобимъ ся далъ едному человѣку!
Тутъ его буду чикати, Аде, на пляцу с тобою,
Гди ся человѣка жадного в кѣлѣ не бою.
И буду ся з нимъ межне воевати.
Бимъ мѣлъ що маю и тое продати.
Гей, добрѣ всѣ мои жовнѣри,
Берѣтся до него смѣле!
Ото страхъ прийшолъ, то ся не лякайте:
Ставте ся до него межне, з воськомъ поставайте!
А брами воротніи рихловъ замыкайте
И ворота пекельніи добре поогледайте,
И ланцухами долгими изволѣкайте
И колодками моцними и твердими замикайте!
Бо южъ запевне прийде,
Але хто буде дужшій, той межи нами виграе.
Нехай вамъ серце отъ страху не млѣетъ!
Тилько берѣте ся до него смѣле!
Бо знаю, южъ вамъ не новина воевати,
Не такихъ рицаровъ на пляцу имати.

И зъ нимъ (будемъ) воевати,
А всѣмъ кролювати!
Я настаравъ князей, пророкъ,
(Що) не втѣкаютъ з нашихъ рукъ.
Отвѣдайте, чилѣ естъ всѣ князѣ у пеклѣ?
Постойте, не тривожтеся!
А Христа того не бойтеся!
Тилько еще посла остатного из плацу ожидаю,
Бо его пристья не знаю.

Остатній посель прибѣгаетъ, мовитъ:

Пане Аде и ти пане Люцинеру старосто, ознаймую вамъ,
Иже идетъ то естъ (д. б. гость) неровній намъ—
Царъ грозный и ангеловъ множество...
И з нимъ идутъ всѣ сарафими
И его божественнѣ силы.
Противъ едного ангела не могли-сьмо нѣчого скургати[1])
А самаго Ісуса—его страшно слухати.
И то прибѣгли-сьмо напередъ дающи вамъ знати.
(Зобачили короґву Христову и полякалися).

Люцеперъ до своихъ слугъ мовитъ:

Отожъ идетъ къ намъ! Пильно стережѣте!
А въ рукахъ своихъ оружіе моцно держѣте!
А якъ до насъ прийде, моцно отповѣдайте,
Плечима дверѣ моцно подпирайте,
А якъ би ся домагалъ, ангеловъ забивайте!
Не фольгуйте ему, такъ тежъ нѣкому,
Нехай онъ не идетъ ко мнѣ (до моего дому!)
Чого по нему тутъ? Коли онъ Божій Сынъ, нехай собѣ на небѣ сидитъ!
Я не вѣдаю, для якой причини сюда идетъ.
Ни маетъ онъ до мени жадной справи,—
И не можу разумѣти, що то за царъ слави.

Святий Іоанъ до Люцинера мовитъ:

А, то ти отъ насъ царя слави не чувалъ
Изъ устъ моихъ, о которомъ (я) пророковалъ?

[1]) Изъ польскаго wskórać—получить, восторжествовать..

Не тилько я, али и всѣ пророки;
Не тилько (пророки), али и всѣ патриархи (о) тимъ предсказуютъ усѣ роки.

Люциперъ до Іоана мовитъ:

Знаю и Іоане, же то Богъ все тое справилъ,
Не той царъ слави,
О которомъ ти пророковалъ!
А я Бога сѣдящаго знаю,
А тутъ на земли о томъ не розумѣю:
Отколь би то онъ мѣлъ (ся) на земли взяти,
То не могу з розуму моего поняти.

Втеди Люциперъ до слугъ мовитъ:

Гей, панове молодцѣ! Нехай вамъ серце ся не лякаетъ,
(Же) отъ того Христа восько все повтѣкаетъ!
Потужне си ставте,
А зъ пляцу и жаденъ не утѣкайте!
Грозне ся до него ставте, а за дверѣ берѣте и голосно волайте,
Крикомъ страху ему завдавайте.
Бо якъ розумѣю: як жи гвалту не будети чинити,
То онъ не схочетъ з нами войни точити.
А если би кликавъ, вязний просилъ,
Не билбимъ ему и десяти боронилъ.
Радъ би я з нимъ поради зажити,
Але боюся иншого огни...[1])
Бо я анѣ письма не читалъ,
Анѣ отъ людий мудрихъ не чувалъ,
Що би (то) билъ за царъ слави?
То той не маетъ до насъ справи,
Же маетъ грозно до насъ прийти
И пекло наше розпошити.

Слуги мовятъ до Ада:

Отожъ пане нашъ Аде, що-смо видѣли уже виликія чуда.
Правда, исправилъ емъ худо барзо и нашъ Іюда.
Не тилько чинилъ чудо во Ерусалимѣ, але и всюда:

[1]) Здѣсь опять что то пропущено.

Мертвихъ воскресилъ, хорихъ уздоровлялъ,
А насъ словомъ своимъ далеко прогонялъ.

Потомъ самъ Христосъ приходитъ и мовитъ:

Отчинѣте князи врата ваша!
Входитъ во васъ царъ слави.

Люциперъ до Ісуса мовитъ:

Прошу тя Христе в добрий обичай:
Дай мнѣ покой и больше ми не докучай!
А що жъ то естъ за царъ слави?
Коли ти Богъ, прийми отъ апостоловъ хвалу
И отъ ангеловъ своихъ славу,
А насъ занихай,
И на ворота мои и на мени больше южъ не волай!

Потомъ Христосъ другий разъ рече и благословитъ коропвою:

Господь крѣпокъ силовъ брани!
Возьмѣтеся врата вѣчная, войдетъ во васъ царъ слави!

Люциперъ до Ісуса мовитъ (съ) крикомъ:

Повторне прошу тя Ісусе: пекло и мене не напастуй!
Бо невинно напастуешъ,
Нѣчого . . . . . .
Бо коли ти Богъ, такъ собѣ седи, въ раю пануй,
А я тебе тутъ не потребую.

(Третий разъ Христосъ благословитъ коропвою, и бисть такъ сокрушишася врата).

Христосъ мовитъ:

Ото входитъ во васъ царъ слави!
Господь силенъ, той естъ царъ слави.

(И перекрестивши на три части, в той часъ ворота и ланцухи сокрушишася и входитъ Христосъ въ пекло, освѣщаетъ своимъ промѣнемъ и освящаетъ всѣ мѣсця пекельнія и кропитъ водою и духомъ святимъ).

Адъ кричитъ:

Гвалтъ, панове! Врата ломятъ!
И водою якоюсь острою насъ кропятъ!

Люциперъ до Христа мовитъ:

Що ти ломишъ мои врата безпечне?
Гдесь вязний моихъ хочешь взяти конечне!
А для чого мя такъ, Сину Божій, гвалтуешъ
И вязневъ моихъ исъ собою приймуешъ?
Которихъ я билъ собѣ отъ вѣка назбиралъ,—
А теперъ пекло збурилъ и столицу сплюндровалъ,
А мене Ада вѣчными узами звязалъ!
Щожъ я теперъ чинити маю!
Южъ вязневъ моихъ покралъ—запевне знаю,
Вѣчніи паляци мои поисовалъ
И все мое пекло сплюндровалъ
И насъ подъ ноги свои бралъ и потоптовалъ
И слуги мои миліи всигди порозганялъ,
Адама и Еву и всѣхъ святихъ съ собою забралъ!
Тилько зъ едного страху ледви сижу,
А по старому передъ собою едного праведника вижу.
Питаю ся я тебе, Соломоне, чему ти ся тутъ зосталъ?
Подобно мнѣ тебе Христосъ даровалъ.

Соломонъ до Люципера мовитъ:

Южъ повторне Христосъ по мене прийде.
Страшний билъ его первий приходъ,—
Еще другуй страшнійший буде.

Люциперъ мовитъ до слугъ своихъ:

Слуги мои, узмѣте,
Царя Соломона изъ пекла випровадѣте!
Не жалую его
Анѣ Христа того,—
Нехай сюда больше не приходитъ,
Пекломъ нашимъ и нами не тривожитъ.

(В той часъ бѣси взяли Соломона и випровадили изъ пекла, и мовятъ такъ бѣси на Христа и на Соломона)

Бѣси мовятъ:

Идижъ, иди за своемъ Христомъ, а тутъ не бувай
И пекломъ нашимъ и нами больше не полагай!
(Соломонъ скачучи почавъ спѣвати,
Люциперъ изъ Адомъ плакати и ридаши)

Христосъ до него рече:

Не ридай мене Аде. . . . . .
Наполню пива. . . . . .
. . . . . .

480. Во остатний день будешъ имѣти яко-сь мѣлъ.

Соломонъ:

(почалъ Бога во Тройци вихваляти и пречистую Богородицу)
Приблагословенная еси Богородице Дѣво,
Воплоти бо ся ис тебе (божое слово)!
Адъ плѣненъ бысть, Адамъ призвася,
Клятва потреби ся,
485. Ева свободися,
Смерть умертви ся,
А ми ожихомъ!
Тѣмъ поюще возопѣемъ:
Благословенъ Христосъ Богъ нашъ изволивый таковая!
490. Слава тебѣ!

Конецъ исторіи.

Подробное сравненіе вирши съ драмой очень поучительно, ибо оно наглядным образомъ иллюстрируетъ процессъ перехода духовной драмы въ виршу, а съ другой стороны можетъ, при неисправности текста драмы дать намъ нѣкоторыя указанія для возстановленія ея первобытнаго цѣлаго. Но прежде всего умѣстенъ вопросъ: дѣйствительно ли Изюмская вирша произошла отъ драмы, похожей на ту, которой текстъ напечатанъ выше, а не наоборотъ?

Въ томъ, что первообразъ или скорѣе источникъ Изюмской вирши былъ драмой, нельзя и сомнѣваться. Другое дѣло—была ли это именно та драма, которой списокъ сохранился въ тетрадкѣ Ф. Кышко на галицко-русскомъ Подгорьѣ? Есть моменты, допускающіе какъ утвердительный, такъ и отрицательный отвѣтъ на этотъ вопросъ, и мы постараемся тщательно проанализировать тѣ и другіе. Въ пользу предположенія, что Изюмская вирша произошла изъ драмы, если и не вполнѣ

идентичной съ напечатаннымъ выше текстомъ, то очень къ нему близкой, или точнѣе сказать, болѣе полной, говоритъ, во первыхъ, близкое сходство или даже полное совпаденіе многихъ стиховъ вирши и драмы [1]), во вторыхъ сходство характерныхъ и не очень обыкновенныхъ названій демоновъ „Бынарей и Трубарей", изъ коихъ особенно первое только послѣ сопоставленія съ драмой становится понятнымъ: въ драмѣ демонъ этотъ называется Венера или Генера (это можетъ быть описка полуграмотнаго копіиста), или сокращено Нера, хотя для самаго составителя драмы демонъ этотъ мужскаго рода. Составитель вирши еще менѣе зналъ классическую миѳологію и *этого* Венеру передѣлалъ на Бынарей въ множ. числѣ, послѣ чего и Трубаю пришлось разложиться на множество Трубарей. Оставляя въ сторонѣ такія шаткія доказательства, какъ языкъ и размѣръ стиха, мы укажемъ еще на одно сходство, по нашему мнѣнію, очень знаменательное—это эпизодъ съ Соломономъ общій, какъ виршѣ, такъ и драмѣ, и не принадлежащій къ общимъ мѣстамъ религіозно-драматической литературы и даже не встрѣчающійся въ той формѣ нигдѣ болѣе въ извѣстныхъ намъ текстахъ религіозныхъ драмъ; ниже мы отмѣтимъ его существованіе, но съ другими дѣйствующими лицами.

Разсмотримъ теперь соображенія, говорящія противъ преемственной связи вирши съ драмой. Самымъ вѣскимъ доказательствомъ въ этомъ отношеніи можно считать содержаніе одной и другой. Сравнивая содержаніе вирши съ содержаніемъ драмы, мы съ перваго взгляда склонны заклю-

---

[1]) Вирша ст. 18— 19 сравни Драма ст. 160 и 165.
„ „ 28— 29 „ „ „ 377—378.
„ „ 30— 31 „ „ „ 312—313.
„ „ 32— 33 „ „ „ 309—310, 381—382.
„ „ 46— 47 „ „ „ 361—362.
„ „ 48— 50 „ „ „ 142—144.
„ „ 52— 53 „ „ „ 146—147.
„ „ 54— 55 „ „ „ 294—295.
„ „ 60— 64 „ „ „ 175—176.
„ „ 103—104 „ „ „ 465—466.
„ „ 105—108 „ „ „ 467—469.

чить, что имѣемъ дѣло съ двумя различными композиціями, имѣющими, конечно, общую тему и принадлежащими одной и той же литературной школѣ, но совершенно различными по исполненію въ подробностяхъ. Эпизоды, имѣющіеся въ виршѣ, отсутствуютъ въ драмѣ и наоборотъ; дѣйствующія лица въ драмѣ не совсѣмъ тѣ, какія дѣйствуютъ въ виршѣ. Насколько подобный взглядъ согласенъ съ фактическими данными, какія мы можемъ добыть при изученіи вирши и драмы, это покажетъ болѣе подробный анализъ и сравненіе ихъ содержанія. Исходной точкой при этомъ мы беремъ виршу, такъ какъ текстъ ея во всякомъ случаѣ не столь сомнительный и испорченный, какъ текстъ драмы.

Содержаніе Изюмской вирши въ той формѣ, какъ мы напечатали ее выше, состоитъ изъ восьми эпизодовъ и заключительнаго двустишія—обычнаго поздравленія съ праздникомъ, свидѣтельствующаго о томъ, что вирша производилась юношами, можетъ быть школьниками, ходящими отъ двора во дворъ и получающими за это угощеніе или какую нибудь подачку. Нѣтъ сомнѣнія, что именно для этой цѣли она и была составлена, и нѣтъ ничего неправдоподобнаго въ предположеніи, что авторъ для составленія вирши воспользовался извѣстной его публикѣ религіозной драмой, сокращая и передѣлывая ее сообразно съ своими цѣлями. Но такъ ли это было въ дѣйствительности, мы увидимъ изъ дальнѣйшаго изложенія.

Эпизодъ 1. Разсказъ объ Іудѣ и разговоръ съ нимъ Луцыпера (ст. 1—20). Здѣсь нужно различать три отрывка, а именно: 1) эпическій разсказъ о смерти Іуды (ст. 1—6)—очевидная литературная собственность составителя вирши; въ драмѣ по всей вѣроятности смерти Іуды изображено не было, но дѣйствіе начиналось прямо въ аду сценой входа души Іуды и привѣтной рѣчью Луцыпера. 2) Рѣчь Луцыпера къ Іудѣ, особенно ст. 7—15, должна быть прямо заимствована изъ драмы. Но исчерпывался ли этой рѣчью весь эпизодъ съ Іудой? Вѣроятно—нѣтъ; Іуда долженъ былъ также говорить что нибудь, а начальныя слова рѣчи Луцыпера *„Обытай же Іудо“* указываютъ на то, что имъ предшествовалъ цѣлый діалогъ, и эта рѣчь

была его заключеніемъ. Этого эпизода въ нашей драмѣ нѣтъ, кромѣ небольшого упоминанія объ Іудѣ (ст. 108—109). Но намъ кажется очень возможнымъ допустить, что въ полномъ, первоначальномъ текстѣ драмы эпизодъ этотъ былъ; въ этомъ утверждаетъ насъ то обстоятельство, что текстъ нашей драмы очевидно не имѣетъ начала, такъ какъ первый ея стихъ начинается съ „але", значитъ, есть отвѣтъ на какія то прежде высказанныя, но въ рукописи утраченныя положенія. 3) Вторая часть рѣчи Луцыпера въ виршѣ (ст. 16—21) по всей вѣроятности вставлена туда авторомъ вирши изъ какой нибудь другой рѣчи Луцыпера, обращенной не къ Іудѣ. Въ этомъ предположеніи укрѣпляетъ насъ то обстоятельство, что два стиха этой рѣчи (ст. 18 и 10) довольно близко воспроизводятъ ст. 160 и 165 драмы, гдѣ имѣется рѣчь Луцыпера къ Аду.

Эпизодъ 2. Возвращеніе Бынарей и Трубарей и ихъ рѣчь къ Луцыперу и всѣмъ демонамъ (ст. 22—33) есть только блѣдная и слабая передѣлка того же эпизода, съ сценической живостью изображеннаго въ драмѣ (ст. 257—428) и составляющаго ея драматическую pièce de resistance. Хотя въ виршѣ этотъ эпизодъ переданъ всего 12 стихами, изъ коихъ 4 эпическіе, значитъ, опять таки прямая собственность составителя вирши, но изъ прочихъ восьми стиховъ четыре (30—33) почти буквально взяты изъ разныхъ мѣстъ нашей драмы (сравни ст. 309—310, 312—313, 381—382). Въ виду этого, связь этого эпизода вирши съ соотвѣтственнымъ эпизодомъ драмы становится несомнѣнной. А въ такомъ случаѣ интересно прослѣдить, какъ обращался авторъ съ текстомъ драмы, передѣлывая его въ виршу. Какъ видимъ, въ драмѣ эпизодъ этотъ обнимаетъ 171 стихъ, коимъ въ виршѣ соотвѣтствуетъ 12. Въ драмѣ дѣло развивается такимъ образомъ: Венера входитъ и разсказываетъ, что Христа присудили къ смертной казни; второй демонъ разсказываетъ, что Христа распяли на крестѣ; третій возвѣщаетъ, что Христосъ умеръ. Люцыперъ торжествуетъ, но Адъ высказываетъ свои опасенія. Тогда входитъ новый демонъ, котораго рѣчь болѣе-менѣе соотвѣтствуетъ рѣчи Бынарей и Трубарей вирши, съ изъятіемъ ст. 26—27, которымъ соотвѣтствуютъ дальнѣйшія

распоряженія Люцыпера (ст. 357 — 360). Затѣмъ приходятъ прочіе демоны (въ нашемъ текстѣ, должно быть по опискѣ копіиста, Генера приходитъ второй разъ) и подтверждаютъ, что Христосъ въ самомъ непродолжительномъ времени явится въ аду. Люциперъ храбрится и дѣлаетъ распоряженія къ защитѣ. Еще одинъ демонъ прибѣгаетъ, который опять повторяетъ то, что воспроизведено и въ виршѣ. Люцыперъ еще разъ напоминаетъ своимъ слугамъ, чтобы защищались храбро, ибо онъ не понимаетъ, какой это „царь славы“ идетъ на нихъ. Св. Іоаннъ Креститель напоминаетъ Люцыперу о пророчествахъ на счетъ „царя славы“, но Люцыперъ упорно отказывается понимать это и еще разъ побуждаетъ своихъ слугъ къ стойкости, хотя у самого храбрость замѣтно падаетъ, и онъ оказывается склоннымъ даже къ нѣкоторымъ уступкамъ въ пользу невѣдомаго „царя славы“. Еще болѣе паденіе духа видно изъ отвѣта демоновъ на эту рѣчь Люцыпера; и въ этотъ моментъ у воротъ ада является Христосъ. Какъ видимъ, содержаніе этого эпизода въ драмѣ богатое и расположенное, пожалуй, не безъ драматическаго таланта, между тѣмъ какъ вирша не даетъ содержанія всего эпизода, но только выхватываетъ одинъ моментъ и на немъ сосредоточиваетъ все вниманіе слушателя, не утомляя его пересказомъ сложныхъ картинъ и контрастовъ, составляющихъ главный интересъ драмы, но неудобныхъ въ эпическомъ изложеніи, а особенно въ виршѣ, которая должна дѣйствовать несложными, но прямыми и выпукло проведенными штрихами.

Эпизодъ 3. Приближеніе Христа къ аду и пѣснь ангеловъ (ст. 34—41). Въ нашей драмѣ пѣснь эта, собственно двустишіе

Отчинѣте князи, врата ваша,
Входитъ во васъ царь славы

вложено въ уста самому Христу, но обыкновенно, какъ увидимъ ниже, въ пасхальной драмѣ слова эти поютъ ангелы такъ же, какъ и въ виршѣ. Быть можетъ, что такъ было и въ той редакціи драмы, по которой составлена вирша, но можно допустить и то, что авторъ обращался съ драмой довольно свободно и передѣлывалъ ее сообразно съ планомъ совершенно отличнымъ отъ того, какимъ руководствовался составитель драмы. Въ

этой догадкѣ укрѣпляетъ насъ особенно разсмотрѣніе слѣдующихъ эпизодовъ вирши.

Эпизодъ 4. Отвѣтъ Люцыпера на вызовъ ангеловъ, его обращеніе къ демонамъ и отвѣтъ этихъ послѣднихъ (ст. 42—64). Этотъ эпизодъ, какъ нельзя лучше иллюстрируетъ „творческій" методъ составителя вирши. Въ нашей драмѣ, какъ видимъ, на мѣстѣ, соотвѣтствующемъ мѣсту этого эпизода вирши, нѣтъ ничего аналогичнаго. Но тѣмъ не менѣе было бы натяжкой утверждать, что въ драмѣ вовсе нѣтъ ничего соотвѣтственнаго этимъ строкамъ вирши. Напротивъ, мы видимъ изъ 21 стиха, составляющаго этотъ эпизодъ вирши, цѣлыхъ 11 болѣе или менѣе дословно повторяющихся въ текстѣ нашей драмы. Составитель вирши подобралъ ихъ какъ то случайно, и поэтому эпизодъ этотъ страдаетъ нѣкоторой противорѣчивостью и несообразностью. Первая его часть (ст. 42—47)—отвѣтъ Люцыпера на ангельскую пѣснь, выставляетъ этого послѣдняго еще гордымъ и самоувѣреннымъ; здѣсь воспроизведены между прочимъ слова Люцыпера изъ болѣе ранняго эпизода драмы (ст. 362), гдѣ князь демоновъ побуждаетъ своихъ слугъ къ борьбѣ съ Христомъ. Но ежели эти слова въ этомъ мѣстѣ вирши еще можно понять, то уже совсѣмъ нельзя назвать умѣстными дальнѣйшихъ его словъ, обращенныхъ къ демонамъ (ст. 48—53), гдѣ Люцыперъ призываетъ своихъ слугъ совѣщаться, какъ бы имъ душу Христову удержать въ аду. Въ драмѣ это совѣщаніе есть, но въ самомъ почти началѣ; составитель вирши заимствовалъ оттуда почти всѣ свои стихи (Вирша ст. 48—50=Др. 142—144; Вир. 52—53=Др. 146—147). Отвѣтъ демоновъ на призывъ Люцыпера тоже почти цѣликомъ взятъ изъ роли Люцыпера и Ада въ нашей драмѣ (Вир. 54—55=Др. 294—295, Вир. 56—57 сравн. Др. 225—226 и 326—327). Въ концѣ отвѣтъ Луцыпера демонамъ взятъ опять таки изъ болѣе ранняго эпизода драмы (Вир. 60—64 сравни Др. 175—176). Такимъ образомъ, этотъ эпизодъ вирши, повидимому столь живой и драматичный, оказывается въ сущности механическимъ конгломератомъ отрывковъ драмы, взятыхъ изъ разныхъ ея мѣстъ, пропущенныхъ составителемъ

вирши ранѣе и почему то вставленныхъ какъ разъ сюда, можетъ быть съ цѣлью достигнуть нѣкотораго замедленія въ разсказѣ.

Эпизодъ 5. Вступленіе Христа въ адъ и вопль Люцыпера (ст. 65—78). Этотъ эпизодъ для насъ очень интересный, какъ одно изъ лучшихъ доказательствъ, что вирша произошла изъ драмы довольно близкой къ нашему тексту. Въ ст. 65—66 мы видимъ прямое отраженіе замѣтки въ драмѣ, что „Христосъ входитъ въ пекло и освѣщаетъ своимъ промѣнемъ", изъ чего составитель вирши сдѣлалъ двустишіе:

Между тымъ Христосъ и къ пеклу прыблыжыся,
То мрачное пекло свитомъ просвитыся.

Вопль Люцыпера напоминаетъ вопль Ада въ драмѣ (ст. 447—448), да и дальнѣйшія его слова имѣютъ въ драмѣ свои параллели (Вирша ст. 73 сравни Др. ст. 95—96, вирша ст. 77 сравни Др. ст. 348, 350). Интересно здѣсь упоминаніе объ Іоаннѣ Крестителѣ, котораго Люцыперъ называетъ Иваномъ Косматымъ, совершенно подъ стать тому эпизоду, который отведенъ Іоанну Крестителю въ драмѣ (ст. 198—255). Что характернаго прозванія „Иванъ Косматый" нѣтъ въ драмѣ—это ничего не доказываетъ; оно могло быть, но можетъ составлять собственность вирши, которая вообще любитъ употреблять пластичные эпитеты.

Эпизодъ 6. Христосъ разрушаетъ адъ, разговариваетъ съ Адамомъ и уводитъ спасенныя души съ собою (ст. 79—94). Первообразъ этого эпизода только отчасти сохранился въ драмѣ, которой текстъ здѣсь очень испорченъ и кромѣ того имѣетъ, кажется, между ст. 452 и 453 большой пробѣлъ; на это наводитъ насъ то обстоятельство, что въ ст. 452 говорящій персонажъ—Люцыперъ, между тѣмъ какъ въ слѣдующихъ стихахъ промовляетъ несомнѣнно Адъ („А мене, Ада" и т. д.) Всматриваясь въ содержаніе всей тирады (ст. 449—466), вложенной въ уста Люцыпера, мы тоже замѣчаемъ въ ней пробѣлъ: начальные четыре стиха обращены къ Христу, находящемуся въ аду, прочіе же—очевидно отрывокъ сѣтованій Ада послѣ ухода Христа изъ ада вмѣстѣ съ праведными душами, изъ коихъ въ

аду остался одинъ только Соломонъ. Вирша даетъ намъ возможность хоть приблизительно восполнить этотъ пробѣлъ, и на ея основаніи мы можемъ утверждать, что въ нашемъ текстѣ драмы утрачены: отвѣтъ Христа на вопросы Люцыпера, заключающіеся въ ст. 449—452, разговоръ Христа съ Адамомъ и Евой и въ концѣ его указаніе—оставить въ аду Соломона, который и самъ придумаетъ средство, какъ выбраться изъ ада.

Эпизодъ 7. Послѣ отшествія Христа съ праведниками Луцыперъ медленно приходитъ въ себя и, узрѣвъ Соломона, оставшагося въ аду, радуется, что хотя всѣ ушли, но самый умный человѣкъ остался таки у него (ст. 95—104). Въ драмѣ этому эпизоду соотвѣтствуетъ отрывокъ „хлыпкой" рѣчи Ада (ст. 453—466), которой начало утрачено. Обращеніе Ада къ Соломону въ виршѣ и драмѣ почти слово въ слово сходно (вирша ст. 103—104 сравни Др. ст. 465—466).

Эпизодъ 8. Соломонъ отвѣчаетъ, что ради него Христосъ еще разъ придетъ въ адъ; это наполняетъ Люцыпера такимъ ужасомъ, что онъ велитъ вытолкать его въ шею изъ ада (ст. 105—114). И этотъ эпизодъ воспроизводитъ драму довольно близко: рѣчь Соломона для выразительности нѣсколько распространена, между тѣмъ какъ приказъ Люцыпера въ виршѣ болѣе бруталенъ и грубъ, чѣмъ въ драмѣ, гдѣ Соломона только выпроваживаютъ изъ ада, но не выталкиваютъ въ шею. Оканчивается вирша, какъ уже было сказано, обычнымъ поздравленіемъ, драма же передаетъ еще слова Христа къ Аду, очевидно произносимыя изъ-за сцены и обѣщающія ему новыхъ плѣнниковъ, послѣ чего оканчивается торжественнымъ пѣніемъ Соломона.

Подробный анализъ содержанія вирши и сравненіе его съ содержаніемъ драмы показываетъ, что вирша въ общихъ чертахъ довольно вѣрно воспроизводитъ содержаніе драмы, иногда даже заимствуя изъ нея цѣлые стихи и двустишія; правда, въ одномъ или двухъ случаяхъ эта послѣдовательность теряется, и составитель вирши въ болѣе поздній моментъ дѣйствія вставляетъ эпизоды, которые въ драмѣ занимаютъ болѣе раннее мѣсто. Это обстоятельство, конечно, говоритъ тоже въ пользу совер-

шенной зависимости текста вирши отъ текста драмы. Далѣе сравненіе содержанія вирши съ содержаніемъ драмы дало намъ возможность открыть и по крайней мѣрѣ гадательно выполнить два важные пробѣла въ текстѣ нашей драмы: одинъ въ началѣ (эпизодъ съ Іудой), а одинъ при концѣ (разговоръ Христа съ Адамомъ, и можетъ быть и съ другими праведниками въ аду).

Но въ текстѣ нашей драмы есть и такіе эпизоды, которые не воспроизведены въ виршѣ. Это, во первыхъ, длинный разговоръ Люцыпера съ Адомъ въ началѣ нашего текста драмы, гдѣ Люцыперъ разсказываетъ о своихъ подвигахъ отъ созданія міра и строитъ планы на счетъ захвата души Христовой, Адъ же, являющійся лицомъ болѣе авторитетнымъ и разсудительнымъ, высказываетъ свои опасенія на счетъ Христа и совѣтуетъ оставить его въ покоѣ. Мы въ дальнѣйшемъ изложеніи коснемся еще этой не совсѣмъ обыкновенной персонификаціи— Ада, здѣсь же должны замѣтить, что можетъ быть именно эта необычность представленія Ада, какъ живого *лица*, а не какъ *мѣста* казней, и была причиной, почему составитель вирши пропустилъ этотъ эпизодъ. Авторъ драмы могъ рискнуть такой вещью, такъ какъ сценическое искусство давало ему возможность представить ее пластично глазамъ зрителей, но авторъ вирши, обращающійся только къ слуху безъ помощи зрѣнія, долженъ былъ вращаться въ кругу привычныхъ публикѣ понятій, иначе онъ рисковалъ быть темнымъ и непонятнымъ.

Второй эпизодъ драмы, пропущенный составителемъ вирши— это сцена между Люцыперомъ и Іоанномъ Крестителемъ. Сцена эта, особенно же рѣчь Люцыпера, обращенная къ Іоанну, выдержана въ тонѣ бурлеска и должна была быть очень по вкусу составителя вирши, а между тѣмъ онъ совершенно оставилъ ее безъ вниманія и едва вскользь упомянулъ объ Иванѣ Косматомъ, да и то въ связи съ совершенно другимъ кругомъ представленій. Можно предположить, что составитель вирши имѣлъ подъ рукою текстъ нашей драмы, не заключающій этого эпизода, а можетъ быть, что текстъ вирши въ этомъ мѣстѣ неполный. Во всякомъ случаѣ, и эта несхожесть вирши съ драмой не мо-

жетъ служить доказательствомъ противъ зависимости Изюмской вирши отъ Пасхальной драмы, въ общемъ планѣ тождественной съ той, коей неисправный и неполный текстъ дошелъ до насъ въ спискѣ Ф. Кышко.

Установленіе этой тѣсной связи Изюмской вирши съ драмой даетъ намъ *очень важный историко-литературный фактъ*. Во первыхъ, оно бросаетъ яркій свѣтъ на темную до сихъ поръ и мало изслѣдованную исторію такого характернаго для южнорусской литературы жанра, какъ духовная вирша, и позволяетъ, такъ сказать, подмѣтить самый процессъ составленія вирши, оцѣнивать и взвѣшивать тѣ или другія побужденія и соображенія ея составителя, а во вторыхъ, документы, введенные нами въ дѣло при этомъ изученіи, отысканы на огромномъ разстояніи другъ отъ друга, одинъ въ Лѣвобережной Украинѣ, второй въ Галицкомъ Подгорьѣ, въ уголкѣ, который, начиная со временъ Владиміра Великаго вплоть до настоящаго дня, жилъ отдѣльной отъ Лѣвобережной Украины политической жизнью, входилъ и входитъ въ составъ совершенно отличныхъ и во многомъ рѣзко отъ прочей Южной Руси обособленныхъ политическихъ организмовъ. Тѣсная, преемственная связь Изюмской вирши съ Пасхальной драмой указываетъ на то, что, не смотря на политическую разрозненность, среди малорусскаго народа живы до сихъ поръ и однородны на всемъ пространствѣ его разселенія не только тѣ древнія преданія, пѣсни, вѣрованія и обычаи, которые обыкновенно составляютъ область этнографіи, но живы также тѣ литературныя, книжныя традиціи, которыя начали было вырабатываться въ концѣ XVI и въ XVII вѣкахъ, но которымъ по разнымъ историческимъ обстоятельствамъ не было суждено развиться болѣе полнымъ образомъ и сдѣлаться рычагомъ болѣе мощной, общенародной культуры. Не смотря на всю свою скудость и бѣдность, эти начатки новой культурной работы находили благодарную почву среди южнорусскаго народа, проникали въ массу, особенно городскую, болѣе грамотную, и дѣлались ей дороги. И какъ чешскіе Гуситы, послѣ побѣды реакціи, послѣ ухода изъ родины на изгнаніе, утѣшались тѣмъ, что, помимо потери всего имущества, всего, что имъ было

мило и дорого въ родной странѣ, имъ удалось спасти, какъ самую большую драгоцѣнность—„Кралицкую Библію“ и „Лабиринтъ міра“, такъ и Южноруссы, принужденные во второй половинѣ XVII в. бросать едва развившіеся центры умственной и культурной жизни на Волыни, Подольѣ и Правобережной Украинѣ и искать убѣжища въ непроглядныхъ степяхъ Слободщины, не забывали захватывать съ собою книгъ и даже рукописныхъ произведеній новаго въ Южной Руси драматическаго искусства, какъ залога дальнѣйшаго развитія на болѣе широкомъ, но все же цѣльномъ и однородномъ базисѣ. Намъ кажется, что именно такою была судьба нашей Пасхальной драмы. Составленная въ первой половинѣ XVII в. на правомъ берегу Днѣпра, она быстро сдѣлалась популярной и распространялась не только съ подмостковъ, сооружавшихся по городамъ въ Страстный Пятокъ, или въ самой церкви, или внутри церковной ограды для представленія страданій, смерти и воскресенія Спасителя, но и въ рукописяхъ, какъ назидательное чтеніе. И когда религіозная драма пришла въ упадокъ, она въ Лѣвобережной Украинѣ сократилась въ виршу и въ этой новой формѣ живетъ до сихъ поръ въ памяти народной, между тѣмъ какъ въ своей первобытной родинѣ она подвергалась совершенному забытью и только случайно уцѣлѣла въ записной тетрадкѣ полуграмотнаго крестьянина.

Миронъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Документы, извѣстія и замѣтки.

Заказъ Московскаго правительства Кіево-печерской типографіи въ 1669 году. Въ началѣ 1669 г. Лазарь Барановичъ, архіепископъ Черниговскій, прислалъ въ Москву игумена Максаковскаго монастыря Іеремію Ширкевича съ челобитною [1]) о томъ, чтобы новое сочиненіе Барановича «Трубы словесъ проповѣдныхъ» было напечатано въ Московской типографіи. Такъ какъ архіепископъ Черниговскій старался увѣрить, что волненіе, вызванное въ Малороссіи бунтомъ Брюховецкаго, улеглось главнымъ образомъ благодаря его, архіепископа, усиліямъ [2]), то Московское правительство не сочло возможнымъ отказать Барановичу, но просьба его долго не приводилась въ исполненіе. Сначала въ Москвѣ объяснили «молчаніе» въ печатаніи «Трубъ» недостаткомъ бумаги [3]); а послѣ отговаривались тѣмъ, что Московская типографія завалена работою и пока не можетъ взять на себя печатаніе «Трубъ». Такъ писалъ Лазарю Барановичу патріархъ Іоасафъ [4]). Было ли это дѣйствительно причиною замедленія или же въ Москвѣ спохватились и рѣшили, что критика Симеона Полоцкаго, разсматривавшаго «Трубы», пристрастна и недостаточна строга, опредѣлить трудно, но что Московская типографія была въ 1669 г. завалена дѣломъ—это несомнѣнно. За время съ 1668 года по 1669 годъ,

[1]) Списокъ съ этой челобитной сохранился въ Московск. Синодальн. библіотекѣ между бумагами Симеона Полоцкаго (Слав. рукоп. № 130, л. 156—157) и напечатанъ въ Русск. Архивѣ за 1875 г. (III, стр. 309). О времени написанія этой челобитной см. мое изслѣдованіе: „О сношеніяхъ Малоросс. духовенства", въ Чтен. Московс. Общ. Ист. и Древн. за 1894 г. кн. стр. 541.

[2]) Ibid. стр. 540.

[3]) Москов. Главн. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ, Дѣла Малоросс. 1670 г. № 33, Москов. Арх. Мин. Юст. Кн. Малоросс. Прик. № 5., л. 742—744.

[4]) Москов. Синод. Библ. Слав. Рукоп. № 130, л. 61 об—62.

можно судить по записнымъ книгамъ печатнаго двора [1]), въ Московской типографіи напечатаны были слѣдующія изданія: Тріодь Цвѣтная, Часословъ, Псалтыри со слѣдованіемъ, Учебная Псалтырь, Служебники, Книга вечеренъ, азбуки, азбуки учебныя, азбуки съ орацыи, чиновникъ ко освященію церкви, грамоты разрѣшальныя для патріарха александрійскаго Паисія, грамоты поповскія для патріарха Іоасафа.

Если принять во вниманіе, что въ Московской типографіи было всего 12 станковъ [2]) и что такія книги, какъ Тріодь Цвѣтная, печатались въ продолженіе 7-ми съ лишнимъ мѣсяцевъ на четырехъ станкахъ, а Псалтырь съ возслѣдованіемъ болѣе года [3]), то ясно будетъ, что типографія, дѣйствительно, была завалена работою. Вѣроятно, по этой причинѣ архимандриту Саввина Сторожевскаго монастыря Варнавѣ, который по указу великаго государя провожалъ изъ Москвы до Кіева алекс. патріарха Паисія, поручено было переговорить съ архимандритомъ Кіево-печерской лавры Иннокентіемъ Гизелемъ о томъ, чтобы въ печерской типографіи печатались книги для московскаго правительства [4]). По составленному въ Москвѣ проекту, на печатаніе книгъ предполагалось уплатить печерскому монастырю весьма значительную для того времени сумму въ 1000 рублей [5]), причемъ бумагу предполагалось доставлять изъ Москвы.

На первый разъ предложено было печерской типографіи напечатать новое изданіе книги «Бесѣды на Дѣянія Апостольскія»; это изданіе должно было быть перепечатано дословно съ прежняго Московскаго изданія той же книги. При свиданіи съ Варнавою въ Кіевѣ, Гизель, какъ кажется, не особенно охотно соглашался на то, чтобы его типографіи поручено было печатаніе новаго изданія «Бесѣдъ» для Москвы, а объявилъ Саввинскому архимандриту, что въ книжномъ складѣ кіево-печерской типографіи имѣется много экземпляровъ ранѣе напечатанныхъ «Бесѣдъ», которые онъ продалъ бы въ

---

[1]) Арх. Москов. Синод. типогр., книга печатн. двора № 72 безъ пагинаціи 66 л. 24.

[2]) Ibid., № 59, л. 705.

[3]) Ibid. № 72 подъ 1669—1670 г. (пагинаціи нѣтъ).

[4]) Акты Южн. и Зап. Россіи, т. IX, № 21, ст. 83.

[5]) Москов. Главн. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, Дѣла Малоросс. 1669 г. № 16: „177 году августа въ 12 день великій государь указалъ въ Приказъ своихъ великаго государя тайныхъ дѣлъ взять изъ Приказу Малыя Россіи тысячю рублевъ, которые посланы были въ Кіевъ въ Печерскій монастырь на книги".

Москву дешевою цѣною, а именно по два рубля за экземпляръ безъ переплета. Одинъ экземпляръ печерскаго изданія «Бесѣдъ» Гизель далъ «на указъ» (для образца) Варнавѣ, который обѣщалъ архимандриту печерскому устроить для него это дѣло въ Москвѣ, бумага же, предназначавшаяся на печаніе «Бѣсѣдъ» въ печерской типографіи была «возвращена» въ Москву [1]).

Когда Варнава, возвратясь въ столицу, доложилъ объ исходѣ переговоровъ съ Гизелемъ, то правительство московское, повидимому, оставило на время мысль о печатаніи «Бесѣдъ» въ Кіевѣ, а на предложеніе купить «Бесѣды» старыхъ кіевскихъ изданій не обратило вниманія. Съ цѣлью, между прочимъ, справиться о дальнѣйшемъ ходѣ этого дѣла, архимандритъ печерскій отправилъ въ концѣ сентября 1669 г. въ Москву старосту Печерскаго мѣстечка Ѳеодора Предремирскаго. Гизель поручилъ своему посланцу узнать на Москвѣ у саввинскаго архимандрита Варнавы, возьмутъ ли къ Москвѣ книгу «Бесѣды на Дѣянія» печерскаго изданія по цѣнѣ 2 руб. за экземпляръ, или же печерской типографіи данъ будетъ заказъ на печатаніе новаго изданія «Бесѣдъ» [2]).

Предремирскому на Москвѣ отвѣтили, что предлагаемыя Гизелемъ книги печерскаго изданія не могутъ быть взяты въ казну по предлагаемой архимандритомъ цѣнѣ, однако посланцу печерской обители позволили самому продавать эти книги на Москвѣ, «какою цѣною возможно»; далѣе, Предремирскому объявили, что переговоры о предоставленіи заказа печерской типографіи будутъ возобновлены [3]). Для возобновленія этихъ переговоровъ 28 октября 1669 г. посланъ былъ въ Кіевъ подьячій Малороссійскаго приказа Максимъ Алексѣевъ [4]). Въ грамотѣ, которая послана была къ Гизелю съ Алексѣевымъ, архимандриту давали знать о томъ, что великій государь указалъ напечатать въ печерской типографіи двѣсти экземпляровъ «Бесѣдъ на Дѣянія и на Посланія» (по сто экземпляровъ каждой книги); изъ заказываемыхъ двухсотъ экземпляровъ, 40 должно было быть отпечатано на александрійской бумагѣ и 160 на простой; Гизелю предлагалось немедленно сообщить подьячему Алексѣеву, сколько потребуется бумаги на печатаніе этихъ книгъ, сколько надобно бу-

---

[1]) Акты Южн. и Западн. Россіи, т. IX, № 21, столб. 83, № 38, ст. 152 „против прежніе печати".

[2]) Ibid

[3]) Ibd № 26 столб. 130

[4]) Московск. Арх. Мин. Юст. Малорос. приказа Кн. № 5, л. 118

детъ заплатить типографіи за печатаніе и сколько времени потребуется на исполненіе заказа. Архимандриту печерскому писали, что только по полученіи этихъ свѣдѣній можно будетъ дать указъ начать тисненіе [1]).

Такъ какъ дорога изъ Москвы въ Кіевъ въ концѣ октября и въ началѣ ноября была, по выраженію Алексѣева, «трудновата», то онъ прибылъ въ печерскій монастырь только 3 декабря, спросилъ архимандрита съ братіей отъ имени великаго государя о здоровьѣ и спасеніи, объявилъ указъ о печатаніи «Бесѣдъ на Дѣянія и Посланія» въ лаврской типографіи и просилъ отпечатать на александрійской и простой бумагѣ пробные листы обѣихъ книгъ, чтобы опредѣлить, сколько потребуется бумаги на всѣ двѣсти экземпляровъ и сколько придется уплатить типографіи за печатаніе. Согласно наказу, который данъ былъ Алексѣеву въ Москвѣ, онъ долженъ былъ взять у Гизеля подробную смѣту расходовъ на печатаніе и немедленно отвезти ее въ Москву. Но дѣло показалось Гизелю настолько серьезнымъ, что онъ не считалъ возможнымъ дать Алексѣеву какой либо отвѣтъ безъ совѣщанія съ братіею и поэтому просилъ подьячаго прійти за отвѣтомъ на другой день.

4 декабря Алексѣевъ опять былъ у Гизеля, который сказалъ подьячему, что велитъ набрать по листу «Бесѣдъ» на александрійской и простой бумагѣ и смѣтитъ, сколько понадобится бумаги на 200 экземпляровъ; о срокѣ, въ который могъ бы быть выполненъ заказъ, и о стоимости печатанія Гизель не обѣщалъ дать точныхъ свѣдѣній, замѣтилъ только, что печерская типографія вслѣдствіе военнаго времени пришла въ упадокъ, мастеровъ осталось мало, многіе убиты и взяты въ плѣнъ, а новые изъ Кракова и изъ иныхъ мѣстъ не приходятъ, поэтому печатаніе двухъ заказываемыхъ московскимъ правительствомъ книгъ можетъ затянуться болѣе, чѣмъ на два года.

Пробный листъ набирали въ печерской типографіи десять дней, и только 13 декабря Гизель опять пригласилъ къ себѣ Алексѣева и, передавъ ему набранный и отпечатанный для образца на простой и александрійской бумагѣ листъ «Бесѣдъ на Посланія», призвалъ завѣдывавшаго лаврскою «друкарнею» старца Іосафата, который сказалъ Алексѣеву, что набраны пробные листы только изъ книги «Бесѣды на Посланія»; изъ набранныхъ листовъ видно, что для напе-

[1]) Ibid. л. 317.

чатанія ста экземпляровъ этой книги потребуется 85 стопъ простой бумаги, а печатать на александрійской бумагѣ лаврская типографія не можетъ, такъ какъ александрійская бумага очень широка и потому будетъ мяться и прорываться въ маленькихъ лаврскихъ станкахъ.

Затѣмъ Іосафатъ объяснилъ Алексѣеву, что пробныхъ листовъ изъ книги «Бесѣды на Дѣянія» онъ приготовить не успѣлъ, потому что для набора листа изъ «Бесѣдъ на Посланія» пришлось ему съ мастерами проработать почти двѣ недѣли безпрестанно день и ночь и если бы набрать пробный листъ и изъ другой книги и «знатно, что то не въ мочь». Впрочемъ Іосафатъ говорилъ, что въ пробныхъ листахъ изъ книги «Бесѣды на Дѣянія» и нужды особенной нѣтъ, такъ какъ въ книжномъ складѣ Лавры имѣются экземпляры того лаврскаго изданія «Бесѣдъ на Дѣянія», образецъ котораго посланъ въ Москву съ архимандритомъ Варнавою. По этимъ образцамъ видно, что для напечатанія ста экземпляровъ «Бесѣдъ на Дѣянія» потребовалось бы 35 стопъ бумаги, но зачѣмъ великому государю заказывать новое изданіе «Бесѣдъ на Дѣянія», когда въ книжномъ складѣ печерской типографіи находится болѣе ста непереплетенныхъ экземпляровъ стараго лаврскаго изданія «Бесѣдъ», цѣною по два рубля за экземпляръ и «великій бы государь изволилъ тѣ книги взять на себя, а за нихъ прислать деньги», если же все таки рѣшено будетъ печатать обѣ книги, то понадобится 125 стопъ бумаги: 85 для напечатанія «Бесѣдъ на Посланія», 30 для напечатанія «Бесѣдъ на Дѣянія» и 10 стопъ на пробные и корректурные оттиски [1]),

Такимъ образомъ Гизель съ братьею сообщили Алексѣеву только часть смѣты и отказались дать свѣдѣнія о томъ, во что обойдется самое печатаніе книгъ. Въ письмѣ, которое Гизель послалъ къ царю Алексѣю Михайловичу съ подьячимъ Алексѣевымъ, архимандритъ старался увѣрить государя въ томъ, что печатать въ лаврской типографіи книги по заказу изъ Москвы—дѣло очень трудное и едвали выполнимое; что если и удастся исполнить предлагаемый типо-

[1]) „Старецъ Езуѳатъ, который вѣдаетъ друкарню, подьячему говорилъ: буде великій государь книги на Дѣянія и на Посланія укажетъ печатать двѣсти книгъ, и на тѣ де книги по смѣтѣ надобно бумаги на сто книгъ на Дѣянія $\overline{\text{пѣ}}$ стопъ, въ книгу по $\overline{\text{із}}$ дести, а на Дѣянія на $\overline{\text{р}}$ же книгъ $\overline{\text{л}}$ стопъ, въ книгу то шти дестей, да въ запасъ на *опыть* і стопъ, потому что какъ первое печатованіе бываетъ, тогда сперва *опыть* чинятъ, напечатаютъ дважды и трижды и четырьмя, бываетъ и семью; какъ ужъ чисто напечатуетца, то ужъ все чисто пойдетъ. (Моск. Арх. Мин. Юст. Малоросс. Прик. Кн. № 5, л. 332, столб. № 5921).

графіи заказъ, то печатаніе обойдется очень дорого, такъ какъ «художныхъ мастеровъ» въ печерской типографіи мало, нужно будетъ приглашать изо Львова и изъ Кракова, но сомнительно, чтобы это приглашеніе имѣло успѣхъ, такъ какъ совсѣмъ нѣтъ проѣзду въ Кіевъ изъ Польши и изъ другихъ странъ: Кіевъ и Печерская Лавра находятся какъ бы въ осадѣ, недалеко отъ города расположились турки и татары, союзники Дорошенка. Вслѣдствіе такихъ бѣдствій въ Кіевѣ «невозможно великая цѣна всякому харчу» и мѣстные «типографскіе дѣлатели» не только берутъ большую плату за работу, но къ тому же и «бѣгать обыкли»; поэтому нѣтъ возможности опредѣлить, сколько времени заняло бы печатаніе «Бесѣдъ» и какіе бы на это потребовались расходы [1]).

Такъ какъ Максимъ Алексѣевъ вслѣдствіе дурной дороги и продолжительной задержки въ Печерской Лаврѣ долго не возвращался въ Москву [2]), то отправленному 29 декабря 1669 г. въ Малороссію подьячему Михаилу Савину поручено было, между прочимъ, передать Гизелю государеву грамоту съ требованіемъ сообщить немедленно, въ какомъ положеніи находятся переговоры по дѣлу о печатаніи въ печерской типографіи «Бесѣдъ». Изъ этой государевой грамоты Гизель могъ заключить, что въ Москвѣ серьезно рѣшили поручить Лаврѣ типографскіе заказы; поэтому Гизель счелъ небходимымъ высказаться по этому вопросу болѣе опредѣленно, чѣмъ что было сдѣлано въ письмѣ, которое незадолго передъ тѣмъ архимандритъ послалъ съ Максимомъ Алексѣевымъ.

Во второмъ своемъ письмѣ Гизель не распространяется уже особенно о затрудненіяхъ, съ которыми будетъ связано выполненіе печерскою типографіей предлагаемаго ей заказа, не говоритъ о томъ, что печатаніе книгъ въ Кіевѣ обойдется московскому правительству слишкомъ дорого, а прямо заявляетъ, что въ Кіевѣ за многими помѣшками и невозможностью печатать «Бесѣды» и великаго государя

---

[1]) Моск. Арх. Мин. Юст. Малоросс. Прик. Столбцы № 5921; кн. № 5, л. л. 330—332; 336—340—статейный списокъ Алексѣева о переговорахъ его съ Гизелемъ. Такимъ образомъ, мнѣніе г. Пляпкина (св. Димитрій Ростовскій и его время, стр. 123), будто Гизель отказался отъ сдѣланнаго ему заказа, ссылаясь на малую величину станковъ, не вполнѣ вѣрно.

[2]) Когда Алексѣевъ ѣхалъ въ Кіевъ, дорога была „трудновата", а въ Кіевѣ Гизель задержалъ подьячаго на 10 дней, въ теченіе которыхъ набирали и печатали пробный листъ „Бесѣдъ". (Моск. Арх. Мин. Юст. Малоросс. Прик. кн. № 5, л. л. 317—332).

повелѣнія совершать невозможно. Такимъ образомъ, попытка московскаго правительства печатать книги въ Кіево-печерской типографіи не удалась вслѣдствіе несогласія Гизеля взять на себя это дѣло. Рѣшительно отказываясь печатать въ своей типографіи «Бесѣды», Гизель просилъ государя «не поставить этого въ вину Лаврѣ» и не лишать ея своей милости, такъ какъ заказъ не принятъ лишь благодаря «сполошнымъ и мятежнымъ временамъ», а также вслѣдствіе упадка печерской типографіи, въ которой осталось будто бы только два небольшихъ станка[1]).

Но къ этимъ жалобамъ на крайній упадокъ печерской типографіи врядъ ли можно отнестись съ полнымъ довѣріемъ, тѣмъ болѣе, что въ то же самое время, когда Гизель увѣрялъ, будто никакъ не можетъ взять типографскаго заказа отъ московскаго правительства, вслѣдствіе недостатка станковъ, при Лаврѣ устроена была новая польская типографія[2]), въ которой вскорѣ напечатано было сочиненіе Барановича «Żywoty swiętych», и такая объемистая книга, какъ «Lutnia Apollinowa» того же Баранозича. Вѣроятнѣе всего, что Гизель отказался взять на себя печатаніе книгъ для московскаго правительства, опасаясь «многихъ убытковъ». Дѣло въ томъ, что хотя московское правительство и обѣщало возмѣстить Лаврѣ всѣ расходы по печатанію «Бесѣдъ», однако въ Кіевѣ уже хорошо знали, какъ туго производятся въ Москвѣ платежи. Наконецъ, отказъ Гизеля печатать въ Лаврской типографіи для московскаго правительства новое изданіе «Бесѣдъ на Дѣянія» былъ вызванъ еще просто желаніемъ сбыть въ казну великаго государя залежавшееся лаврское изданіе «Бесѣдъ», что впрочемъ не удалось архимандриту.

Средства содержанія профессоровъ Кіевской Академіи въ первой половинѣ XVIII вѣка. (*Изъ «Исторіи Кіевской Академіи за первую половину XVIII столѣтія»*). Курсъ Кіевской Академіи въ первой половинѣ XVIII-го столѣтія дѣлился, какъ извѣстно, на восемъ «ординарныхъ школъ» или классовъ: фару (аналогію), инфиму, грамматику синтаксиму, піитику, риторику, философію и богословіе. Къ нимъ въ 1738 году, заботами кіев. митр. Рафаила Заборовскаго, были при-

[1]) Акты Южн. и Зап. Россіи, т. IX, № 28, столб. 155; Моск. Главн. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ, Дѣла Малоросс. 1669 г. № 59.

[2]) Письма Лазаря Барановича, № 61, стр. 75.

бавлены еще экстраординарные классы языковъ—греческаго, еврейскаго и нѣмецкаго, или школы «эллинская, еврейская и нѣмеческая». Въ каждомъ ординарномъ классѣ всегда имѣлся особый профессоръ [1]), въ классахъ же «языческихъ» порой бывалъ одинъ [2]), а иногда и два [3]). Слѣдовательно, академическая корпорація въ первой половинѣ XVIII в. состояла, по меньшей мѣрѣ (если богословіе преподавалось ректоромъ, а философія—префектомъ), изъ восьми, съ 1738 же года изъ девяти и даже десяти членовъ.

Спрашивается: какъ и чѣмъ содержалась вся эта корпорація, когда на нее въ первой половинѣ XVIII в. правительствомъ не отпускалось никакого штатнаго оклада?

Главнѣйшія средства для своего содержанія она имѣла отъ Братскаго монастыря, который, получая пособіе отъ правительства [4]) и митрополитовъ [5]), предоставлялъ учителямъ академіи даровое помѣщеніе, освѣщеніе, отопленіе и даровой столъ.

Для помѣщенія учителей монастырь отводилъ особыя келіи («чуланы», какъ онѣ иногда назывались), столъ же предлагалъ имъ

---

[1]) Исключенія бывали весьма рѣдки. По крайней мѣрѣ, намъ извѣстенъ лишь единственный случай, что въ двухъ классахъ преподавалъ одинъ профессоръ. Это—іером. Митрофанъ Довгалевскій, состоявшій въ $173^{6}/_{7}$ учеб. году учителемъ синтаксимы и піитики (См. рукоп. Кіево-Михайл. биб. № 1710, л. 161 на обор. и л. 245—254, и рукоп. библ. Кіев. Дух. Акад. Муз. № 51, л. 439).

[2]) Напр., съ 1738 г. по 1742 г. всѣ языки преподавалъ одинъ Симонъ Тодорскій (Рукоп. Кіево-Печер. Лавры X, 70; ср. Арх. Кіев. Дух. Конс. Реестръ 1742 г., № 649).

[3]) Съ 1746 г. См. Акты Кіево-Брат. уч. мон. и Акад., собр. В. Аскоченскимъ, т I, № 28.

[4]) 80 рублей по граматѣ 1694 г. и 130 рублей изъ 200-рублевой суммы, отпускавшейся на Академію съ 1741 г. изъ войсковаго малороссійскаго скарбу.

[5]) Нельзя сказать, какую сумму отпускали Братскому монастырю кіевскіе митрополиты до Рафаила Заборовскаго. Единственное указаніе объ этомъ въ доношеніи архіеп. Варлаама Ванатовича въ 1727 г. (См. Опис. док. и дѣлъ, хран. въ архивѣ Свят. Прав. Син. т. VII, Прилож. VIII, ст. CXXIX—CXXX)—и то очень неопредѣленно („... дается на всякъ годъ на пропитаніе учителямъ, на рыбу и на прочія ихъ персональныя нужды... изъ казны архіерейской, отъ боку моего смиренія, *елико по силѣ моей мощно*“).. При митр. Рафаилѣ Заборовскомъ въ Братскій монастырь на учителей „опредѣлено было... изъ катедральной святософійской суммы въ годъ на рыбу давать по сто рублевъ, которые и даваны были до опредѣленія двоихъ сотъ рублевъ изъ войскового малороссійского скарбу зборовъ“. (См. въ архивѣ Кіев. Дух. Конс. черновое доношеніе митр. Рафаила Заборовскаго въ Св. Синодъ въ февралѣ 1744 г.).

въ общей трапезѣ съ братіею (иногда, быть можетъ, по тѣмъ или другимъ причинамъ, выдавалъ на домъ).

Содержаніе каждаго учителя среднимъ числомъ обходилось монастырю болѣе 80 рублей, если переводить на деньги стоимость издерживаемой провизіи, по цѣнамъ сороковыхъ годовъ прошлаго столѣтія. 17-го декабря 1743 года ректоръ академіи Сильвестръ Кулябка (на требованіе митрополита Заборовскаго, хлопотавшаго предъ Синодомъ о назначеніи учителямъ кіевской академіи оклада жалованья, по примѣру Московской) въ вѣдомости объ ежегодныхъ издержкахъ Братскаго монастыря на содержаніе учителей Академіи сдѣлалъ такое перечисленіе монастырскихъ расходовъ:

«На осми нынѣ имѣющихся человѣкъ учителей на хлѣбъ муки ржаной на тиждень (недѣлю) виходитъ одна четвертъ, въ годъ четвертей пятьдесятъ двѣ, з одной четверти хлѣбовъ сорокъ два, на день осми человѣкамъ хлѣбовъ шестъ; на язическаго одинъ, на реторическаго.... одинъ хлѣбъ, на поетицкого, синтактицкого одинъ хлѣбъ, на граматицкого, інфимѣского одинъ хлѣбъ, на фарискаго полхлѣба, итого на денъ на осми шестъ, а въ годъ двѣ тисячи сто девятъ десятъ хлѣбовъ, смѣкая хлѣбъ по двѣ копѣйки денегъ, сорокъ два рубли восемъдесятъ копѣекъ.

Пива на философѣйскаго гарцовъ два, а на протчіихъ по гарцу, на осми на денъ гарцовъ девятъ, а въ годъ три тисячи двѣстѣ восемъдесятъ пятъ, гарнецъ смѣкая по три копѣйки, денегъ девятъдесятъ восемъ рублей пятъдесятъ пять копѣекъ.

Муки пшеничной на булки, на галушки, на одного въ годъ по три четверти, на осми четвертей двадцать четири, смѣкая на денгу четвертъ по рублю денегъ двадцать четири рубля.

Муки гречаной на одного по три четверти, на осми въ годъ четвертей двадцать чтири, смѣкая на денгу четверть по пятидесятъ копѣекъ, денегъ двапалцать рублевъ.

Пшона на одного по полчетверти, на осми въ годъ четвертей четири, четвертъ по рублю по сороку копѣекъ денегъ пятъ рублей восемъдесятъ копѣекъ (?).

Крупъ гречанихъ на одного по полчетверти, на осми въ годъ четвертей чтири, смѣкая на денгу четвертъ по восемдесятъ копѣекъ, денегъ три рубли двадцать копѣекъ.

Гороху на одного по полчетверти въ годъ четири четверти, на осми, смѣкая на денгу четвертъ по рублю, денегъ четири рубля.

Сира, масла на одного двѣ дѣжки, на осми въ годъ шестнадцать смѣкая дѣжку по полтора рубли, денегъ двадцать чтири рубли.

На свѣжую рибу по справки съ книгами монастырскими зашнурними, на сметану, на яйцы, на молоко, кромѣ опредѣленних въ годъ виходитъ на осми денегъ двѣстѣ пятьдесятъ рублей тридцать двѣ копѣйки и три полушки.

Вялой риби на одного тисяча, на осми въ годъ тисячъ восѣмъ, смѣкая на денгу тисячу по три рубля денегъ двадцать чтири рубли.

Грибовъ на одного по тисячи, на осми въ годъ тисячъ восѣмъ, смѣкая на денгу тисячу по рублю денегъ восѣмъ рублей.

Варива, бураковъ бочка, капусти бочка одного, а на осми въ годъ шестнадцать, смѣкая на денгу бочку по рублю денегъ шестнадцать рублей.

Олѣи на осми по двѣ кварти на день, кварта по десять копѣекъ; въ году, постних дней напримѣръ сто тридцать сѣмъ, виходитъ кварть двѣстѣ сѣмъдесятъ четири, денегъ двадцать сѣмъ рублей сорокъ копѣекъ.

Цибулѣ на одного вѣнковъ тридцать, на осми въ годъ двѣстѣ сорокъ, смѣкая на денгу вѣнокъ по три копѣйки, денегъ сѣмъ рублей двадцать копѣекъ.

На свѣчки на осми въ годъ тридцать рублей.

На частноку, на петрушку, на капусту и на протчое зѣлля на осми въ годъ десять рублей.

На корѣніе на осми въ годъ десять рублей.

На кухара десять рублей.

Горѣлки на осми въ годъ дается разовъ четири, на философійского по шестъ кварть, а на протчихъ семи учителей по четири кварти, въ годъ на осми сто тридцать шесть кварть, смѣкая на денгу, кварту по десяти копѣекъ денегъ, тринатцать рублей шестъдесятъ копѣекъ.

Дровъ на варение кушання и на опалъ келій на одного по пятьдесятъ колодъ, на осми въ годъ колодъ четириста; плитовъ четири, плитъ смѣкая на денгу по семи рублей, денегъ двадцать восѣмъ рублей.

Итого всѣхъ денегъ шестьсотъ пятьдесятъ пять рублей, восѣмъдесятъ сѣмъ копѣекъ и три полушки» [1]).

---

[1]) См. эту вѣдомость въ архивѣ Кіев. Дух. Конс., въ дѣлахъ 1743 года.

Конечно, такой расходъ былъ весьма ощутительнымъ для Братскаго монастыря, матеріальное благосостояніе котораго въ первой половинѣ XVIII в. почти всегда было крайне неудовлетворительнымъ [1]).

И профессора академіи, въ благодарность монастырю, исполняли всѣ обязанности его братіи, совершали богослуженіе въ его церквяхъ, пѣли и читали на клиросахъ, проповѣдывали слово Божіе и проч. [2]), на что нерѣдко удѣляли время, необходимое для своихъ ученыхъ занятій.

Имѣя, такимъ образомъ, отъ Братскаго монастыря квартиру и столъ, для удовлетворенія своихъ прочихъ нуждъ (одежда, обувь, учебныя пособія, письменныя принадлежности и т. п.) профессора располагали малыми и—главное—крайне неопредѣленными денежными средствами.

Главнѣйшимъ источникомъ такихъ средствъ были митрополичьи консоляціи, изъ которыхъ однѣ были постоянныя, ежегодныя, а другія—случайныя, временныя.

Каковъ былъ размѣръ постоянныхъ митрополичьихъ консоляцій до времени митроп. Рафаила Заборовскаго, нельзя сказать, за отсутствіемъ опредѣленныхъ данныхъ. При митр. Рафаилѣ Заборовскомъ въ пользу учителей изъ митрополичьей консоляціи ежегодно раздѣлялось 165 рублей по слѣдующему росписанію: «на теологійского двадцатьпять рублей, на философійского двадцать, на греческого двадцать пять рублей, на реторицкого сѣмнадцать рублей пятъдесятъ копѣекъ, поетицкаго пятнадцать рублей, синтактицкого пятнадцать рублей; граматицкому дванадцать рублей пятъдесятъ копѣекъ, фарискому дванадцать рублей пятъдесятъ копѣекъ» [3]).

О размѣрахъ случайныхъ консоляцій со стороны митрополитовъ нѣтъ свѣдѣній. Онѣ выражались частью въ денежныхъ даяніяхъ на разныя «персональныя» нужды учителей [4]), напр., «на одѣяніе» [5]) и т. п., частью въ даяніяхъ самымъ «платьемъ» [6]); и бывали «когда

---

[1]) Н. Мухинъ. Кіево-Братскій училищный монастырь. Историческій очеркъ. Кіевъ. 1893., стр. 141—156.

[2]) Акты Кіево-Брат. учил. мон. и Акад.; собр. В. Аскоченскимъ, т. 2, № 21.

[3]) Арх. Кіев. дух. Конс., д. 1743 г., безъ №.

[4]) Опис. док. и дѣлъ, хран. въ архивѣ Св. Пр. Синода, т. VII, Прилож. VIII, ст. CXXIX—CXXX.

[5]) Акты Кіево-Брат. уч. мон. и Акад., собр. В. Аскоченскимъ, т. 2, № 21.

[6]) Ibid.

единъ разъ, а иногда и дважды», какъ это было при митр. Рафаилѣ Заборовскомъ [1]).

Другимъ источникомъ былъ сборъ съ «вѣнечныхъ памятей» (такъ назывался письменный видъ, выдаваемый духовными властями на совершеніе брака, не подлежащаго никакому сомнѣнію), право выдавать которыя въ нижнемъ Кіевѣ было предоставлено академіи. (Когда впервые присвоено было ей это право, неизвѣстно. Ректоръ академіи Амвросій Дубневичъ, прося въ 1732 году митр. Рафаила Заборовскаго возвратить его (а оно на время было отнято) академіи, въ своемъ прошеніи выразился слишкомъ неопредѣленно: «отъ антецессоровъ Вашего Преосвященства вѣнечныхъ памятей дача вручена была кіевобрацкого монастыря ректорамъ» [2]). Кажется, въ 1731 году [3]) академія была лишена этого права, но въ слѣдующемъ же 1732 г. 21-го іюля, по прошенію Дубневича, оно снова было возвращено ей. Половину этихъ сборовъ (они не были, да и не могли быть одинаковыми) получалъ ректоръ, другая же половина шла въ раздѣлъ между учителями, соотвѣтственно ихъ старшинству. Такъ, ректоръ Сильвестръ Кулябка въ своемъ доношеніи митрополиту, въ декабрѣ 1743 г., писалъ: «з квѣтовихъ денегъ, якихъ за моего начальства чрезъ три года собралося, а именно: 1741 г. отъ генваря 8 до ноября 11 чиселъ шестьдесятъ два рубли шестьдесятъ двѣ копѣйки; за 1742 г. сорокъ пять рублей дванадцать копѣекъ; за 1743 г. тридцатьдевать рублей тридцать три копѣйки, *половина на ректора, а половина на учителей дается, а с тыхъ денегъ не равно себѣ учители раздѣляютъ*» [4]).

Вотъ и всѣ главные и болѣе или менѣе постоянные источники средствъ академическихъ профессоровъ въ первой половинѣ XVIII в.! Скудость ихъ говоритъ сама за себя...

Правда, постоянные благодѣтели академіи—кіевскіе митрополиты, стараясь всѣми возможными способами улучшать матеріальный бытъ профессоровъ, часто располагали къ благотворительности въ пользу ихъ разныхъ лицъ (къ сожалѣнію, время унесло съ собою память подобныхъ благотворителей). Въ архивѣ кіевской духовной кон-

---

[1]) Ibid.

[2]) Акты Кіево-Брат. уч. мон. и Акад., собр. В. Аскоченскимъ, т. 1, №. 1.

[3]) Вѣроятно, въ силу Синодальнаго указа отъ 28 мая 1731 г. о взиманіи съ вѣнечныхъ памятей пошлинныхъ и лазаретныхъ денегъ. См. Полное собр. постанов. и распоряж. по вѣдом. прав. исповѣд. Росс. имперіи, т. VII, стр. 270. № 2449.

[4]) Арх. Кіев. дух. Конс., д. 1743 г.

систоріи есть лишь одно дѣло, показывающее, что и такая ничтожная сумма, какъ 8 рублей, доставшаяся, по волѣ митрополита, (изъ денегъ, оставшихся по смерти одной игуменіи) на всю академическую корпорацію, была цѣлымъ событіемъ для нея [1]); дѣлали распоряженія, чтобы монастыри, постриженцами которыхъ состояли профессора, выдавали имъ слѣдуемую часть доходовъ и т. п. [2]), но все это было недостаточнымъ.

Наконецъ, и «обычное благодареніе» профессорамъ за школу со стороны учениковъ было малымъ. Да и благодарить ихъ могли лишь дѣти богатыхъ и знатныхъ родителей, которыхъ въ академіи бывало сравнительно очень мало. Они, являясь изъ дому «съ поклономъ», приносили и «консоляцію» своимъ просвѣтителямъ. Но это была «малая толика», не превышавшая въ годъ пятнадцатирублевой суммы; и одинъ разъ она цѣликомъ шла въ пользу префекта, а другой—уже въ пользу профессоровъ [3]).

Неудивительно, что, при такомъ жалкомъ обезпеченіи, профессора съ грустью несли свои обязанности, и лишь открывалась возможность выбраться на болѣе обезпечивающую службу (напр., катедральнаго казнодѣя, консисторскаго судоваго писаря и т. п.), оставляли свои каѳедры безъ малѣйшаго колебанія. Не было же подобнаго выхода, каждый изъ нихъ, начавъ свою службу съ низшаго класса, томительно жаждалъ перехода въ высшій, потому что такой переходъ оставался послѣднимъ средствомъ къ улучшенію его положенія, являясь въ полномъ смыслѣ академическою табелью о рангахъ: съ нимъ связано было и увеличеніе внѣшняго почета въ академической средѣ, и увеличеніе матеріальнаго содержанія. («Понеже не всѣхъ учителей равенъ есть трудъ, разсуждалъ Гедеонъ Вишневскій, но якоже окіянъ каплю едину, сице богословскіе догматы пре-

---

[1]) Арх. Кіев. дух. Кон. д. 1742 г. № 1723.

[2]) Акты Кіево-Брат. учил. мон. и Акад., В. Аскоченскимъ, т. 2, д. № 21. За это въ каникулярное время учителя отправлялись на служеніе въ свои монастыри. Ясное доказательство этому мы видимъ въ постоянныхъ требованіяхъ митрополитовъ, въ началѣ каждаго учебнаго года, отъ разныхъ монастырей обратной высылки учителей въ академію. Такъ, напр., въ опредѣленіи митр. Заборовскаго учителей на $174^{2}/_{3}$ учеб. годъ мы читаемъ: „учителей, кои не въ Кіево-Братскомъ монастырѣ жительство имѣютъ, отъ того належитъ, въ Кіево-Братскій монастырь требовать". (Арх. Кіев. дух. Конс., д. 1742 г., № 128; срав. Акты Кіево-Брат. училищ. мон. и Акад., собр. В. Аскоченскимъ, т. 1., № 13, 22 и 28; Арх. Кіев. дух. Конс. д. 1739 г., № 30; д. 1744 г. № 8 и др.).

[3]) Акты Кіево-Брат. уч. мон. и Акад., собр. В. Аскоченскимъ, т. 2, д. № 21.

восходятъ ученіе грамматическое, того ради праведно судится быти, дабы и мзда не равна была, но по пропорціи труда жалованье... Не ровное бо... жалованье видится приличное пропорціи, сіесть неравенству школъ и учителей и можетъ поощряти меншихъ учителей къ большимъ трудамъ... Къ чему бо меншому учителеви въ болшіе труды непрестанные и тяжкіе вступити? аще за меншія и легшія столько жалованья пріиметъ, сколько и за большія»[1])?. Въ такихъ соображеніяхъ всѣ суммы (что видно изъ приведенной нами выше росписи консоляціонныхъ денегъ и замѣчанія ректора Кулябки о дѣлежѣ сборовъ съ вѣнечныхъ памятей), выпадавшія на долю академическихъ профессоровъ дѣлились между ними соотвѣтственно положенію каждаго въ корпораціи.

Д. Вишневскій.

Козачья служба въ гетманство Разумовскаго. Воинская исторія малорусскаго козачества до сихъ поръ не написана. Мы знаемъ, что козацкое войско во время гетманщины состояло изъ десяти *городовыхъ* полковъ, набиравшихся съ извѣстныхъ мѣстностей, называвшихся поэтому *полками*, и нѣсколькихъ полковъ, конныхъ и пѣхотныхъ, набиравшихся изъ охотниковъ, почему эти полки и назывались охотницкими. Знаемъ также, что городовые полки (съ 1735 г.) дѣлились на козаковъ выборныхъ и подпомощниковъ, при снаряженіи которыхъ на дѣйствительную службу, сотники брали большія взятки, увольняя богатыхъ на счетъ бѣдняковъ; но никакихъ точныхъ свѣдѣній о порядкѣ отбыванія службы ни въ военное, ни въ мирное время—въ печатной литературѣ не имѣется. Да и собрать эти свѣдѣнія за время, предшествовавшее попыткѣ кн. Шаховскаго (въ 1735 г.) упорядочить военную организацію козаковъ,—очень трудно, такъ какъ общихъ распоряженій за сказанное время, повидимому, дѣлаемо не было и потому въ архивныхъ бумагахъ попадаются лишь отрывочныя упоминанія о военномъ бытѣ козаковъ. Въ 1735 г. тогдашній правитель Малороссіи кн. Шаховской сдѣлалъ было попытку ввести нѣкоторый порядокъ въ военную службу козаковъ, раздѣливъ ихъ на выборныхъ и на подпомощниковъ, съ цѣлію обезпечить матеріальную сторону строеваго козачества; но попытка

---

[1]) Описаніе док. и дѣлъ, хранящ. въ архивѣ Св. Пр. Синода, т. II, ч. 2-я Прилож. VIII, § 3, п. 11, ст. XXIV.

эта не имѣла ожидавшихся результатовъ, благодаря злоупотребленіямъ старшины, которая съ XVIII в. стала смотрѣть на подначальныхъ козаковъ, какъ на источникъ доходовъ... Воинская сторона козачества приходила въ большій и большій упадокъ. Въ гетманство Разумовскаго служилые малороссійскіе козаки стали употребляться на всякую службу, а въ томъ числѣ и на частную. Въ 1760 г. гетманъ Разумовскій началъ устраивать для себя усадьбу въ Яготинѣ; лубенскій полковникъ Кулябка, которому поручено было главное распоряженіе этимъ устройствомъ, сталъ требовать рабочихъ въ Яготинъ съ ближайшихъ полковъ. Въ отвѣтъ на одно изъ такихъ требованій кіевскій полкъ послалъ Кулябкѣ печатаемую здѣсь вѣдомость о расходѣ служилыхъ козаковъ, указывающую, какія разнообразныя обязанности долженъ былъ исполнять тогдашній гетманскій козакъ.

«Вѣдомость съ полковой кіевской канцеляріи сколко по послѣдней 756 г. ревизіи показано въ полку кіевскомъ всѣхъ подпомощниковъ козаковъ и изъ того числа сколко куда состоитъ въ откомандираціи».

1762 г., апрѣля 30 дня.

По ревизіи 756 г. показано всѣхъ—3267. Съ того числа въ откомандированіи на межигорскій и сорокошицкій форпости—101.—Въ армію при волахъ 759 г. отправленныхъ, за исключеніемъ возвратившихся уже въ домы, - 31.—1760 г., въ армію подъ командою обозн. полков. старод. Шкорупы, при виборныхъ козакахъ погонщиками—12.—1761 г., при волахъ въ армію отправленныхъ—20.—Къ вновь прожектированной на Дону крѣпости наряжено—29.—Въ Батуринъ, къ тамошнему національному строенію[1]), плотниковъ—22.—На засѣку работниковъ, кромѣ приставовъ—870.—Комисарами сотенными на сей годъ—21. Въ Носовки слѣдственною комиссіею отобрано и ея с—ву граф. Наталіи Демяновнѣ г—жѣ Разумовской въ подданство поручено—21.—При бунч. тов. Ивану Леонтовичу и войск. тов. Степ. Пасенку и Гр. Солонинѣ при мостовомъ строеніи—12.—Къ работѣ нынѣ мостовъ въ тысячное число работниковъ—293, да къ нимъ приставовъ—35.—Въ полковую канцелярію для посилокъ зъ дѣлами конныхъ—20.—Въ Козелецкую контору его вис.—рейхсъ графск. с—ва г. ген.-фельдм. и кав. Алексѣя Григоріевича Разумовскаго—12.—Въ полковую щетную комисію—4.—Къ острогу полковому для береженія колодниковъ—32.—Въ полковую и судовую канцеляріи на сторожу и для береженія казны—9.—

[1]) См. „Кіевск. Стар." 1890 г., ноябрь, 338 и слѣд.

Въ 11-ти сотенныхъ канцеляріяхъ на стойкахъ—98.—При комиссарахъ полковыхъ прошлогодніхъ и нынѣшнихъ—8.—Въ Батуринъ къ тамошнему строенію подводъ требуется—50; туда жъ, въ число слѣсарей и протчихъ майстеровихъ людей отправлено съ козаковъ подпомощниковъ и нынѣ отправляются не мало. Итого въ откомандированіи—1711, а затѣмъ числится на лице—1556.

Обозний полковой Александеръ Солонина».

А. Л.

Къ исторіи малорусскаго духовенства. Въ библіотекѣ печерской лавры хранится любопытная рукопись.—«*Пункты по указу 1767 года сентября 1 дня изъ святѣйшаго правительствующаго синода въ кафедрѣ митрополіи кіевскія о принадлежащихъ епархіи кіевскія духовенству какъ о владѣніи грунтовъ, такъ и о прочихъ имъ выгодностяхъ сочиненныя*. Изъ этого заглавія видно, что «пункты» сочинены для извѣстной «Екатерининской Коммиссіи», а изъ подписи ихъ—кіевскимъ митрополитомъ Арсеніемъ, настоятелями кіевскихъ монастырей и всѣми лѣвобережными протопопами—видно, что «пункты» заключаютъ въ себѣ desiderata почти всего малорусскаго духовенства. Говоримъ *почти*, потому что къ этимъ «пунктамъ» въ концѣ рукописи прибавлены еще двѣ записки «о выгодностяхъ духовенства», присланныя къ печерскому архимандриту тогдашними епископами: переяславскимъ Гервасіемъ и черниговскимъ Кирилломъ. Вся рукопись (in folio 183 двойн. стр.) заключаетъ въ себѣ 62 пункта, при чемъ каждый изъ нихъ состоитъ изъ двухъ частей: указанія на фактическое положеніе того или другого обстоятельства и затѣмъ—изъ просительнаго заключенія по его поводу. Указавъ, напр., на значеніе кіевской академіи въ исторіи образованія [1]), въ пунктахъ выражается желаніе

[1]) ...„Непроходитъ не одинъ почти годъ, котораго бы здѣшней академіи студенты самопроизвольно не отпускаемы были въ медицинскую науку; изъ тѣхъ же студентовъ не малое число находится въ переводчискихъ при разныхъ мѣстахъ и въ учительскихъ званіяхъ при классахъ шляхетного корпуса и при московскомъ университетѣ; и нѣкоторые на собственномъ своемъ коштѣ, хотя и съ неописанною бѣдностію соединенномъ, для продолженія и полученія высшихъ наукъ, ради пользы отечества, отправились въ Германію, о чемъ извѣстно кіевской губернской канцеляріи по причинѣ данныхъ изъ оной канцеляріи пашпортовъ... Указавъ затѣмъ на скудость вознагражденія учителей, воспитывающихъ это юношество, „пункты“ добавляютъ, что между тѣмъ на обязанности этихъ же учителей лежитъ и пропо-

что бы «въ разсужденіи столь изобильной пользы отъ ученія въ академіи кіевской производимаго происходящей и впредь съ вящшимъ умноженіемъ происходить имѣющей, преосвященный митрополитъ кіевскій проситъ повелѣть опредѣлить на содержаніе той академіи годовую денежную сумму, хотя противъ московской славяно-греко-латинской академіи или сколько заблагоусмотрѣнно будетъ». При этомъ «пункты» добавляютъ, что «для чувствительнѣйшаго удовольствія народа (преимущественно богомольцевъ) столь горячимъ усердіемъ къ слушанію слова божія стремящагося и къ непрерывной въ таковыхъ случаяхъ проповѣди евангельской распространенію, весьма нужно и полезно быть въ той академіи, кромѣ учителей, особливимъ двумъ проповѣдникамъ изъ достойныхъ людей, въ ученіи довольно свидѣтельствованнимъ и къ толь *великому званію природныя достаточныя качества имѣющимъ*, на особливомъ не скудномъ жалованьи»[1])...

За симъ приводимъ полностью одинъ изъ «пунктовъ», въ которомъ рисуется положеніе приходского священника въ селѣ, гдѣ въ числѣ «господъ и владѣльцевъ» жилъ какой-нибудь «панъ сотникъ», «панъ обозный», не говоря уже о «вельможныхъ» полковникахъ...

«Правилами святыми узаконенно: быть во свое время литургіи, почему въ согласіе о нихъ блаженныя и вѣчно достойныя памяти государь императоръ Петръ Великій по докладнымъ пунктамъ святѣйшаго правительствующаго сунода указалъ: если кто, кромѣ его величества императорской фамиліи, приказывать будетъ церковному служителю къ церковному служенію благовѣстить не въ урочныя времена или долго, паче обыкновеннаго времени, велитъ себя дожидать и таковыхъ въ томъ не слушать; токмо и затѣмъ высочайшимъ указомъ нѣкоторые господа, а найпаче владѣльцы, въ своихъ владѣніяхъ, или принуждаютъ священниковъ божественную литургію безвременно зачинать и спѣшить, или приказываютъ имъ священникамъ ожи-

---

вѣдничество, когда въ академическую церковь „въ праздники и воскресные дни для полученія отъ проповѣдуемого слова Божія душеспасительнаго наставленія стекается съ великою жадностію многочисленный народъ, а паче весною и лѣтнимъ временемъ, когда изъ разныхъ странъ, разные жители, въ великомъ числѣ состоящіе, для богомолья приходятъ“...

[1]) Предложенная въ 1767 г. кіевскимъ митрополитомъ мѣра къ утоленію духовной жажды множества тысячъ стекающихся весною въ Кіевъ богомольцевъ, повидимому, и теперь была бы благовременною.. См, „Кіевск. Стар.“ 1895 г., сентябрь, стр. 87.

дать ихъ съ литургіей, по то время, пока они прикажутъ звонить, когда имъ угодное время дня окажется и потому иногда литургія отправляема бываетъ пополудни, въ отмѣну святыхъ отецъ правилъ, а чрезъ то народъ, имѣющій хозяйственныя нужды немогучи долго ожидать, лишается въ тіе дни слушанія церковнаго служенія, да тое и священникамъ бываетъ досадою и трудностію и не малою въ домашнихъ строеніяхъ остановкою, а иногда и нужда настоитъ спѣшить священнику къ больному, для исповѣди и къ исправленію другихъ требъ. Ежели-же ихъ владѣльцевъ и прочихъ господъ въ томъ священнику не послушать, — негодуетъ и сыскуетъ къ отмщенію причины; да и безъ того мірскіе такъ дерзостно поступаютъ, что нѣкоторые съ нихъ сами собою церкви заключаютъ своими замками и священниковъ недопущаютъ къ священнослуженію, а нѣкоторые самижъ собою отъ священниковъ церковніе ключи къ себѣ забираютъ и священниковъ къ церквамъ и священнослуженію въ нихъ недопускаютъ, и отъ приходовъ отрѣшаютъ и другіе наглости и обиды причиняютъ. Да въ обычай еще вошло, что владѣльцы приходскимъ священникамъ своихъ селъ и деревень приказываютъ приходить къ нимъ по литургіи съ просфорою неотложно. Того ради малороссійское епархіи Кіевскія бѣлое священство просить запретить мірскимъ властямъ и владѣльцамъ отъ священниковъ требовать или ихъ принуждать, чтобъ они или божественную Литургію и другіе церковныя служенія безвременно зачинали и спѣшили или ожидали ихъ съ церковнослуженіемъ, пока имъ мірскимъ властямъ и владѣльцамъ угодное время окажется; ежели-же ихъ священники въ томъ не послушаютъ, запретить же за то отмщенія имъ дѣлать, и какъ до священниковъ, такъ и до церквей и до церковныхъ добръ и до доходовъ ихъ и до прочаго касается, и священниковъ къ нимъ съ просфорою приходить принуждать, наипаче же самимъ собою церкви заключать и церковные ключи отъ священниковъ отбирать и ихъ до церкви не допускать и отъ приходовъ отрѣшать и другихъ наглостей и обидъ причинять не дерзать повелѣть, а дерзающимъ противное дѣлать, точные штрафы опредѣлять. («Пунктъ» 9-й).

Желательно, что бы вся эта рукопись цѣликомъ была издана, при чемъ издателемъ ея всего естественнѣе быть кіевской академіи...

А. Л.

Вниманію фотографовъ-любителей. Въ области фотографіи послѣдняя четверть настоящаго столѣтія ознаменована громаднымъ поступательнымъ движеніемъ. Какъ бы для довершенія тріумфа этого движенія явилось обратившее на себя вниманіе всего міра открытіе проф. Рентгена. Движеніе шло и идетъ въ двухъ направленіяхъ: совершенствуется техника; какъ изъ рога изобилія сыплются одно за другимъ изобрѣтенія, дополняющія прежнія или открывающія нѣчто совершенно новое; съ другой стороны, расширяется область примѣненія, увеличивается число лицъ, для тѣхъ или другихъ цѣлей пользующихся свѣтописью.

Было бы утомительнымъ сдѣлать даже бѣглый перечень тѣхъ примѣненій, какія получила фотографія: она проникаетъ въ различныя сферы, въ различныя спеціальности мы находимъ ее тамъ, гдѣ трудно было-бы предполагать.

Но гдѣ фотографія принесла и приноситъ ничѣмъ незамѣнимыя услуги—это въ области знанія: многія научныя отрасли положительно не могутъ обходиться безъ нея.

Имѣя въ виду ту пользу, какую можетъ принесть фотографія именно по отношенію къ одному изъ подраздѣленій послѣдней области, мы и начнемъ нашу бесѣду.

Не будемъ говорить о предметахъ, носящихъ тотъ или другой болѣе тѣсный спеціальный характеръ,—тамъ конечно нужны особыя знанія, особая подготовка; но многое можетъ сдѣлать и обыкновенный любитель-фотографъ, если только поставитъ себѣ опредѣленную цѣль, очертитъ опредѣленный кругъ дѣйствій. Фотографія сдѣлалась въ послѣднее время «модным» занятіемъ, развлеченіемъ; благодаря техническимъ усовершенствованіямъ, особенно послѣ введенія «сухого» способа, кругъ лицъ, занимающихся фотографіей, возросъ до большихъ размѣровъ: не только въ городахъ, но даже въ глухихъ захолустьяхъ можно встрѣтить любителей-фотографовъ. Занятіе это дѣйствительно доставляетъ много удовольствія, но однако, въ большинствѣ случаевъ, не выходитъ за предѣлы личнаго удовольствія и зачастую скоро пріѣдается. Пріобрѣтается аппаратъ, начинается усиленная съемка. Сняты всѣ члены семьи, начиная отъ старшихъ, кончая самыми крошечными, перепробованы разнообразныя позы, снято нѣсколько группъ,—матеріалъ истощился. Вниманіе «своего» фотографа привлекаетъ прислуга—и тутъ принесено много радостей; наступаетъ очередь для четвероногихъ членовъ

семьи, зачастую къ большому неудовольствію послѣднихъ. Если прибавить къ этому нѣсколько видовъ дома, усадьбы и, въ крайнемъ случаѣ, окрестностей, то этимъ и будетъ исчерпанъ «репертуаръ» фотографа-любителя; мы беремъ, конечно, наиболѣе частые случаи, разумѣется есть и исключенія,—ихъ мы не касаемся.

А между тѣмъ жизнь, въ различныхъ проявленіяхъ, даетъ кругомъ такой разнообразный матеріалъ, такъ много сторонъ ея доступны для фотографа, могутъ быть «фиксированы»! При изученіи строя жизни какого-нибудь народа въ извѣстный періодъ, для того, чтобы ознакомленіе было по возможности полнымъ, въ изслѣдованія необходимо должны войти и чисто внѣшнія проявленія ея: характеръ и устройство жилищъ и другихъ построекъ, принадлежности домашняго обихода, тѣ или другія природныя условія мѣстности, наконецъ масса другихъ, на первый взглядъ мелкихъ фактовъ, такъ или иначе относящихся къ матеріальной сторонѣ быта, служатъ существеннымъ дополненіемъ къ тому, что мы знаемъ о духовной сторонѣ жизни даннаго народа въ сферахъ политической, соціальной, моральной и т. д.,—все это находится въ тѣсной связи и, пробѣлъ въ одномъ мѣстѣ нарушаетъ цѣлость картины. Вотъ почему наука такъ дорожитъ тѣми остатками былой жизни, которые относятся къ области внѣшней культуры, собираетъ, изучаетъ ихъ. Къ сожалѣнію время дѣлаетъ свое дѣло, и къ намъ доходятъ лишь жалкіе остатки, не дающіе возможности въ надлежащей полнотѣ возстановить прошлое.

Работа фотографа, его наблюденія, запечатлѣваемыя на снимкахъ, принесутъ несомнѣнную долю пользы при изученіи какъ прошлой, такъ и современной жизни,—на основаніи настоящаго мы судимъ о прошломъ. Большая услуга можетъ быть оказана фотографами и для будущаго; современная жизнь для будущихъ изслѣдователей ея дастъ обильный матеріалъ: при большой продуктивности печатнаго слова, которой характеризуется наше время, будетъ гдѣ покопаться будущему изслѣдователю; не забудемъ-же и другого средства, путемъ котораго можно освѣтить для него внѣшнюю сторону нашей жизни; если вспомнить какъ рѣдки и какъ дѣнятся теперь хотя бы гравюры и картины прошлаго столѣтія, рисующія жизнь того времени, какъ матеріалъ такого рода встрѣчается все рѣже и рѣже для болѣе ранняго времени, что находится въ связи съ несовершенствомъ и трудностью техники, то конечно будетъ непростительно съ нашей стороны не воспользоваться тѣмъ могуще-

ственнымъ средствомъ, которое находится въ нашихъ рукахъ; средство это—фотографія.

Дальнѣйшія усовершенствованія несомнѣнно дадутъ возможность вполнѣ закрѣпить для будущаго времени тѣ стороны нашей жизни, которыя по отношенію къ прошлому являются для насъ почти совсѣмъ потерянными. Если взять, напр., два изобрѣтенія, надъ которыми работаетъ знаменитый Эдисонъ, мы говоримъ о т. н. «живыхъ» фотографіяхъ, дающихъ возможность, путемъ ряда моментальныхъ снимковъ, передать и возстановить *движеніе* цѣлыхъ сценъ, взятыхъ изъ жизни, повторять ихъ по желанію, и если прибавить къ этому такую-же возможность возстановленія живой рѣчи и вообще звуковъ путемъ фонографа, то станетъ ясно, какъ мы далеко ушли впередъ въ этомъ отношеніи, какое богатое наслѣдство можемъ оставить...

Послѣ этихъ общихъ отрывочныхъ соображеній, оставивши въ сторонѣ изобрѣтенія высшей техники, постараемся намѣтить, хотябы только слегка, тотъ рядъ предметовъ, на которые фотографъ-любитель можетъ съ пользой направить свой аппаратъ.

Начнемъ съ городовъ, гдѣ имѣется сравнительно очень много лицъ, занимающихся фотографіей. Если вы просматриваете «виды» какого-нибудь города, предлагаемые публикѣ, то въ большинствѣ случаевъ находите цѣлый рядъ снимковъ съ различныхъ «достопримѣчательностей: это церкви, общественныя и правительственныя зданія, памятники; сюда прибавляется перспективный видъ одной или двухъ главныхъ улицъ, видъ на рѣку, если таковая есть,—тѣмъ дѣло по большей части и заканчивается; вы видите, такъ сказать, лишь показную сторону города, полнаго представленія о немъ вы не можете составить. А между тѣмъ каждый большой городъ заключаетъ въ себѣ цѣлую картину того или другого культурнаго состоянія всего края, центромъ котораго онъ является: переходя отъ главныхъ улицъ, гдѣ сосредоточиваются продукты высшей культуры, къ окраинамъ, вы проходите чрезъ цѣлый рядъ переходныхъ ступеней, пока не дойдете до того мѣста, гдѣ городъ сливается уже съ деревней; всѣ эти переходныя ступени носятъ свои особыя характерныя черты, соединеніе ихъ только и можетъ дать ясное понятіе о физіономіи города. Замѣчанія эти касаются какъ построекъ, такъ и населенія; особенная бѣдность чувствуется по отношенію къ послѣднему, а вѣдь типы, внѣшній видъ обитателей такъ-же являются характерными для даннаго города, какъ и его постройки. Упомина-

емъ еще объ одномъ обстоятельствѣ: города быстро застраиваются, мѣняютъ свой внѣшній видъ, старыя зданія, типичныя для своего времени, уступаютъ мѣсто новымъ, уничтожаются массами,—на нихъ то и слѣдуетъ обратить вниманіе фотографамъ. Выскажемъ по этому поводу въ нѣкоторомъ родѣ «идеальное» пожеланіе, которое, однако, при извѣстныхъ условіяхъ, можетъ оказаться исполнимымъ; при современномъ развитіи фотографіи и при большомъ числѣ лицъ, занимающихся ею, намъ кажется, можно приступить къ съемкѣ и *всего города*; по отношенію къ небольшимъ городамъ это даже легко исполнимо.

По этому поводу намъ вспоминаются старые планы городовъ, напр. XVII или XVIII вв.; тогда не довольствовались тѣмъ, что представляетъ изъ себя современный планъ, т. е. рядомъ условныхъ линій и знаковъ въ извѣстномъ сочетаніи,—для того чтобы дать болѣе наглядное понятіе о данномъ городѣ или крѣпости, на планѣ помѣщались также изображенія главныхъ зданій, иногда цѣлыхъ улицъ, съ размѣщеніемъ ихъ на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они находились въ дѣйствительности, а иногда и съ сохраненіемъ особенностей построекъ, присущихъ данному времени; конечно, съ технической стороны такіе планы по большей части мало удовлетворительны, чего трудно было бы и требовать, но за то по нимъ можно составить представленіе и о внѣшнемъ видѣ города. Такое совмѣщеніе въ настоящее время, разумѣется, едвали можетъ быть допущено, такъ какъ оно несомнѣнно повредило-бы точности плана, но, съ другой стороны, оставивши въ покоѣ планы, путемъ фотографіи можно получить цѣлый рядъ панорамъ даннаго города--его улицъ, площадей, окрестностей, которыя восполнятъ этотъ недостатокъ. Попытки такого рода имѣли уже мѣсто и увѣнчались успѣхомъ. Единичными усиліями здѣсь едвали можно много сдѣлать, но, при извѣстномъ числѣ лицъ, при извѣстной организаціи, которую могли бы взять на себя довольно многочисленныя въ настоящее время фотографическія общества, дѣло представляется намъ вполнѣ возможнымъ. Чтобы далеко не ходить—возьмемъ нашъ древній Кіевъ; трудно, кажется, найти другой городъ, гдѣ бы мѣстоположеніе, разнообразіе видовъ, чудныя окрестности давали столько матеріала фотографу, какъ дается здѣсь, все это такъ и просится быть закрѣпленнымъ во всей своей цѣлостности.

Изъ города переѣдемъ въ деревню. Мы намѣрены остановиться здѣсь подольше. Скажемъ, прежде всего, что именно здѣсь дѣя-

тельность фотографа-любителя можетъ быть наиболѣе плодотворной, является наиболѣе желательной. Говоря такъ, имѣемъ въ виду изученіе народной жизни. Нельзя отрицать того, что въ этомъ направленіи многое уже сдѣлано: вниманіе обращалось главнымъ образомъ на духовную сторону жизни, изучалось міровоззрѣніе народа, выразившееся въ легендахъ, сказкахъ, пѣсняхъ, обрядахъ и т. д. Не забывалась и внѣшняя сторона, но, къ сожалѣнію, сравнительно съ первой, здѣсь замѣчаются большіе пробѣлы: не говоря уже о работахъ обобщающаго характера, отсутствуетъ даже сырой матеріалъ, на основаніи котораго можно дѣлать общія заключенія, а если и есть, то въ очень незначительномъ количествѣ.

Въ послѣднее время интересъ къ изученію матеріальной стороны жизни понемногу усиливается, ему отводится надлежащее мѣсто, матеріалъ пополняется.—Этому послѣднему обстоятельству много способствовала фотографія, давшая въ руки этнографа легкій способъ переносить на бумагу изучаемый предметъ, а это является необходимымъ, такъ какъ однѣ описанія никогда не дадутъ полнаго и яснаго представленія о предметѣ; и теперь, можно сказать, почти каждый этнографъ, лично наблюдающій народную жизнь, обязательно запасается фотографическимъ аппаратомъ. Но людей, занимающихся этой наукой, въ общемъ очень немного, поле же для наблюденій громадно, и въ данномъ случаѣ помощь фотографовъ-любителей явится какъ нельзя болѣе кстати. Повторяемъ—тутъ не нужно никакой спеціальной подготовки, каждый, кто отнесется болѣе или менѣе внимательно къ дѣлу, принесетъ несомнѣнную долю пользы. Перечислимъ, что собственно заслуживаетъ вниманія для вышеуказанной цѣли.

Хотя, въ данномъ случаѣ, главнымъ объектомъ являются человѣкъ и результаты его дѣятельности, но такъ какъ складъ жизни находится въ тѣсной связи съ природными условіями каждой данной мѣстности, то *картины природы*, рисующія различныя особенности ея, должны составить какъ-бы фонъ для послѣдующихъ иллюстрацій. Далѣе слѣдуютъ мѣста, гдѣ сосредоточивается жизнь—въ настоящемъ случаѣ—село, деревня, хуторъ и т. п. Желательно было бы имѣть *общій видъ*; онъ даетъ возможность видѣть, какъ располагаются составныя части того или другого поселенія—усадьбы, дворы; это также имѣетъ свое значеніе, такъ какъ каждому народу и даже болѣе мелкимъ подраздѣленіямъ его присущъ свой особенный способъ располагать жилища; если, напр., мы возьмемъ

для сравненія великорусское и малорусское село, то разница бросается въ глаза: въ первомъ—скученность построекъ, избъ составляетъ «порядокъ», во второмъ—разбросанность. Послѣ общаго вида наступаетъ очередь *отдѣльной усадьбы*. Тутъ, конечно, трудно будетъ ограничиться однимъ снимкомъ, такъ какъ важно знать взаимное расположеніе построекъ, находящихся въ усадьбѣ или дворѣ; для большей наглядности къ такимъ снимкамъ можно приложить и планъ хотя какого-ниб. одного двора, что очень легко сдѣлать.

Изъ отдѣльныхъ построекъ на первомъ мѣстѣ стоитъ жилое помѣщеніе, изба; кромѣ наружнаго вида, интересно имѣть и внутренній; при съемкѣ построекъ *слѣдуетъ записать и мѣстныя названія ихъ*. Это замѣчаніе относится и къ дальнѣйшему, когда мы коснемся костюма; при удачныхъ снимкахъ двора, гдѣ надворныя постройки выйдутъ отчетливо, можно этимъ и ограничиться, хотя конечно не будутъ лишними и самостоятельные снимки съ нихъ. Отъ этихъ крупныхъ предметовъ можно перейти къ болѣе мелкимъ: снять разновидности *изгородей*, которыя для каждой данной мѣстности являются характерными, *предметы и орудія хозяйства*: возъ, сани, плугъ, соху, борону, ткацкій станокъ и т. п. также записывая названія, какъ цѣлаго предмета, такъ и составныхъ частей его. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ существуютъ какіе ниб. *промыслы или ремесла* можно обратить вниманіе и на нихъ, снять орудія и инструменты, напр. при существованіи рыболовства—типы лодокъ, сѣти, можно выбрать нѣсколько моментовъ во время самой работы; принадлежностью каждаго почти села являются мельницы—вѣтряныя или водяныя,—и онѣ должны занять мѣсто въ ряду другихъ снимковъ; будетъ безполезнымъ дѣлать подробный перечень всего—поле обширно, сама жизнь, при знакомствѣ съ ней, дастъ любознательному фотографу массу темъ.

Обращаясь къ жителямъ того или другого поселенія, съемку можно производить въ двухъ направленіяхъ: сдѣлать рядъ фотографій, рисующихъ *типы* мѣстнаго населенія,—тутъ обращается вниманіе главнымъ образомъ на лицо, и можно ограничиться погрудными изображеніями, *снимая en face и въ профиль;* если-же дѣлать снимки съ цѣлью получить изображенія *костюмовъ*, то нужно снимать во весь ростъ. Всѣмъ извѣстно какъ разнообразенъ костюмъ сельскаго населенія; разнообразіе это наблюдается какъ по отношенію къ различнымъ мѣстностямъ (такой, напр., сравнительно небольшой территоріальный единицы, какъ губернія, а иногда даже и

уѣздъ), такъ и въ предѣлахъ одного какого-ниб. поселенія, и въ этомъ послѣднемъ случаѣ слѣдуетъ различать костюмъ *стариковъ, взрослыхъ* и *дѣтей*, костюмъ *замужней женщины* и *дѣвушки*, *праздничную* одежду и *будничную*. Для того, чтобы составить болѣе полное понятіе *о покроѣ*, о характерѣ головныхъ уборовъ женщинъ и т. п., желательно дѣлать снимки спереди и сзади; не ограничиваясь снимками съ отдѣльныхъ лицъ, можно снимать группы, а если есть возможность снимать моментально, то снимать группы въ движеніи, напр. во время праздничныхъ гуляній и т. д. Простой людъ не составляетъ всего населенія села, въ немъ почти всегда есть и другіе элементы, т. н. «деревенская аристократія»,—и ее нужно включить въ программу, слѣдуя тому-же пути, т. е. снимая типы, костюмы, жилища.

Наконецъ, остаются еще различныя мѣстныя достопримѣчательности, какъ напр. урочища, чѣмъ либо ознаменованные памятники старины—церкви, развалины укрѣпленій, городища, курганы и т. п.; такого рода памятниковъ, особенно у насъ на югѣ,—много, ихъ можно встрѣтить почти въ каждомъ селѣ,—они также заслуживаютъ вниманія фотографа.

Наша программа вышла довольно поверхностной и разбросанной, да мы и не заботились о полнотѣ; намъ кажется, что этимъ вопросомъ пора-бы заняться какому-ниб. этнографическому обществу или изданію и выработать подробную программу для фотографовъ; при помощи послѣднихъ можно получить много цѣннаго матеріала для науки.

Въ настоящемъ случаѣ, если даже будетъ выполнена только часть намѣченныхъ выше темъ, и если въ результатѣ пребыванія фотографа-любителя въ деревнѣ или на дачѣ получится небольшой альбомъ фотографій какой-ниб. мѣстности, то, помимо личнаго удовольствія для автора, такая работа будетъ имѣть и болѣе общее значеніе.

Насъ могутъ спросить: что-же дѣлать съ такими фотографіями, куда ихъ направить? Не говоря о заграницѣ, и въ Россіи есть нѣсколько учрежденій, гдѣ такіе альбомы и даже отдѣльные снимки, сдѣланные по извѣстной программѣ, съ опредѣленной цѣлью, будутъ приняты съ благодарностью: укажемъ главныя: Академія Наукъ, Имп. Русское Географическое Общество—въ Петербургѣ, Общество

любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, Географическій кабинетъ при университетѣ—въ Москвѣ. Что же касается Кіева, то можно надѣяться, что устраиваемый въ настоящее время Кіевскій историко-художественно-промышленный Музей явится мѣстомъ, гдѣ будутъ сосредоточиваться и такого рода снимки, какъ характеризующіе мѣстную жизнь и природу.

Н. Бѣляшевскій.

Раввинскія книги временъ Хмельницкаго. Въ раввинскихъ книгахъ временъ Хмельницкаго разбросанъ между прочимъ матеріалъ для исторіи преслѣдованій евреевъ въ Украйнѣ въ ту эпоху. Такъ напримѣръ, нѣкоторыя данныя объ избіеніи евреевъ козаками находимъ въ респонсахъ Никольбургскаго раввина Менахемъ-Менделя, жившаго въ означенную эпоху. Тудъ содержатся показанія свидѣтелей объ убитыхъ евреяхъ въ 1648 г., свидѣтелей, допрошенныхъ съ цѣлью установленія правъ оставшихся женъ выходить вторично замужъ:

1) Явилась къ намъ женщина по имени Сара, дочь Мордхова, оплакивающая убитаго мужа ея Евеля во время рѣзни 1648 г. въ Полонномъ, въ присутствіи ея и сестры ея Златы, тутъ же стоявшей. Существенное ихъ показаніе было слѣдующее. Злата сказала: «она, Евель съ женой и съ сестрой ея Сарой, еще одинъ человѣкъ, мужъ ея родственницы, еще одинъ человѣкъ и нѣсколько женщинъ были спрятаны въ тѣсной комнаткѣ; явились козаки, убили мущинъ, изувѣчили женщинъ, не убивъ ихъ до смерти, говоря, что женщинамъ довольно идти по міру нищими. Ни она, ни сестра ея не тронулись съ своихъ мѣстъ, видѣли, какъ убійцы обшаривали одежды убитыхъ, ища денегъ и драгоцѣнностей. На мой вопросъ: чѣмъ убили Евеля? она отвѣтила, что убивавшихъ было нѣсколько—у кого была палка, у кого топоръ, у кого мечъ... На вопросъ: что потомъ сдѣлали съ убитымъ Евелемъ? она отвѣтила, что не знаетъ; быть можетъ, собаки сожрали, свиньи утащили, или же былъ погребенъ въ числѣ другихъ убитыхъ, такъ какъ потомъ необрѣзанные выкопали ямы и бросили туда убитыхъ.

Показаніе Сары, хотя различное по оборотамъ рѣчи, но по существу вполнѣ тождественно съ показаніемъ ея сестры. 4-го Элула 5413 (1656 г.)

---

2) Свидѣтельское показаніе объ убитомъ Герцѣ изъ Чуданова.

а) Аронъ, сынъ Нафтулевъ, показалъ передъ раввинскимъ судомъ въ Никольсбергѣ слѣдующее: Герцъ проживалъ въ Чудновѣ, жена его была моя двоюродная сестра; когда ворвались козаки, мы бѣжали въ Полонное. Я и оттуда бѣжалъ, а Герцъ остался тамъ съ женой и малымъ ребенкомъ. Услышавъ, что край умиротворенъ, мы отправились въ Острогъ, тамъ застали дочерей тети моей, сестеръ жены Герца, и разспросили ихъ о спасенныхъ: кто именно остался въ живыхъ, кто убитъ и гдѣ ихъ мужья. На это женщины отвѣтили, что гдѣ ихъ мужья, онѣ не знаютъ, такъ какъ они оттуда бѣжали; что же касается шурина нашего Герца, то мы знаемъ навѣрно, что онъ убитъ, а именно—убійство произошло въ среду; мы были тогда спрятаны. Въ четвергъ пошелъ слухъ, что спасшимся ничего больше не сдѣлаютъ, и они могутъ выйти. Въ пятницу мы пошли розыскивать родственниковъ и по одной улицѣ нашли Герца съ женой и малымъ ребенкомъ, лежащихъ рядомъ.

б) Представились суду Самуилъ, тесть упомянутаго Герца, и одинъ родственникъ Герца по дѣлу объ оставшемся послѣ Герца въ Чудновѣ домѣ. Самуилъ показывалъ, что раньше былъ убитъ Герцъ, затѣмъ уже дочь его, жена Герца, такъ что онъ долженъ наслѣдовать своей дочери; родственникъ показывалъ, что жена Герца была раньше убита, а онъ—наслѣдникъ Герца. Каждый изъ нихъ представлялъ свидѣтелями насильно окрещенныхъ евреевъ во время погромовъ, а потомъ вернувшихся въ лоно своей вѣры. Рѣшили, чтобы стороны подѣлились домомъ за невозможностью въ точности доказать, кто былъ раньше убитъ.

в) Дочь убитаго, дѣвочка 12 лѣтъ, показала: отецъ мой убитъ въ Полонномъ; нельзя было проходить отъ обилія труповъ. Козаки объявили, что, по причинѣ страха, похоронятъ всѣхъ убитыхъ. Евреи и не евреи лежали въ свалку, а собаки грызли ихъ. Всякій розыскивалъ родственниковъ. Я узнала отца моего, и при мнѣ его похоронили. Никольсбургъ (1654 г.)

---

3) Передъ нами, въ судебное засѣданіе изъ трехъ судей, явился Рувинъ, сынъ мученика Ицхока изъ *Лохвицы*, и показалъ: знаю эту женщину, по имени Бунка. Мужа ея звали Іосифъ; проживали они въ Буржѣ гдѣ проживалъ и братъ мой Перецъ. При вторженіи козаковъ бѣжалъ я съ семьей изъ Лохвицы въ Буржу, куда сбѣжались

евреи изъ многихъ окрестныхъ городовъ. Это было до праздника пятидесятницы 5408 г. Въ среду 4 дня послѣ праздника пришли негодяи и въ Буржу и въ ночь на четвергъ учинили нападенія на пріѣзжихъ евреевъ съ убійствами и рѣзнями. На утро мы совѣщались съ братомъ Перецомъ, который заявилъ, что одинъ знакомый мужикъ обѣщалъ ему безопасный пріютъ; и знаю я въ точности, что Іосифъ былъ убитъ въ четвергъ работникомъ его, прислуживавшимъ въ шинкѣ. При мнѣ зарѣзалъ его работникъ на порогѣ дома, приговаривая при рѣзаніи: помнишь, какъ билъ меня за неисправность,— вотъ моя месть. Черезъ 2 недѣли атаманъ приказалъ хоронить убитыхъ, и мы уложили всѣхъ въ одну могилу. Мы же прятались у одного мужика среди свиней и т. д.

Надо замѣтить, что разслѣдованія раввиновъ въ вопросахъ, касающихся констатированія факта смерти мужа для предоставленія женѣ права вторичнаго выхода замужъ,—бываютъ особенно тщательны, почему документамъ, подобнымъ вышеприведеннымъ, можно вполнѣ довѣрять.

Сообщ. **М. Затуловскій.**

Подписка на памятникъ И. П. Котляревскому въ Полтавѣ.

Въ теченіе мая мѣсяца въ контору нашей редакціи поступили вновь пожертвованія отъ слѣдующихъ лицъ: Н. В. Стороженка—10 р. 37 к., Е. К. Трегубова—6 р. 60 к., Ю. Г. К.—1 р., М. Т.—1 р., В. В.—50 к., В. Л.—50 к., Д. А.—50 к.,—всего въ маѣ мѣсяцѣ 20 р. 47 к., что вмѣстѣ съ прежними 509 р. 35 к. (см. № 5) составитъ 529 р. 82 к., которые и отправлены въ Полтаву.

Библіографія.

Жизнь и труды М. П. Погодина. Ник. Барсукова. Кн. десятая. Спб. 8°. VIII+583 стр.

Послѣ нѣкотораго перерыва появилась десятая книга интереснаго труда г. Барсукова съ увѣдомленіемъ, что издана эта книга на средства пот. поч. гражд. А. Н. Мамонтова, «бывшаго желѣзнодорожнаго дѣятеля и коммерсанта въ Москвѣ», а нынѣ слѣпого 64-тилѣтняго старика»... Благо, что есть такіе люди между «коммерсантами». Въ настоящей книгѣ, описывающей 1848—1849 г.г., имѣется немало свѣдѣній, интересныхъ для «Кіевской Старины», иногда впрочемъ очень краткихъ, какъ напр. о задуманномъ было Максимовичемъ этнографическомъ путешествіи, которое предполагалось сдѣлать на счетъ географическаго общества. Не состоялось путешествіе по недостатку средствъ. Любопытно письмо Максимовича къ Погодину объ участіи его въ составленіи извѣстной книги «Обозрѣніе Кіева». «Въ 1847 г.», говоритъ М—чъ, —«когда транспортъ съ рисунками для *Обозрѣнія* былъ уже на пути изъ Парижа, вызвали и меня съ Михайловой Горы въ Кіевъ. Памятно для меня 15-е мая. Ночевавши въ Броварахъ, я рано утромъ пріѣхалъ къ Днѣпру. Онъ былъ тогда въ полномъ разливѣ, а на паромахъ переправляли цѣлую дивизію, и мнѣ приходилось дожидаться до слѣдующаго дня. Но тогда козакъ Осьмакъ, содержатель перевоза, и товарищъ его Скокъ, поспѣшали въ Кіевъ на торги и предложили мнѣ оставить бричку мою на берегу до завтра, а самому отправиться съ ними. Солнце свѣтило ярко, но вѣтеръ былъ сильный, и волны на Днѣпрѣ клубились барашками, а лодка была крошечная душегубка... Кое-какъ усѣлся я въ ней самъ-третій, между двухъ козаковъ. Жутко было мнѣ, пока отплывали отъ берега. Онъ глотаетъ людей, какъ мухъ—говоритъ Гоголь о взволно-

вавшемся Днѣпрѣ. Но когда мы уже очутились надъ самою глубиною Днѣпра, мнѣ стало необычайно легко и безпечно. Живо мнѣ тогда воображались и твои варяги, и мои запорожцы, нѣкогда сновавшіе по здѣшнимъ волнамъ. А эти горы—ненаглядныя святыя кіевскія горы!... Того-же дня вручено мнѣ было *Обозрѣніе* Кіева, съ тѣмъ чтобы напечатать его въ два мѣсяца, къ царскому пріѣзду; и я охотно взялся за это дѣло. Печатая готовый текстъ *Обозрѣнія*, кое-гдѣ исправленный рукою Фундуклея, я написалъ передовой очеркъ Кіева и пополнилъ примѣчанія изъ матеріаловъ, приготовленныхъ для третьей книги моего *Кіевлянина*. Туда вошли: мои выписки трехъ записей изъ Никольск. Евангелія 1411 г., листъ князя К. К. Острожскаго на гору Щекавицу, сообщенный мнѣ Зубрицкимъ, и проч. Къ половинѣ іюля, къ Владимірову дню, *Обозрѣніе Кіева* будетъ совсѣмъ готово въ великолѣпныхъ переплетахъ Штробиндера».

За симъ въ настоящей книгѣ немало свѣдѣній о Бодянскомъ, особенно о постигшей его катастрофѣ послѣ напечатанія въ *Чтеніяхъ* перевода Флетчера. Погодинъ не переносилъ Бодянскаго, не стѣснявшагося въ указаніи недостатковъ промышленнаго ученаго.—«Я узналъ давно документально эту бестію предателя»—пишетъ Погодинъ Шевыреву о Бодянскомъ. Шевыревъ возражаетъ противъ столь сильныхъ выраженій... Погодинъ отвѣчаетъ: «вмѣсто *б.... и* (бестіи?) *читай Мазепа*». Личныхъ отношеній съ Бодянскимъ Погодинъ впрочемъ не прерывалъ (стр. 156). Когда въ октябрѣ 1848 г. вышла книжка *Чтеній* съ переводомъ Флетчера, находившійся въ это время въ Москвѣ министръ Уваровъ, «усмотрѣвъ въ сочиненіи Флетчера неодобрительные отзывы о русскомъ правительствѣ и духовенствѣ», сдѣлалъ распоряженіе остановить эту книжку *Чтеній* и вырѣзать изъ нея статью Флетчера. Строгановъ, будучи предсѣдателемъ общества, напечатавшаго Флетчера, попробовалъ было объяснить министру неумѣстность его строгости, но безъ успѣха. Строгановъ и Бодянскій (секретарь) оставили общество. Принимавшій непосредственное участіе въ напечатаніи Флетчера кн. Оболенскій разсказывалъ, что *донось о печатаніи Флетчера* подали Уварову Погодинъ и Шевыревъ... Біографъ Погодина называетъ этотъ слухъ клеветою, въ доказательство чего приводитъ письмо Бодянскаго къ Погодину, писанное уже послѣ распоряженія о переводѣ его въ Казань (стр., 163). Другіе доносителемъ по дѣлу Флетчера называли Снегирева... Во всякомъ случаѣ доноситель понималъ, что, вслѣдствіе враждебныхъ своихъ отношеній къ Строганову, Уваровъ воспользуется

доносомъ... Искупительною жертвою этой вражды явился Бодянскій; его перевели въ Казань на мѣсто Григоровича (В. И.), котораго перемѣстили въ Москву. Бодянскій просилъ Уварова оставить его въ Москвѣ на какой бы то ни было должности, указывая, что въ своей подпискѣ о службѣ за заграничную поѣздку онъ обязывался прослужить въ должности преподавателя при московскомъ у—тѣ, *а не безусловно по назначенію начальства*... Далѣе въ своемъ письмѣ Бодянскій говорилъ: «не страшась еще разъ встрѣтиться съ знакомой мнѣ бѣдностью, изъ одного желанія сохранить безцвѣтную и горестную жизнь мою и чрезъ то не подвергнуться утратѣ двухъ моихъ единственныхъ сокровищъ въ мірѣ, бѣдной моей матери и богатой библіотеки, я умоляю ваше с—во обратить на меня свое милостивое вниманіе. Родясь въ скудости и одинокій, я буду доволенъ весьма малымъ, буду жить только для своей науки, для бѣдной удрученной дряхлостью и горемъ матери старушки, увѣренный, что въ случаѣ крайности, ваше с—во не откажете мнѣ въ возможности по силамъ своимъ и положенію, исполнить обязательство, данное мною нѣкогда начальству подъ извѣстнымъ условіемъ, назначивъ, какое вы заблагоразсудите мѣсто въ Москвѣ, хотя-бы то приходского учителя». При поддержкѣ Строганова, Бодянскаго освободили отъ перемѣщенія въ Казань, и онъ былъ «уволенъ отъ службы и, во уваженіе болѣзненнаго состоянія, освобожденъ отъ обязанности дослужить недостающее противъ данной имъ подписки число лѣтъ въ вѣдомствѣ м-ва нар. просвѣщенія». Интересно письмо, которое писалъ Кубаревъ къ Сахарову по поводу ухода Бодянскаго изъ секретарства общества (стр. 179). Упрекая Бодянскаго за его «дерзости» по отношенію къ обществу, Кубаревъ говоритъ: «наконецъ, чѣмъ сдѣлались *Чтенія*? Сбродомъ всякой всячины и сокровищницею былей и небылицъ хохлацкихъ! Такъ что самое доброе, что есть въ нихъ, совершенно теряется въ этомъ навозѣ. Какъ я обрадовался было, что Богъ внушилъ благую мысль министру очистить университетъ, столицу и *Общество* отъ этой скверны.... Присоедините (къ качеству Бодянскаго) хохлацкую грубость, упорство и деревенщину—и вы увидите, что негодованіе мое (противъ Бодянскаго) справедливо... Прибавилъ бы я вамъ еще тысячу непристойностей Бодянскаго, но письмо будетъ тетрадью... Не любили Бодянскаго за его неуступчивый характеръ и за твердость въ отстаиваніи, какъ своихъ личныхъ правъ, такъ и всякаго рода интересовъ, ему ввѣренныхъ».

Любопытно письмо «историка» Маркевича (Н. А.), писанное къ Погодину въ к. 1849 г., въ отвѣтъ на какое-то его посланіе. «Получилъ я письмо ваше. Оно для меня было истинной усладой въ нынѣшнемъ горестномъ состояніи отечественной словесности; по немъ увидѣлъ я, что есть еще люди готовые стать за имена, приносящія честь родинѣ. Великіе писатели—тѣ же дѣятели; возвышая душу, они увлекаютъ соотечественниковъ къ добру, и, слѣдовательно, они благодѣтели народа, а неблагодарность къ благодѣтелямъ не только грѣхъ, но безчестіе. «Юридическая иронія давности не признается жизнью; совсѣмъ напротивъ, давность съ точки зрѣнія природы даетъ только одно право—право смерти». Это слова *Отечеств. Записокъ*: *Письма объ изученіи природы* [1]). Оставя въ сторонѣ варварскій слогъ этой буйной выходки, вникните въ смыслъ: Жуковскому 67 лѣтъ; заслуги его въ отечественной исторіи поэтому ничтожны; то, что̀ увлекало насъ въ великую войну, то, что̀ возвышало душу цѣлаго поколѣнія, стало ничтожнымъ. У него нѣтъ правъ на благодарность нашу, ему 67 лѣтъ. У него остается право—умереть... И мы молчимъ. Но подобныхъ литераторовъ должно клеймить, не жалѣя ни лбовъ, ни штемпелей»... Далѣе Маркевичъ предлагаетъ Погодину для *Москвитянина* рядъ статей, въ которыхъ онъ «объявляетъ войну за русскій языкъ, за людей, дѣлающихъ честь и славу соотечественникамъ, за росское начало»... Несомнѣнно, что «историкъ» считалъ себя и «литераторомъ»... Архіеп. Филаретъ Гумилевскій, задумавъ свое *описаніе харьковской епархіи*, писалъ въ 1849 г. къ извѣстному Горскому (А. В.), изъ Харькова: «Благодареніе Господу, здѣсь я покоенъ (послѣ Риги). Около двухъ мѣсяцевъ употребилъ на обзоръ епархіи. Однимъ изъ первыхъ дѣлъ моихъ по пріѣздѣ въ Харьковъ было то, что предписалъ я окружно всѣмъ священникамъ завесть тетради для записыванія и описанія дѣлъ и случаевъ мѣстной церкви... Въ душѣ есть желаніе составить описаніе харьковской епархіи. Думаю, что это будетъ занимательная картина, не безъ интереса для всѣхъ и особенно для друзей церкви русской. Жаль, что доселѣ рѣшительно ни въ одномъ мѣстѣ не было написано ни строчки. Что дѣлать? Здѣшній край имѣетъ свою исторію, съ своими красками и штрихами»... Черезъ полтора года послѣ этого, архіеп. Филаретъ сообщаетъ тому-же Горскому: «Записки мои о харьковсковской Украинѣ подвигаются впередъ. Нѣкоторыя части почти совсѣмъ отдѣланы, другія-

(1 Герцена.

приближаются къ отдѣлкѣ. Къ сожалѣнію, много матеріаловъ древнихъ то погибло въ огнѣ, то затеряно небрежностью. Напримѣръ, какъ вамъ покажется слѣдующее распоряженіе преосвященнаго Владиміра (впослѣдствіи Казанскаго, а передъ тѣмъ Курскаго)? Въ Бѣлгородъ собраны были святителемъ Іоасафомъ[1]) старинныя богослужебныя книги, печатанныя въ польско-литовскихъ типографіяхъ, по подозрѣнію ихъ въ неправославіи и ошибкахъ. Книги хранились неприкосновенно въ главѣ соборной (бывшей каѳедральной) церкви. Преосвященный Владиміръ приказалъ свезть ихъ въ рѣку Донецъ, и воля владычная исполнена. Признаюсь, мнѣ больно было узнать объ этомъ, когда доискивался я по бумагамъ о судьбѣ отобранныхъ изъ Украины книгъ. Если такъ распорядился епископъ, что думать остается о священникахъ? По многимъ здѣшнимъ церквамъ были царскія жалованныя грамоты, какъ видно по дѣламъ. Но теперь ихъ уже нѣтъ. Съ ними, конечно, поступили по примѣру владыки Владиміра»...

Въ концѣ своей книги г. Барсуковъ сообщаетъ свѣдѣнія о возвращеніи Бодянскаго на прежнюю кафедру, но эти свѣдѣнія, какъ большею частью взятыя изъ напечатанныхъ уже раньше отрывковъ дневника Бодянского, почти ничего новаго не представляютъ. Вскорѣ послѣ возвращенія Бодянскаго въ университетъ Хомяковъ писалъ Попову (А. Н.): «Бодянскій, вступивъ снова въ университетъ, грызется неприличнымъ образомъ съ Шевыревымъ». «Неистовый» славистъ не могъ жить въ мірѣ съ Погодинымъ и его присными.... Оканчивая выписки изъ десятой книги г. Барсукова, пожелаемъ автору успѣха въ скорѣйшемъ появленіи слѣдующихъ.

Отношенія между Запорожьемъ и Крымомъ. Л. Львова.

(Записки Крымскаго Горн. Клуба 1895 г., №№ 3 и 6—12) Статья г. Львова представляетъ собою обстоятельно составленный очеркъ, при чемъ авторъ воспользовался едвали не всѣмъ печатнымъ матеріаломъ. «Причины невозможности для Запорожья обходиться безъ постоянныхъ сношеній съ Крымомъ, говоритъ авторъ, были какъ экономическія, такъ и политическаго характера». Постоянная готовность Запорожья поддерживать всѣ народныя движенія Малороссіи противъ вводимой поляками шляхетской культуры и католицизма вызывала систематическое преслѣдованіе его со стороны Польши.

[1]) Горленкомъ въ пол. XVIII в.

Козачество малороссійское и запорожское искало въ такихъ случаяхъ помощи у своихъ сѣверо-восточныхъ и южныхъ сосѣдей. Вся политика козачества, находившагося подъ вліяніемъ сильныхъ сосѣдей: Польши, Москвы, Крыма и отчасти Турціи, состояла въ сущности въ стараніи уравновѣсить насколько возможно силы этихъ сосѣдей. Въ особенности по отношенію къ Крыму козачество, по крайней мѣрѣ наиболѣе дальновидные вожди, старались быть послѣдовательными въ этомъ отношеніи. Изучая исторію Смуты втор. полов. XVII в., мы часто видимъ боязнь козаковъ малороссійскихъ дать сильный перевѣсъ тому государству, подъ властью котораго они находились, будь то Москва или Польша. Исторія войнъ этого времени наполнена измѣнами, нарушеніями договоровъ и т. п. Козаки какъ будто боятся ухудшенія своего положенія по произволу побѣдителя и стараются, чтобы никто таковымъ не оказался. Чтоже касается до Крыма, то въ поступкахъ и словахъ козаковъ, въ особенности запорожцевъ, видно совершенно ясное сознаніе того, что самое существованіе козачества обусловлено только существованіемъ крымскаго ханства, и въ продолженіе своей исторіи Запорожье становится къ Крыму попеременно въ положеніе врага, союзника и подданнаго».

Пересказавъ въ связномъ порядкѣ факты политической жизни Запорожья и его отношеній къ Крымскимъ татарамъ, мирнымъ и не мирнымъ, авторъ подробно останавливается на торговыхъ сношеніяхъ Запорожья съ татарами, какъ «одномъ изъ важнѣйшихъ факторовъ» ихъ сближенія. Эта часть очерка г. Львова и представляетъ наиболѣе подробное до сихъ поръ обслѣдованіе экономической жизни Запорожья. Въ очеркѣ запорожской торговли болѣе всего приведено данныхъ о соляной торговлѣ. «Соляная торговля, какъ крупный источникъ доходовъ хана, была также важнымъ оружіемъ въ рукахъ Запорожья: въ случаѣ недовольства мѣропріятіями хана, Сѣчь лишаетъ его доходовъ, задерживая солевозовъ»... Подробно разсказываетъ г. Львовъ и о рыболовномъ промыслѣ Запорожья.

Подводя итоги историческаго сосѣдства Запорожья съ Крымомъ, г. Львовъ такъ заключаетъ свой очеркъ: «разсказанные факты рисуютъ Запорожье не только какъ пограничную стражу культурныхъ государствъ противъ татаръ, или какъ народную силу, поддерживающую всѣ движенія народа. Они доказываютъ, что Запорожье было самостоятельной общиной, имѣвшей свою культуру, обычаи, своеобразную жизнь и интересы, не всегда совпадавшіе съ интересами окраинаго края;—общиной, самое существованіе которой обусловливалось

существованіемъ Крыма, и понимавшей это;—общиной, черпавшей частью оттуда свою культуру, тактику, даже личный составъ и средства къ существованію. Все это поясняетъ намъ тѣ историческія извѣстія, гдѣ запорожцы являются иногда измѣнниками родины и пособниками хановъ. Факты эти уясняютъ намъ, наконецъ, самый духъ Запорожья, въ силу котораго козаки явились наслѣдниками древнихъ обитателей Приднѣпровья. Факты инкорпораціи русскимъ населеніемъ сосѣдей, даже хищныхъ азіатскихъ племенъ, какъ Торки, Берендѣи, черные клобуки и др. въ удѣльный періодъ, также татары, поселенные въ числѣ 200000 человѣкъ въ предѣлахъ Подоліи при Витовтѣ; фактъ распространенности среди запорожцевъ прозвищъ, указывающихъ на татарское происхожденіе и прямо татарскихъ; наконецъ, дѣло о «тумахъ» татарскихъ плѣнныхъ или перебѣжчикахъ, оставшихся въ Сѣчи на жительство—все это доказываетъ, что непосредственное сосѣдство русскаго и татарскаго племени, не смотря на многовѣковую борьбу, все время продолжало дѣйствовать сближающимъ образомъ. Самая борьба не развила здѣсь фанатической ненависти къ иновѣрцамъ, подобно той, какая являлась во время завоевательнаго движенія германцевъ въ Пруссіи и другихъ странахъ, или во время борьбы испанцевъ съ маврами. Козаки, первые бойцы противъ татаръ, въ концѣ своего политическаго поприща являются связывающимъ звеномъ между ними и покорителемъ—государствомъ; въ 1770 г. они перевозятъ черезъ Днѣпръ ногайцевъ, покорившихся Россіи, и доставляютъ имъ запасы. Наконецъ, самый послѣдній фактъ исторіи запорожцевъ, уходъ ихъ въ Турцію въ 1775 г., когда память о подчиненіи мусульманъ не могла не быть свѣжею, доказываетъ, что ненависть къ магометанскому міру не составляла преобладающей черты козачества и легко заглушалась болѣе сильными интересами». Очень жаль, что статья г. Львова напечатана въ такомъ малораспространенномъ и почти неизвѣстномъ изданіи.

Bibliografia historyi polskiej. Wspólnie z dr. Henrykiem Sawczyńskim i członkami Kółka historycznego uczniów Uniwersytetu lwow. zebrał i ułożył dr. Ludwik Finkel. Część II.—Zeszyt I. W Krakowie 1895. Str. 529—688.

Въ октябрьской книгѣ «Кіевской Старины» за 1893 г. (№ 10, стр. 173—176) была помѣщена обстоятельная рецензія на первую

часть этой книги профессора Варшавскаго университета Н. Н. Любовича. Авторъ рецензіи подробно выяснилъ въ ней какъ планъ книги, такъ и ея достоинства и недостатки. Въ настоящее время мы отмѣчаемъ выходъ въ свѣтъ ея продолженія. Сужденія проф. Любовича остаются въ своей силѣ и для новаго выпуска, заключающаго въ себѣ слѣдующіе отдѣлы:

I. Географія и этнографія. 1) Географія. А) Всеобщая географія: а) библіографія, повременныя изданія и географическія общества; б) исторія географіи, состояніе науки, энциклопедіи; в) важнѣйшіе учебники, статистика, физическая географія и климатологія; г) картографія, важнѣйшіе атласы. Б) Географія Польши: а) библіографія, повременныя изданія, общества, энциклопедіи, обозрѣнія; б) историческая географія: путешествія, описанія, изслѣдованія; в) области: Великая Польша, Царство Польское, Малая Польша, Силезія, Сяножъ, Червонная Русь, Галиція, Буковина, Подолія, Волынь, Украина, Литва, Пруссія, Поморье, Инфлянты; г) физическая географія: почва, горы, воды, климатъ, царства растеній и животныхъ; д) политическая географія: границы, статистика, обозрѣнія; е) картографія: атласы, карты.

2) Этнографія. А) Всеобщая этнографія: а) библіографія, повременныя изданія, антропологическія и этнографическія общества; б) состояніе науки, теорія ея и учебники этнографіи, в) планъ науки антропологіи, теорія ея и учебники антропологіи; г) доисторическая археологія. Б) Этнографія Польши: а) библіографія, повременныя изданія, обозрѣнія и дѣятели; б) изслѣдованія антропологическо-археологическія; в) доисторическая археологія: повременныя изданія, состояніе науки, съѣзды, выставки и учебники; г) доисторическая археологія: раскопки, курганы, могилы, кладбища (расположены въ порядкѣ областей, составлявшихъ нѣкогда Польшу); д) доисторическая археологія: пещеры, постройки, поселенія; е) доисторическая археологія: утварь, оружія, урны и т. д.; ж) этнологія: Славяне, Поляки, Русскіе, Литвины, Пруссы, Латыши и т. д. (Тѣлосложеніе, одежда, обычаи, говоры, преданія и т. д.); з) колоніи: Нѣмцы, Жиды, Армяне, Татары, Цыгане; и) польскій народъ за предѣлами Польши.

II. Вѣра и церковь. 1) Дохристіанская эпоха: А) сравнительное изученіе религій; Б) миѳологія славянская и литовская. 2) христіанская эпоха: А) исторія католической церкви: а) энциклопедіи, учебники, житія святыхъ; б) исторія папъ, исторія соборовъ; Б) исторія церкви въ Польшѣ: а) учебники по исторіи церкви, житія святыхъ; б) принятіе

христіанства; в) сношенія съ папскимъ престоломъ и съ соборами; г) церковное право: исторія его, литература, организація церкви, должности и иммунитеты, суды, имущественныя права, церковная практика; д) епархіи; е) монашескіе ордена и монастыри; ж) рыцарскіе ордена.

Отмѣтимъ наиболѣе выдающіеся промахи новаго выпуска.

1) Составители библіографіи не имѣли, очевидно, подъ руками многихъ изъ включенныхъ ими въ библіографію сочиненій, а поэтому, при отнесеніи ихъ къ тому или другому отдѣлу, руководились исключительно одними заглавіями ихъ. Этимъ объясняется то, что, напримѣръ, статьи А. М. Лазаревскаго: «Люди старой Малороссіи» (Кіев. Стар. 1882—1888 г.) попали въ число сочиненій по малорусской этнографіи (стр. 614), между тѣмъ какъ онѣ представляютъ строго историческое изслѣдованіе о малороссійскихъ дворянскихъ фамиліяхъ 17 и 18 в.в.

2) Нѣкоторыя сочиненія заняли свое мѣсто въ библіографіи дважды, а другія, очень важныя для даннаго отдѣла, совсѣмъ пропущены. Такъ, напримѣръ, сочиненіе Н. Ф. Сумцова: «О свадебныхъ обрядахъ, преимущественно русскихъ». Харьковъ 1881—помѣщено подъ №№ 11941 и 12017; сочиненіе Кандля (Kandle): «Galizisch-ruthenische Weihnachtsbrauche». Am Urquell 1892.—помѣщено подъ №№ 11886 и 11913. Такое повтореніе одного и того-же сочиненія въ двухъ мѣстахъ напрасно увеличиваетъ только объемъ книги. Между тѣмъ въ ряду сборниковъ малорусскаго этнографическаго матеріала пропущены такія важныя изданія, какъ И. Я. Рудченка: «Народныя южнорусскія сказки», Кіевъ 1869—70 г., и «Чумацкія народныя пѣсни», Кіевъ 1874,—и многія другія.

3) При передачѣ русскихъ заглавій латиницей допущено множество непослѣдовательностей въ правописаніи, а также опечатокъ.

Г. Радкевичъ. Библіографическій указатель Литературы по геологіи губерній кіевскаго учебнаго округа: кіевской, волынской, подольской, черниговской и полтавской. Стр. 1—73. Кіевъ 1896. (Отд. оттискъ изъ Зап. Кіев. Общ. Естествоиспытателей т. XIV, вып. 2.

При составленіи настоящаго указателя авторъ имѣлъ въ виду собрать по возможности всю обширную и крайне разбросанную литературу по геологіи губерній кіевскаго учебнаго Округа и помочь оріенти-

роваться въ ней. Задача эта выполнена авторомъ очень внимательно и успѣшно. Указатель содержитъ 517 номеровъ различныхъ книгъ и статей, начиная съ 1721 года и кончая 1895. Кромѣ статей чисто научныхъ, сюда вошли и популярныя компилятивныя, а также статьи существенно техническаго характера, выясняющія значеніе полезныхъ ископаемыхъ здѣшняго края.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ авторъ кромѣ заглавія приводитъ въ общихъ чертахъ и содержаніе статьи. Въ концѣ книжки находится указатель предметовъ, мѣстностей и авторовъ со ссылкою на соотвѣтствующіе номера, что весьма облегчаетъ наведеніе справокъ.

Каждый интересующійся геологіей здѣшняго края останется благодарнымъ автору, затратившему значительное количество кропотливаго труда при составленіи указателя, объединившаго и значительно дополнившаго списки и обзоры геологической литературы отдѣльныхъ мѣстностей здѣшняго края, при чемъ лишь небольшое число указываемыхъ книгъ и статей (отмѣченныхъ звѣздочкой) авторъ не имѣлъ возможность просмотрѣть въ подлинникѣ [1]).

П. А.

Складка(.) Альманахъ(.) На спомынъ Владымыра Степановыча Александрова. Року Божого 1896. Спорудывъ К. А. Билиловськый. Выдання Левка Григора. Харькивъ. 8°, 271 стр., цѣна 1 р. 25 коп.

Въ «Складкѣ» приняли участіе 16 украинскихъ писателей и, кромѣ того, въ концѣ сборника приложены ноты «Моя могила», вирши Александрова, спивъ М. Лисенко.

Внѣшній видъ сборника довольно изящный, отпечатанъ на хорошей бумагѣ, шрифтомъ чистымъ и не сбитымъ, но корректура продержана плохо. Опечатокъ можно найти сколько угодно и не только въ срединѣ текста, но даже и въ заглавіяхъ. Но это все относится къ внѣшней сторонѣ «Складки»; что же касается ея литературнаго достоинства, то... нужно сказать правду, и съ этой стороны производитъ она не особенно отрадное впечатлѣніе. Сборникъ наполненъ

---

[1]) Есть и пропуски, напр. не упомянута изд. въ 1798 г. (Спб.) книжка Я. М. Марковича—*Записки о Малороссіи, ея жителяхъ и произведеніяхъ*, — въ которой цѣлая глава (стр. 90 – 98) посвящена „исчисленію минераловъ, открытыхъ до сего времени въ Малороссіи". См. „Кіевск. Стар." 1894 г., дек., 371 и слѣд. — *Ред.*

главнымъ образомъ мелкими разсказами и такими же стихотвореніями. Самымъ крупнымъ произведеніемъ по объему является «Маруся Чураивна», драма въ 5 діяхъ и 9 одминахъ В. Самійленка. О ней прежде всего мы и скажемъ нѣсколько словъ. Драма написана на извѣстный сюжетъ отравленія Марусей Грыця. Этой Марусѣ Чураивнѣ преданіе приписываетъ очень много украинскихъ народныхъ пѣсенъ, въ томъ числѣ и пѣсню «Ой не ходы Грыцю на вечорныци». На этомъ основаніи Маруся Чураивна пріобрѣла себѣ титулъ «Украинской писнетворки», а вышеназванная пѣсня ея «Ой не ходы Грыцю» вдохновила нѣкоторыхъ писателей, и на тему эту существуютъ уже драмы Александрова, Старицкаго, Бораковскаго и наконецъ г. Самійленка. У первыхъ двухъ писателей драмы построены на бытовой основѣ народной жизни, у Бораковскаго и Самійленка на исторической подкладкѣ. О драмѣ г. Бораковскаго я умолчу, такъ какъ всѣ его драматическія произведенія слишкомъ слабы, хотя «Маруся Чурай» должна быть отнесена къ самымъ лучшимъ его произведеніямъ. Что же касается драмы г. Самійленка, то прежде всего можно сказать, что написана она прекраснымъ слогомъ и не менѣе прекраснымъ языкомъ. Драма написана прозой и бѣлыми стихами, и послѣдніе, въ нѣкоторыхъ монологахъ, истинно поэтическіе. Что же касается достоинства драмы, какъ произведенія цѣльнаго, то она далеко не удовлетворяетъ всѣмъ тѣмъ условіямъ, какія требуются отъ драмы. Характеры дѣйствующихъ лицъ развиваются не послѣдовательно, а неожиданными прыжками; кромѣ того, очерчены такъ слабо, что всѣ являются почти однохарактерными, и даже главное дѣйствующее лицо—Маруся—почти не оставляетъ по себѣ впечатлѣнія у читателя. Кромѣ того, драма растянута на 5 дѣйствій и 9 картинъ, что для исполненія почти невозможно. Много также монологовъ, которые по своему смыслу и высокому стилю вовсе не соотвѣтствуютъ данному дѣйствующему лицу. Видно, что авторъ не вполнѣ обдумалъ, планъ своего произведенія, а мѣстами и не обработалъ, какъ бы слѣдовало.

Вслѣдъ за драмой Г. Самійленка идетъ одинъ актъ изъ оперы «Вій» Г. Кропивницкаго. Актъ этотъ написанъ не вполнѣ удачными рифмованными стихами и, не отличаясь ничѣмъ особеннымъ отъ заурядныхъ литературныхъ вещей, невольно наводитъ на вопросъ, зачѣмъ и для чего напечатанъ въ «Складкѣ» одинъ только 5-й актъ?

На страницахъ сборника встрѣчаемъ одинъ разсказъ и Г. Мордовцева. Разсказъ этотъ носитъ такое названіе: «Кѣлехъ Карла XII.

Де що пивъ-историчне». Суть разсказа такова: у Г. Мордовцева хранится келехъ (кубокъ), на днѣ котораго вытисненъ портретъ Карла, а вокругъ него надпись: Carolus XII. Rex Sueciae. Келехъ перешелъ къ Г. Мордовцеву по наслѣдству вмѣстѣ съ преданіемъ, что изъ келеха этого пили когда то Карлъ съ Мазепой, а потомъ король подарилъ келехъ предку г. Мордовцева,—вотъ и все. Разсказъ изложенъ на 17 страницахъ и написанъ такъ, что о немъ рѣшительно затрудняешься высказать мнѣніе. Тутъ есть все, и нѣтъ ничего. Мы сознаемъ, что такая оцѣнка разсказа не ясна и не понятна, однако думаемъ, что иначе его и оцѣнить нельзя; если же читатель сомнѣвается въ этомъ, то лучше всего, если онъ самъ прочитаетъ «Келехъ Карла XII».

Лучшими вещами въ «Складкѣ» можно назвать произведенія Л. Старицкой, особенно ея разсказы «Навищо» и «Тры друга». Разсказы эти очень небольшіе, но написаны художественно и талантливо. Содержаніе ихъ философско-фантастическое, и это, собственно говоря, не разсказы, а стихотворенія въ прозѣ, которыя читаются съ большимъ удовольствіемъ и оставляютъ по́ себѣ прекрасное впечатлѣніе.

Болѣе всего «Складка» изобилуетъ стихотвореніями; но изъ всѣхъ ихъ можно отмѣтить лишь два стихотворенія,—одно: «Надимною лисъ шепоче» —Л. Старицкой, и стихотвореніе г. Самійленка. «Посвята». Послѣднее написано въ духѣ влюбленныхъ, т. е., на тему самую избитую, однако талантливость поэта не допустила пошлости, и «Посвяту» можно прочитать съ удовольствіемъ. Остальныя стихотворенія не выступаютъ изъ ряда посредственности; къ числу жесамыхъ слабыхъ—можно отнести стихотворенія: Шамраева, Ружнаго, Григорова и Козлова.

Въ заключеніе упомяну о легендѣ «Щастя». Это небольшой разсказецъ, написанный, какъ доподлинно мнѣ извѣстно, Л—й Ук—й, но напечатанъ за подписью, «Васыль Чайченко». Впрочемъ, на противоположной сторонѣ страницы сохранились и иниціалы «Л. У.» Очевидно, что произошло это по недосмотру редактора «Складки», и недосмотру крупному, такъ какъ разсказъ вышелъ за двумя подписями, тогда какъ одинъ изъ авторовъ даже не зналъ о его существованіи.

М. Кононенко.

СОДЕРЖАНІЕ.

Томъ LIII, 1896 г. Апрѣль, Май и Іюнь.

ОТДѢЛЪ I-й.

СТР.

I. ПИСЬМА ПРОТОІЕРЕЯ АРСЕНІЯ ЛЕБЕДИНЦЕВА, б. БЛАГОЧИННАГО ЦЕРКВЕЙ ЮЖНАГО БЕРЕГА КРЫМА, КЪ ПРЕОСВЯЩЕННОМУ ИННОКЕНТІЮ, АРХІЕПИСКОПУ ХЕРСОНСКОМУ И ТАВРИЧЕСКОМУ, СЪ ДОНЕСЕНІЯМИ О ХОДѢ ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВІЙ И СОСТОЯНІИ ЦЕРКВЕЙ И ДУХОВЕНСТВА ВО ВРЕМЯ 11-ТИМѢСЯЧНОЙ ОСАДЫ СЕВАСТОПОЛЯ. *(Окончаніе слѣдуетъ)* 1—37, 146—175, 279—306

II. ХАРЬКОВСКОЕ ОБЩЕСТВО БЛАГОТВОРЕНІЯ ВЪ 1812—1817 г.г. Историческій очеркъ. **В. Лапина.** *(Окончаніе слѣдуетъ)*. 38—70, 128—145. . . . . 328—343

III. ИЗЪ НЕДАВНЯГО ПРОШЛАГО СЛОБОДСКОЙ УКРАЙНЫ. *(Окончаніе слѣдуетъ)*. 71—84 . . . . . 206—224

IV. ЛѢВОБЕРЕЖНАЯ УКРАИНА ВЪ XV—XVII СТ. Очеркъ колонизаціи. **Н. М.** *(Окончаніе)* 85—101, 249—267. . . 369—379

V. ФИЛОЛОГИЧЕСКОЕ НЕДОРАЗУМѢНІЕ. (О формѣ им. п. мн. ч. прилагательныхъ въ малорусскомъ яз. на—*ое* и т. п.). **К. Михальчука.** . . . . . 102—125

СТР.

VI. ПЕТРЪ ИВАНОВИЧЪ НИЩИНСКІЙ. (Некрологъ). . . . . 126—128

VII. МАЙСКІЯ РЕКРЕАЦІИ ВЪ БУРСѢ. (Изъ воспоминаній). **П. Борзаковскаго.** . . . . . 176—205

VIII. СКИТАЛЬЧЕСКАЯ СУДЬБА ВОЛЫНСКОЙ СЕМИНАРІИ. **Константина Храневича.** . . . . . 225—248

IX. С. А. БЕРШАДСКІЙ. . . . . 268—278

X. СЕРБЫ ВЪ ГЕТМАНЩИНѢ. Историческая повѣсть. **А. Полницкаго.** *(Продолженіе слѣдуетъ).* . . . . . 307—327

XI. ЧАСТНАЯ ПЕРЕПИСКА ИВАНА РОМАНОВИЧА МАРТОСА. (1817—1830 г.г.) **А. Лазаревскаго.** . . . . . 344—368

XII. ЮЖНОРУССКАЯ ПАСХАЛЬНАЯ ДРАМА **Мирона.** *(Окончаніе слѣдуетъ).* . . . . . 290—412

ОТДѢЛЪ II-й.

I. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ. а) Время написанія Шевченкомъ картины «Катерина». б) Договоръ прихожанъ съ причтомъ о замѣнѣ платы за требоисполненіе опредѣленнымъ жалованьемъ, 1834 г. **А. Л.** в) Къ свѣдѣніямъ о старой малорусской школѣ. **А. Л.** г) Къ исторіи кіевскихъ женскихъ монастырей. **Гл. Л.** д) Царскій посланникъ и панскій управитель. **Ор. Левицкаго.** е) Изъ недавняго прошлаго. ж) Къ исторической топографіи Печерска и Клова. **Н. Петрова.** з) Къ біографіи Аѳанасія Зарудкаго. **Ал. Маркевича.** и) Маленькое объясненіе. **В. Науменка.** і) Подписка на памятникъ И. П. Котляревскаго въ Полтавѣ. к) Самсоніевскій фонтанъ. **Н. Петрова.** л) Взятіе и разореніе Запорожской Сѣчи въ маѣ 1709 г. Сообщ. **Н. Бѣляшевскій.** м) «Дитя не человѣческаго подобія, но бѣсовскаго». **Д. Вишневскаго.** н) О Кіевскомъ Трехсвятительскомъ монастырѣ. **П. П—скаго.** о) Рекреаціонный діалогъ. **О. Л.** п) Путешествіе малороссійскаго іеромонаха Тарасія Каплонскаго въ Италію въ 1697 г.

стр.

О. Л. р) Бумаги государственнаго архива въ Стокгольмѣ по дѣламъ Малороссіи. с) Подписка на памятникъ И. П. Котляревскому въ Полтавѣ. т) Заказъ Московскаго правительства Кіево-печерской типографіи 1669 года. у) Средства содержанія профессоровъ Кіевской Академіи въ первой половинѣ XVIII вѣка. **Д. Вишневскаго.** ф) Козачья служба въ гетманство Разумовскаго. **А. Л.** х) Къ исторіи малорусскаго духовенства **А. Л.** ц) Вниманію фотографовъ-любителей. **Н. Бѣляшевскаго.** ч) Раввинскія книги временъ Хмельницкаго. Сообщ. **М Затуловскій.** 1—23, 33—54. . . . . 73—100

II. БИБЛІОГРАФІЯ. а) L'Anthropologie—Tome sexiéme, annèe 1895. **В. А.** б) П. Тутковскій. Юго-Западный край. Естественно-историческіе и географическіе очерки. Выпускъ 2-й. в) Галицко-русская библіографія XIX столѣтія съ увзглядненіемъ русскихъ изданій, появившихся въ Угорщинѣ и Буковинѣ. Составилъ Иванъ Ем. Левицкій. 2 тома. **А. Л.** г) Куліш Олелькович Панько. Дзьвин. Староруські думы й сьпіви. Женева. **В. Науменка** д) Св. Е. Сѣцинскій. Историческія свѣдѣнія о приходахъ и церквяхъ подольской епархіи. **В. Антоновича.** е) Чтенія въ Историческомъ Обществѣ Нестора Лѣтописца. Книга десятая. Издана подъ редакціей В. З. Завитневича. **Н. В.** ж) Записки наукового товариства імени Шевченка. Виходятъ у Львові під редакцією Михаила Грушевського. **Н. М.** з) Juliusz Starkl. Łowictwo. Żygm. Fiszer. Rybactwo. (Powszechna wystawa krajowa 1894 r. i siły produkcyjne kraju. Tom II, zeszyt 7). **Н. М.** и) I. Rocznik Kółka Naukowego Tarnopolskiego za rok 1892 II. Rocznik Kółka Naukowego Tarnopolskiego za rok 1893. **Е. К.** і) Жизнь и труды М. П. Погодина. Ник. Барсукова. Кн. десятая. к) Отношеніе между Запорожьемъ и Крымомъ. Л. Львова. л) Bibliografia historyi polskiej. Wspólnie z dr. Henrykiem Sawczyńskim i członkami Kółka historycznego uczniów Uniwersytetu. Lwow. zebrał i ułożył dr. Ludwik Finkel. Część

СТР.

II.—Zeszyt I. м) Г. Радкевичъ. Библіографическій указатель литературы по геологіи губерній кіевскаго учебнаго округа: кіевской, волынской, подольской, черниговской и полтавской стр. 1—73. П. А. н) Складка(.) Альманахъ(.) На спомынъ Владымыра Степановыча Александрова. Року Божого 1899. Спорудывъ К. А. Билиловський. Выдання Левка Григора. М. Кононенка. 24—32, 55—72. . . . 101—112

КАТАЛОГЪ КНИЖНАГО СКЛАДА «КІЕВСКОЙ СТАРИНЫ» *(въ концъ книги)* 1, 1. 1

ОБЪЯВЛЕНІЯ. . . . . 1—3

III. ПРИЛОЖЕНІЕ: 1) Дневникъ генеральнаго подскарбія Якова Марковича. Часть третья. (257—272), (273—288), (289—304).

2) Любецкій Архивъ. (161—176 145—160).

КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ „КІЕВСКОЙ СТАРИНЫ“.

Сверхъ книгъ, помѣщенныхъ въ каталогѣ при № 3 „Кіевской Старины“, въ книжный складъ поступили слѣдующія изданія.

Андріевскій А. Послѣдніе кіевскіе сотники Кіевъ 1896 г., стр. 1—40. Ц. 50 к.

Гаврышъ Ал. Закохана (Поэма). Кіевъ 1893 г., стр. 1—16. Ц. 5 к.

Гринченко Б. Неймовирный, або чоловикъ та жинка безъ виры не спилка. Драма на пьять дій. У Чернигови 1896 г., стр. 1—72. Цѣна 10 коп.

Гринченко Б. Покынута у лиси дивчына. Казка. Одесса. 1896 г., стр. 1—39. Цѣна 7 к., на веленевой бумагѣ 10 к.

Загирня М. Добра порада. Оповидання. У Чернигови 1896 г., стр. 1—31. Цѣна 5 к.

Кернеренко Грыцько. Правдыва казка. Оповидання. Выдання друге. Харькивъ 1890 г., стр. 1—15. Цѣна 5 к.

Кернеренко Грыцько. Щетынныкъ. (Зъ народного жытя). Харькивъ 1891 г., стр. 1—24. Цѣна 10 к.

Кернеренко Грыцько. Невелычкый збирныкъ творивъ. Харькивъ 1890 г., стр. 1—49. Цѣна 25 к.

Кернеренко Грыцько. Въ досужій часъ. Лирна поэзія. Харькивъ 1896 г., стр. 1—60. Цѣна 50 к.

Кононенко М. С. Княгиня-кобзарь. (Баллада). Кіевъ 1893 г., стр. 1—35. Цѣна 15 к.

Крымскій. А. Черезъ що люде биднiють та що имъ треба робыты. Порады Грыцька Квиткы. Москва 1896 г., стр 1—36. Цѣна 15 к.

Лучицкій. И. В. Крестьянская поземельная собственность во Франціи до революціи и продажа національныхъ имуществъ. Кіевъ 1896 г., стр. 1—65. Цѣна 75 к.

Ныва. Украинськый литературный збирныкъ 1885 року. Одесса 1885 г., стр. 1—207. Цѣна 1 р.

Пилинскій Д. Прыгоды (Малюнки зъ жытя). Москва 1896 г., стр. 1—61. Цѣна 15 к.

Стороженко А. В. Мѣстечко Борисполе въ XVII вѣкѣ. Акты мѣйскаго уряда 1612—1699 г.г. Изданіе журнала «Кіевская Старина». Кіевъ 1892 г., стр., 1—112. Ц. 75 к.

Тышко Ол. Маты. Кіевъ 1896 г. стр. 1—36. Цѣна 5 к.

ганта вороного московского припустили до клячъ, а старого взяли на стаю. Пчоли всеей теперъ на лице имѣется въ футорѣ 84.

Пятокъ. 11. День былъ и ночъ во всемъ сходніе прежнимъ, а особливе вчорайшимъ. Рано зъ Токаровъ поехалъ, и пріехавши въ Лохвицю, засталъ на службу Божую у Николая, которой вислухавши, поехалъ и пріехалъ передъ вечоромъ въ Сухоносовку, где засталъ Клима болѣзнуючого отъ переполоху.

Субота. 12. День былъ свѣтлій, тихій, теплій, а по сторонамъ громъ и дощъ. Ночъ такъ же свѣтла, тиха и тепла безъ дощу зъ росою. Сегодня обѣдалъ я въ Сухоносовцѣ, а по обѣдѣ поехалъ и пріехалъ передъ заходомъ слонца до Пѣратина, а зъ Пѣратина до Короваевъ уже о 10-му часу передъ полноччю пріехалъ, где родителей и братовъ Семена, Луку и Івана засталъ. Въ Сухонос. пчоли теперъ на точкахъ 134, а 15 упало теперъ отъ весны. Дядѣ я далъ 2 р. на куплю ободдя на колеса въ Густиню. (Т. е. въ Густынскую ярмарку).

Неделя. 13. День былъ свѣтлій, теплій и ночъ такова жъ израдной погоди. Сегодня тутъ, въ Короваяхъ, отобѣдалисмо, а по обѣдѣ уснулъ, а у вечеру, зъ родителми и братами простившись, поехалъ зъ Короваевъ и пріехалъ до Перервинець за 3 часа зъ залишкомъ, передъ полноччю въ 10-мъ часу.

Понедел. 14. День былъ свѣтлій, теплій и ночъ такова жъ, израдная погода. Сей день тутъ пробавилъ въ Перервинцяхъ и обежджаючи кущѣ (табуны) дрикгантами чалимъ, буланимъ, свѣтлобуланимъ, сивимъ корноухомъ, воронимъ доморослимъ и гнѣдимъ доморослимъ. Старосту перервинского за его несмотреніе отставилъ отъ староства и до рощоту велѣлъ вещи его переписать и удержать, а приказанъ досмотръ дяку тамошнему Максиму Іванову до времени. Въ Перер. посѣяно ярини сего году: ячменю четвериковъ луб. 5, овса 15, проса пудъ 2, пшеницѣ 3, гороху полъ 2, сѣмя коробокъ полъ 2.

Вовтор. 15. День былъ хмаренъ и вѣтрянъ испервa, однакъ тепелъ, а зъ полдня хмаренъ же зъ тихимъ силнимъ дощемъ, къ вечеру свѣтелъ и тихъ. Ночъ почасти хмарна и почасти свѣтла,

вѣтряна. Рано зъ Перервинець виехалъ и пріехалъ до Короваювъ на обѣдъ, где засталъ родителку и швакгра п. Якима Троцкого зъ женою, а родитель зъ братами пріехалъ на обѣдъ же зъ Шелеховщини. Тутъ и по обѣдѣ продновалъ и переночовалъ.

Середа. 16. День былъ почасти вѣтрянъ, толко свѣтелъ и тепелъ, а зъ полдня тихъ. Тиха жъ и ночъ, свѣтла и тепла. Рано зъ Короваювъ поехалъ я на прамикъ до Сухоносовки, степомъ, а именно, зъ шляху, до Городища идучого, звернулъ у лѣво, а ехалъ до рѣчки Слѣпороду, которую у бродъ перебувши, ехалъ дорожкою до шляху, зъ Пѣратина до Лубенъ идучого, который переехавши и взявши въ лѣво, поузъ Карпиловку и Духовее и Гонцѣ, ехалъ до Оробювъ, а зъ Оробювъ до Сухоносовки, чего всего будетъ милѣ 4 добрые. Въ Сухоносовцѣ засталъ Клима и поддаиныхъ Криворудскихъ 22 подводи, по погребъ пріехавшихъ. У Кривой Рудѣ посѣяно овса четвер. луб. 3., проса 2, ячменю 3, пшеницѣ 3.

Четвер. 17. День былъ свѣтелъ, тепелъ и вѣтрянъ, а после тихъ. Ночъ была почасти вѣтряна и холодновата, свѣтла со затмѣніемъ луни. Климу да Янѣшевскому въ дополненіе до данной ему Климу інструкцѣи, въ 7 пунктахъ состоящей, далъ вновъ въ слѣдующихъ, а именно: въ 8-мъ, объ исправки и укончению ревизѣи, въ 9-мъ, доправить упадокъ коней и овець на бившомъ стар. Перер., да 2 скирти, забранніе у Бирловцѣ, да рубля, у Товстопята взятого, да шостака отъ каждого рубля, зъ денегъ, на сѣнокосъ розданныхъ, взятіе; а устроить тамъ зъ Кротовъ Максима старостою, прихожихъ людей, особливими хатами живучихъ, до работизни притягать, заоръ давній поновить, а въ заоравшихся воли грабить и плуги рубать, степку и яру, до Ворониной стѣнки належного, не попускать, прихожимъ до году давать свободи, зъ шопами стадницю здѣлать. Въ 10-мъ, Дедю вислать, по 2-хъ неделяхъ поста, по соль. Денегъ теперъ далъ я 20 червон. да 32 р., чтобъ два рази звернулся и людямъ дать по полтинѣ, воловъ 12 взять до Перервинець до своей виправи, а жеби было воловъ 42 зъ нимъ. Въ 11-мъ, сторони лѣска брата Крутневого, буде Крутень просрочится. Въ 12-мъ,

непорадки сухонос. исправлять. Пасѣчнику доводится тутейшому за прежніе года доплатить полъ 2 р., я теперъ далъ рубля, а полтину после дать приказалъ, а на сей годъ толко ему кожухъ, да по дню весною и осѣнню дать ему виорать, а впредь орать такъ же и кожухъ и рунъ 15. Въ Сухонос. теперъ на точкахъ пчоли всеей 136. Въ Сухонос. посѣяно ярини: овса четвер. 20 луб., гороху 5, проса пол.

Пятокъ. 18. День былъ свѣтлій, теплій сперва и въ день вѣтрянъ, къ вечору тихъ. Ночъ тиха, свѣтла, помѣрно холодновата. Сей день продновалъ я у футорѣ своемъ Артополотскомъ, дожидаясь попа розбишовскаго и полѣцая господарство тамошнее Грицку наместнику, которое все переписано въ господарской книзѣ.

Субота. 19. Сей день былъ во всемъ прежнимъ, а паче вчорайшому сходенъ, такова жъ и ночъ. Пріехалъ рано попъ розбишовскій у футоръ мой зъ помѣжникомъ Назаренкомъ Яремою и другими, зъ которимъ ездилемъ степку отъ его продажнего осматривать и концы онъ велѣлъ моимъ людямъ позакопувать; вернувшись, обѣдалисмо у футорѣ. После обѣда пріехалъ прикажчикъ Хоружовскій Лоренцовъ зъ зятемъ своимъ Галецкимъ и зъ Остапенкомъ и говорили, что будто попъ завелъ лишнего степку и ихъ Остапенкового, а когда были мы подъ часъ розезду тамъ и посилали по нихъ Павла, бывшого дворника, такъ же Алексѣйця, то они тогда не поехали. Брату п. Марку дарилъ я овець зъ ягнятами 5, да Юску Залускому овець зъ ягнятами 2, да яловую одну, итого всѣхъ овець 45. Вилучили со мною въ езду коней неезджалихъ еще четвертаковъ 2-хъ: гнѣдо-строкатенкого и сивострокатенкого дрикганчука, да опредѣлили дворнику коня гнѣденкого, Алексѣйцеви подпалого-лисого, Тимошу гнѣдого, стаднику супацкого (?) бѣлого, да въ Криски гнѣдого Воротеляку и подпалого астраханского. У вечеру далъ я дворнику новому 2 р. и съ тихъ заразъ видалъ онъ тютюннику 1 р. 50 к., а 9 р. осталось у Мяла для роздачи на сѣно и записалъ въ пріемъ его самъ я 11 р. и отехалъ оттоль у Андрѣевку, где засталъ родителей и ночовалъ тутъ.

Неделя. 20. День былъ свѣтлій, теплій велми и тихій. Ночъ тиха, свѣтла и ядрана. Сей день пробавилисмо зде въ Андрѣевцѣ. Обѣдали зъ родителми, такъ же зъ гостми, пріехавшими, тіоткою п. Павловою, старостою хоружовскимъ и зятемъ его Галецкимъ.

Понедел. 21. День былъ подобній вчорайшому, толко жъ зъ болшимъ отъ прежнихъ жаромъ, такова жъ и ночъ. Сегодня всѣ мы обще въ Андрѣевцѣ службы Божой слухали и обѣдали, а по обѣдѣ поехали, и пріехалъ прежде я, а потомъ и родители въ Ромонъ, где и ночовали. Мене, отъ принятого декокту, черезъ увесь день и ночъ до великого ослабѣнія пурgовало.

Вовтор. 22. День былъ и ночъ подобніе вчорайшимъ. Обѣдалисмо въ Ромнѣ, а по обѣдѣ родитель поехалъ на Бубни и Курень, а я просто до Глухова; я жъ, переехавши Хмѣлувку, заночовалъ. Приказъ новопоставленному дворнику Артополотскому Грицку Наметнику далъ я въ 10 пунктахъ; а именно: 1) чтобъ Алексѣй его завелъ до тихъ, кому роздалъ гроши на откосъ, и до кушнѣровъ, кому шкури чинить далъ; 2) стаднику кулбаку спорадить, а Тимошеви поправить данную; 3) осталніе 9 р. и вовну руно по 5 к. роздавать на откосъ; 4) улей прикупить въ Гадячомъ подъ часъ торговъ; 5) вози воловіе 5, а колѣсъ 10 отшукать Алексѣеви; 6) Климъ, якъ пріедетъ, то поклейнить неклейнаний товаръ; 7) имшаникъ новий здѣлать; 8) слобожанъ новихъ селить; 9) Мяло за вола доводячіеся 4 р., жеби откосилъ теперъ одну или 2 скирти и гроши осталніе отдавалъ бы поволно въ семъ году; 10) Алексѣй за провіянтомъ и фуражомъ договаруватись поехалъ би туда, откуду требуютъ зъ Слободки недор... за вино дать 54 к.

Середа. 23. День былъ жаркій, тихій, свѣтлій, по сторонамъ громъ зъ невеликими хмарами и дощемъ, а по заходѣ слонца вѣтряно и холодно было, и хмарно черезъ всю ночъ. Рано зъ ночлѣга вставши, переехалъ черезъ Смѣлое и обѣдалъ, переехавши черезъ Терни, а ночовалъ, доехавши березняковъ мутинскихъ.

Четвер. 24. День былъ зъ ранку холодноватъ и вѣтрянъ, а посля теплій, зъ полдня дощикъ невеликій зъ громомъ до ночи. Ночъ випогодилась ясна, а вѣтряна. Зъ ночлѣга вставши, пріехалъ

надъ Сеймъ и, перевезшись, пріехалъ въ Тулиг., где и ночовалъ зъ племенниками своими Толстими, переездомъ своимъ въ степніе ихъ деревнѣ заехавшими сюда во дворець.

Пятокъ. 25. День былъ свѣтлій, почасти вѣтрянъ и зъ полдня хмари зъ дощемъ и громомъ до вечора самого, отчего земля доволно напоена. Ночъ тожъ хмарна, а по сторонамъ громъ и дощъ. Въ Тулиг. імбарѣ сегодня на лицу било горѣлки куѳъ 3 повнихъ, а зъ четвертой повной же на росходъ берется, можетъ бить до перепуста, а въ пятой носатокъ 5, а при мнѣ внесли шестую рано. Велѣлъ я стар. тулиг. на клуную приговорити людей, въ Кролевець хати приторговать.

Субота. 26. День былъ свѣтлій и теплій, къ вечору дожчъ и ночъ такова жъ. Сегодня рано я зъ родителемъ, рано жъ пріехавшимъ въ Глуховъ зъ протчею старшиною енералною, стрѣтили князя Шаховского и при немъ маіора Михайла Хрущова и другихъ, пріехавшихъ въ Глуховъ. Обѣдалисмо у себе.

Неделя. 27. День былъ свѣтлій, тихій и теплій до полдня, зъ полдня дощъ зъ вѣтромъ густий до вечора и въ ночъ; въ ночѣ пересталъ мало, однако жъ вѣтряна была и холодна вѣтромъ полунощнимъ, а дощикъ зъ полночи знову до свѣта. Генералъ Нарѣшкинъ и князь Шаховскій и многіе обѣдалисмо у гетманскомъ дому на Бѣлополовцѣ и подпіяхомъ, оттоль они всѣ поехали, а я зъ п. писаромъ зайшолъ до его и, у его посидя, пріехалъ къ себѣ. Отправлени козаки сухонос. зъ писмомъ до Клима: 1) чтобъ давалъ знать о новомъ у Перер. старостѣ, если устроенъ; 2) о роздачѣ 15 р., теперъ посланнихъ на сѣно въ Кривой Рудѣ; 3) о роздачѣ вовни на сѣнокосъ, 4) объ устроеніи въ футорѣ Гамал. ключникомъ Мяла; 5) о томъ, чтобъ онъ приказалъ Грицку, господареви гамал., не приимать на жилле великороссіянъ и смолянъ. Отпущенъ слуга зятя Стефана Есимонтовского зъ писмомъ до свата, чтобъ веселлю бить іюля 21-го дня и дано ему сукно и 1 р.

Понедел. 28. День былъ хмарній, вѣтряний и холодний; Ночъ вияснилась, толко жъ холоднѣйшая еще и вѣтряна. Сегодня обѣдалисмо зъ род. у князя, а по обѣдѣ у насъ долго просидѣли.

Писалъ до Клима объ ислѣдованіи по сказкѣ лисого машталѣра о 2-хъ скиртахъ сѣна, якоби отъ бившого стар. проданихъ тайно и карту стар. сухонос. о томъ писанную послалъ. Да писмо подорожнее Грицку Дедѣ послалъ. Купили за соляніе денги 5 р. и 20 к. 4 четверика овса у Петровской.

Вовтор. 29. День былъ свѣтлій, тихій, теплій зъ знатною отмѣною, ночъ такова жъ. Рано были у князя Шаховского и у енерала, у которого онъ и кушалъ, а я въ дому, а по обѣдѣ ездилъ у футоръ калюжновскій и у Сварковъ, где и заночовалъ. Антоновичъ Чернѣговскій отдалъ должнихъ по облѣку денегъ 65 р., а еще доводится на немъ и на Болботу 52 р., да человѣку 6 р., итого 58 р., которому я и росписку далъ. Принялъ я отъ Тараса шинковнихъ сварковскихъ грошей 9 р. 99 к. и росписался.

Середа. 30. День былъ и ночъ израдніе, тепліе и тихіе. Рано сегодня въ Сварковѣ заложили изби людскіе противъ глиняного имбару. Поехавши после того, пріехалъ въ городъ на обѣдъ. По обѣдѣ посѣщалъ мене п. Петро, полк. луб., игуменъ Леополскій и протопопъ, и швакгеръ Андрей Полуботокъ, вновъ пріехавшій въ Глуховъ.

Четвер. 31. День былъ и ночъ израдніе, тепліе и тихіе. Сегодня рано былъ я у князя и обѣдалъ, а по обѣдѣ пріехалъ домой, а на ту сторону переехавши, у п. Михайла отобралъ реестри до крѣпостей монастирскихъ. Писма въ Роменъ отдалъ я до рукъ п. полк. луб. Апостола, до родителки зъ обявленіемъ, когда будетъ веселний актъ Ганнусѣ, а до брата Марка о пересилкѣ писма до Клима, а до Клима: 1) подорожная карта Дядѣ; 2) писмо отъ стар. перер. до сухонос. писанное о зробленню носатки гор. за присланное отъ его борошно; 3) о зробленню полубовъ 3-хъ; 4) о млинѣ курѣнскомъ, чтобъ далъ знать, за чимъ остановка.

М—цъ іюнь. Пятокъ. 1. День былъ вѣтряний, а после хмарний зъ густимъ дощемъ до вечора. Ночъ погодна, свѣтла, тиха и мѣрно растворенна. Василь молодикъ отправленъ въ Криски зъ даннимъ ему приказомъ: 1, зъ Макова сюда отправить Кондратовича, 2) въ Крискахъ куеъ осмотрѣть зъ гор. и привезти вѣдо-

мость; 3) Демяна сюда или извѣстіе о ихъ дѣлѣ; 4) гребля и млинокъ строится ли; 5) ободдя привезти; 6) штукъ до млина и кленини; 7) дранѣ также; 8) уллей осмотрѣть же; 9) вѣдомость збору осѣнного привести со мнѣнемъ стар. и Демяна; 10) хлопцевъ двохъ или трохъ на службу; 11) много ль ярини посѣяно; 12) взять тебѣ сюда подводъ 10 и пѣшихъ 5; 13) въ Погорѣловцѣ плота и тертець осмотрѣть. Игумену густинскому Леопольскому отдали мы всѣ крѣпости, на манастиръ Гамалѣевскій данніе, а у его за его рукою, тако жъ протопопи глухов. отца Мойсея росписку въ пріемѣ онихъ приняли. Князь Шаховскій, зъ многими присутствующими ему штапъ офѣцерами, посѣщалъ насъ и посидя отехалъ.

Субота. 2. День былъ свѣтлій, и почасти хмарній, почасти вѣтряний, къ вечеру свѣтелъ. Ночъ свѣтла, тиха и ядрана, то есть холодновата, воздуха сухого. Рано былъ я у генерала и у князя Шаховского, а обѣдалъ въ дому родитель зъ дядею п. Ѳедоромъ и прочіими, и мы домашніе.

Неделя. 3. День былъ вѣтряний, холодний, свѣтелъ, а между тимъ и хмаренъ, къ вечеру тихъ, ночъ тиха, свѣтла, холодновата, а особливо къ свѣту и зъ вѣтромъ. Данилу Карпѣцѣ отдалъ я осталніе денги всѣ за млинъ и за поле 100 р., а онъ далъ писмо мнѣ о старателствѣ достать и отдать мнѣ старіе крѣпости. Генералъ лейтнантъ, князь Шаховскій отехалъ сегодня зъ Глухова, которого опроважалисмо до Руди, до корчми моей, а тамъ простившись, повернулись родитель и всѣ въ Глуховъ, а я въ футоръ зъ братомъ Лукою и въ Сварковъ, где и заночовалъ. Уговорили чорторійскаго человѣка клуню дѣлать за 6 р., четверть жита, 2 четверики гречки, такъ же и крупъ, соли 15 фунтов., риби 50 въ футорѣ и дали ему задатку 2 р.

Понедел. 4. День былъ вѣтряний, холодній, свѣтлій и почасти хмарній, къ вечеру тихъ. Ночъ свѣтла, тиха и ядрана Рано поехалъ зъ Сваркова и пріехалъ на обѣдъ въ Глуховъ, а обѣдали у себе род. швакгеръ Троцкій и дядя п. Федоръ зъ проч., которіи по обѣдѣ и отехали въ походъ нинѣшний къ Стародубу подъ командою обозного енералного Якова Лизогуба, подъ которимъ пойшли ко-

заки десять тисячъ, а онъ подъ командою енерала маіора Загрязкого.

Вовтор. 5. День былъ холодний, вѣтряний, почасти хмарній и почасти свѣтлій, вечоръ тихъ, ночъ тиха, свѣтла и погодна, холодновата. Обѣдалисмо въ дому зъ род. и швакгромъ, а по обѣдѣ ездилъ на Бѣлополовку до полк. луб. и, мало позабавивши, повернулся домой. Осталніе денги Шрамку за лѣсъ зъ насѣкою заплатилъ, а купчую черезъ Забару принялъ.

Середа. 6. День былъ свѣтлій, тихій, теплій, къ вечору хмаренъ, ночъ хмарна, тиха, тепла, а къ свѣту випогодилась и вияснилась. Сегодня ездилъ я лодкою въ городъ и въ склепу былъ, а оттоль заехалъ на Бѣлополовку простится зъ полковникомъ лубенскимъ, отежджаючимъ отсель на линѣю, у которого и обѣдалъ, а по обѣдѣ пріехалъ домой. Получилъ я писмо отъ Клима, въ якомъ обявляетъ, 1) что Ігнатъ, бывшій стар. перервинскій, далъ облѣкъ платить за упалій статокъ 53 поголовя, да за 2 скирти сѣна, да за доводячіеся отъ росходу денги, всего того 60 р. 97 к., 2) что степъ вновъ по данному заору заоранъ тамъ же, 3) у Кривой Рудѣ слобожанамъ тамошнимъ роздалъ денегъ 7 р. 70 к. косить сѣно по 6 к. на день, а гребцамъ 3 р. 40 к., по полъ 3 копейки на день: Да тамъ же роздалъ вовни на тое жъ рунъ 24, на 5 день по 4 рунѣ. 4) Денегъ, отсюду присланнихъ, принялъ онъ 15 р. безъ 10 к., на сѣнокосъ посланнихъ.

Четвер. 7. День былъ свѣтлій, тихій, теплій, а между тимъ и вѣтряний. Не ездилъ я никуда зъ дому, а обѣдалисмо у себе зъ род., швакгромъ Якимомъ Троцкимъ, братомъ Лукою, а по обѣдѣ онъ, швакгеръ, и братъ поехали, швакгеръ въ походъ до бунчуковихъ, а братъ у Воронѣжъ искать себѣ невѣсти. Отписалъ я до Клима о доправкѣ денегъ на Игнатцю по облѣку его и объ удержаніи ему данного Тараненкового облѣка о роздаяню вовни на откосъ. У футорѣ Гамал. 1) о пріемѣ слобожанъ прихожихъ, опрочъ великорос. и смолянъ, и облѣкъ Игнатцевъ послалъ, а отдавать не велѣлъ, толко росписатись на ономъ позволилъ уплатку. Да черезъ того жъ послалъ кобилу тисарскую (?) сивую зъ лошамъ въ футоръ Артопол. Гамал. до дрикганта вороного. На болѣзнь па(ра)лѣжа

гетманскую прислалъ докторъ Бидловъ рецептъ. (*слѣдуетъ рецептъ.*) Сегодня въ первое стала пчола у пасѣцѣ Уздицкой роитись и одинъ рой постигъ.

Пятокъ. 8. День былъ свѣтлій, теплій велми, а вѣтряний, а передъ вечоромъ хмаренъ зъ дощемъ до самой ночи и зъ громомъ, ночъ хмарна и отчасти дожчевата. Рано поехалъ я зъ Глухова черезъ Дунаецъ, где видѣлъ новоначавшіеся строитись будинки п. Михайла Скор. Оттоль пріехалъ у пасѣку Уздицкую, где видѣлъ вновъ оную обгороженную, а оттоль у другую Шрамковскую пасѣку, где также позабавивши мало, пріехалъ у футоръ и зъ футора зъ дощемъ, смеркомъ, у Сварковъ, где и ночовалъ.

Субота. 9. День былъ свѣтлій, вѣтряний и теплій; ночъ такова жъ. Обѣдалъ я у Сварковѣ, а по обѣдѣ поехалъ черезъ футоръ и пріехалъ въ Глуховъ. Обсѣялись сегодня зъ овсомъ и гречкою у футорѣ.

Недел. 10. День былъ свѣтій, тихій и теплій, ночъ такова жъ, къ свѣту ядрано. Рано родитель зъ Кролевца пріехалъ и былъ на службѣ у церквѣ енер., а я на Бѣлополовцѣ. Род. обѣдалъ у енерала, а я въ дому. Зъ Крисіокъ привезено улей до прежнихъ 70 еще 55, шкла сулѣй 15 и проч. барилець 18.

Понедел. 11. День былъ свѣтлій, тихій, зъ полъ дня хмаренъ. Ночъ хмарна и зъ дощемъ до самого свѣта, однако жъ тепла и тиха. Рано былъ я у судѣ енер. и смотрѣлъ дѣла родителского зъ Даниломъ Забѣлою, а обѣдалъ въ дому зъ родителемъ. Старостѣ тулиг. далемъ 8 р. Отобралъ я у Тараса за куфу гор. свар. 10 р. толко, а еще доводится 5 р. 40 к.

Вовтор. 12. День былъ хмарній зъ силнимъ дощемъ до самого вечора, а въ вечеру тихо и свѣтло. Ночъ свѣтла, тиха и ядрана, а особливо къ свѣту. До Крисіокъ до Василя писалъ: 1) чтобъ лутшая била горѣлка; 2) чтобъ приборъ былъ на греблю и млинъ; 3) чтобъ ободдя били товстіе; 4) чтобъ штукъ 50 и кленини на палцѣ (для мельницы) прислалъ; 5) чтобъ дранѣ 500 зъ Розлетъ отъ будинку и новой 500 прислать; 6) чтобъ плотъ купить товстого дерева, на что и 6 р. послалъ; 7) о хлопцяхъ; 8)

чтобъ рои въ улѣи, а не въ стояни упускать. Швакгру Андрею Полуботку позичилемъ 180 червонныхъ для уплатки купцамъ, которіи за дѣло зъ Цибулскимъ въ Полщи заарештовани, до августа 1-го числа срокъ [1]).

Середа 13. День былъ холодноватъ, а после и тепелъ, свѣтелъ, ночъ хмарна, тиха и тепловата, а къ свѣту холодна и ясна. Сегодня жена рано зъ дѣтми поехала въ Сварковъ, где и ночевала, а мы зъ род. обѣдали въ дому, а по обѣдѣ я ездилъ до Борзни, где посидя, повернулся позно домой. Черезъ Григорія Огіенка послалемъ до писара енер. Турковского 10 р., якіе жена, будучи въ Новгородку, позичила на погребеніе его синовей.

Четвер. 14. День былъ холодноватъ, а после свѣтелъ, тепелъ и погоденъ, ночъ свѣтла, тиха и ядрана. Сегодня обѣдалисмо род. и я въ дому, а жена зъ дѣтми по обѣдѣ пріехала. Пявици приставлялъ къ геморгоидалной жилѣ таковимъ порадкомъ; на столцу велѣлъ сидѣть, а зъ исподу водою горячою и камѣннемъ розжаренним подгрѣвалъ до поту, поколь оная жила показалась и около неи губкою, въ горячую воду умоченною, обтиралъ и после на постелѣ положенному приложилъ зъ рукъ, въ платокъ обвивши, пявицу, а когда напились и отпали, то въ то время на столцу знову сидѣть и кровъ капала доволное время. Жита 40 четвертей повезли подводчики у Тулиг., а оттоль зачнутъ въ первое возить лазню новую. Михайло Литвиненко и съ нимъ Дѣдикъ и Татка отправлени въ Тулиг., а оттоль зъ двома куфами гор. въ Глобувку до Заборовской, да въ Бубни до Свѣтихи для перегону, а въ онихъ куфахъ нос. „ “ и квартъ „ “, и съ ними пудъ ганишу до Заборовской, а до Свѣтихи на ганишъ 1 р. Да зъ Михайломъ писалъ я до Алексѣйця, чтобъ онъ зехалъ въ Гадячъ и оттоль взялъ для проби у сулѣйку зо всѣхъ куфъ гор. До Клима, чтобъ дрикгантовъ послѣ Петра заразъ взять на станю. До брата Ивана

[1]) Павелъ Полуботокъ во время своего полковничества неправильно арестовалъ товары у еврея Цибульскаго, за что послѣдній и взыскивалъ съ наслѣдниковъ Полуботка убытки.

облѣкъ его на 9 зол. и 20 к. послалъ за скриню, у его купленную. Вѣжевскій вѣдомость подалъ вину, данному Іотію греку на продажъ, и денгамъ взятимъ: фронтиніяку взялъ квартъ 133 по 20 а. доводится денегъ 80 р. безъ 20 к. Петерцѣлеенту взялъ квартъ 78 по 50 к., доводится денегъ 39 р. итого 119 р. безъ 20 к. А отдалъ Іотію: мая 6-го—10 р. 80 к., юля 15-го—3 р., семтевр. 25-го—6 р.; ноевр. 6-го—6 р.; генвар. 2-го—10 р.; генвар. 12-го—10 р. февр. 24-го—8 р.; итого отдалъ 57 р. 80 к., а на немъ доводится 61 р.

Пятокъ. 15. День былъ свѣтлій, сперва холоденъ, а посля теплъ, ночъ свѣтла, тиха и холодновата, а особливо къ свѣту. Брату Луцѣ, мѣючому завтра отехать, далъ я на куплю олѣи въ Овдоколлю 1 р. 50 к. Договорился зъ маляроемъ помаліовать въ Сварковѣ решотку отъ саду блакитною фарбою, а вершки бѣлою, да слупцѣ зеленою, да столпи край воротъ мармурово, да кришки на станѣ, шопѣ и имбарахъ—краснимъ брамуртомъ, а щитки на дверцяхъ и окнахъ другимъ и ẑм... бѣло, а за то дать ему 6 р., да четверть жита, осьмуху гречки 20.

Субота. 16 День былъ свѣтлій, тихій, теплій, къ вечору хмаренъ зъ дощикомъ, ночъ тожъ хмарна, почасти вѣтряна, толкожъ нехолодна. Рано зъ п. Михайломъ ездилемъ на пастовникъ до племѣнници Толстой, обѣдалисмо у себе зъ род. и съ нами сестра Чарнишиха, да Кондзеровская. Привезли у первое 21 дерево на лазню зъ Тулиголовъ. Взялъ Литвиненко Михайло для перегону въ Роменъ 2 куѳи гор., одну болшую нос. 10 и квартъ 45, а другую меншую нос. 8 и квартъ 46, до отца Павла (Свѣта) въ Бубни и до Заборовской.

Неделя. 17. День былъ свѣтлій, теплій и тихій, ночъ хмарна почасти и почасти свѣтла, и къ свѣту холодновата. Былъ я у службѣ ст. Михаила, а обѣдали у себе; по обѣдѣ родитель поехалъ въ Кролевець, а я ездилъ на Бѣлополовку и до млина Гапоновского. Получилъ вѣдомость отъ Василя Шмуйла, что купилъ онъ плотъ теперъ, колодъ 105 трохсаженнихъ, въ доплатку послалъ теперъ ему полъ 2 р., да на штуки уговоренніе 10 по 21 к., тожъ

по 2 р. на 70 штукъ, и что брусовъ 50 привезли зъ Орловки на греблю тамъ. Гречки у Крискахъ посѣяли четвериковъ понорницкихъ 6.

Понедел. 18. День былъ сперва хмарній и холодний, а потомъ свѣтелъ и тепелъ, ночъ свѣтла, толко холодна, а особливо къ свѣту. Обѣдалисмо въ дому а по обѣдѣ поехалъ я до футора, где всѣ сварковци толоку орали, а сошокъ 63, а не виорали всеей колосенковой ниви, а оттоль пріехалъ въ Сварковъ и тамъ ночовалъ.

Вовтор. 19. День былъ свѣтлій, тихій, теплій, а по сторонамъ хмаренъ и дощеватъ, ночъ хмарна почасти и почасти свѣтла, а къ свѣту випогодилась. Рано зъ Сваркова поехалъ на футоръ, где близъ футора другую ниву орали сварковцѣ 67 сошокъ; а якъ пріехалъ домой, то и обѣдалъ въ дому, а передъ вечоромъ родитель пріехалъ зъ Кролевца. Панъ Михайло посѣщалъ. Климъ зъ Алексѣйцемъ пріехали въ Глуховъ.

Середа. 20. День былъ свѣтлій, тихій, жаркій велми и ночъ свѣтла, тиха и тепла. Сегодня рано поехалъ я зъ Глухова до Дунайця къ п. Михайлу, где обѣдалъ, а по обѣдѣ ездилемъ у пасѣку Вихторовскую, где роевъ 5 показалось, а оттоль въ Уздицкую где роевъ 2, а третій прихожій, явилось по сей день; а оттуду повернувшись въ Дунаець, ночевалъ на ліодовнѣ зъ п. Михайломъ. Фарбу синюю дѣлать—обмазовать будинки такъ: крейду потовкти и пересѣять черезъ решето и налить водою, а що избѣгнетъ булбашки тое, собравъ, вимить, а после уголля липового натовкти и пересѣять, якъ же крейда, налитая водою, постоитъ сутки, то злить воду и вивернуть крейду, на сподѣ чорнее зрѣзать и покинуть, а чистую, пудъ олеи терти и зъ уголлемъ мѣшать.

Четвер. 21. День былъ сперва хмаренъ, а после мало свѣтелъ, а потомъ весма свѣтелъ и между тимъ хмаренъ, и найпаче къ вечору, толко жаркій, ночъ хмарна, тиха, жарка. Рано зъ Дунайця поехали у футоръ, а оттоль въ Сварковъ зъ п. Михайломъ, где осмотрѣвши будинку, повернулись въ Глуховъ на обѣдъ и я обѣдалъ зъ род. и женою, а по обѣдѣ ездилъ на Бѣлополовку до п. Михайла, и посидя, повернулся домой. Сварковцѣ 3 днѣ пахали

63 сохи и 67 на другій и на третій день, а випахали за 3 днѣ колосенкову всю ниву, другую ниву подъ футоромъ, а третій ланъ—на семъ боку мостка отъ города.

Пятокъ. 22. День былъ хмаренъ и свѣтлъ почасти, толко жарокъ, зъ полдня хмаренъ зъ дощемъ и холодноватъ. Ночъ хмарна зъ дощемъ и вѣтромъ малимъ, а къ свѣту випогодилась зъ холодомъ. Приказалъ я Вѣжевскому въ Сварковѣ переписать все поле наше и купленное, да вовни и табаку на ярмарокъ въ Петропавловскій манастиръ, и вовну на отроботокъ роздавать. И поехалъ въ Тулиг., где засталъ Василя Шмуйла, пріехавшого зъ Крисіокъ, которій вѣдомость привезлъ: 1) что всеей горѣлки зимной у Крискахъ куѳъ 25, а въ нихъ носат. 246 и квартъ 411; а лѣтней 4 куфи, а въ нихъ носат. 38 и полъ и квартъ 75. 2) Посѣяно въ прошломъ годѣ жита въ Крискахъ: четвериковъ 9, а теперъ ярини—овса четвериковъ 10, гороху 1, гречки 6, пчоли у пасѣцѣ 12, у сажѣ свиней 24, а надворнихъ 27, ячменю четверикъ 1, конопель четверикъ 1.

Субота. 23. День былъ почасти свѣтлій и почасти хмарній, вѣтряний, къ вечору зъ дощикомъ. Ночъ тожъ почасти свѣтла и почасти хмарна, холодноватіе. Пробавилъ я сей день тутъ въ Тулиг., затимъ что греблю Бутирлимовскую роскопали и спустили води доволно для риби, причомъ майстровалъ Овдѣй, отъ п. Стефановой Миклашевской присланний. Видалъ староста куфу гор. въ Глуховъ по картѣ Тараса, а тутъ осталось немного. Зъ сварковціовъ господарливіе Хлонъ да Артюхъ Ларченко и способніе до войтовства.

Неделя. 24. День былъ хмарній, вѣтряний и дощеватъ, хмари переходячіе. Ночъ такова жъ была зъ густѣйшимъ дощикомъ и зъ болшимъ вѣтромъ и холодомъ. На службу Божую ездилемъ въ Дубовичъ верстъ 5 зъ залишкомъ, а продновалемъ зде у Тулиголовахъ. Риба зде стала показоватись карасѣ, лини болшіе и щуки.

Понедел. 25. День былъ сперва хмарній, а посля мало ясний, вѣтряний, холодноватъ. Ночъ вѣтряна, а посля хмарна и дощевата до свѣта и холодна. Билъ у мене Кузма Лядважченко, которому

полтори четверти жита и 5 к. велѣлъ дать я въ позику Роману. Поехалъ я рано зъ Тулиг. и пріехалъ на пастовникъ до племянниковъ Толстихъ, где и обѣдалъ, а по обѣдѣ у вечеру ездилъ видѣтся на Бѣлополовку до п. Михайла.

Вовтор. 26. День былъ хмаренъ и холодноватъ, а зъ полдня свѣтелъ и тепелъ, ночъ ясна и тепла, а къ свѣту хмарна и дощевата. Рано съ род. ездили въ городъ до енерала, а не увидѣвши его, повернулись домой и обѣдали, по обѣдѣ ездили на пастовникъ просто ее (?) для того, что сегодня племѣнники наши Александръ и Іванъ Толстіе зъ сестрою своею Анастасіею въ Москву поехали.

Середа. 27. День былъ хмаренъ и между тимъ свѣтелъ, ночъ хмарна, дощевата и холодна. Березнячій отправленъ въ Криски и дано ему 3 р. на задатокъ нанимать подводи подъ горѣлку, а 2 р. на драпь. Ему жъ писмо отдано до стар. Крисковского и до Демяна сторони дѣла зъ Ерофѣемъ, да тамже включени 3 облѣни Петра Лопати для доправкѣ на немъ долгу за 2 штуки штамету и 25 р., позиченнихъ у Кролевцѣ. Били у генерала и на молебствіи и обѣдали мы обое зъ род. тамъ же и подпіяхомъ зѣло.

Четвер. 28. День былъ хмаренъ зъ дощемъ осѣннимъ и вѣтрянъ, таковажъ и ночъ была. Ездилъ рано въ Сварковъ и футоръ, а пріехалъ домой передъ вечоромъ. Зъ Крисіокъ привезено сюда 14 штукъ дубовихъ до млина, 3 ободи, обручовъ возъ, шкла фляшокъ.

Пятокъ. 29. День былъ и ночъ, сходніе вчорайшимъ и прежнимъ. Рано были у генерала, а обѣдали у себе, по обѣдѣ былъ у склепу и насипалъ вина бутиль 4 вел. и малую одну зъ барила, въ постъ зъ Кіева привезенного. Василь Филимоновъ посланъ въ Криски и дано ему полтора рубля на задатокъ тертичникамъ рѣзать тертицѣ.

Субота. 30. День и ночъ были сходніе вчорайшимъ и прежнимъ. Были рано у генерала, обѣдали у себе и никуда неездили. Писалъ я до Янишевского о дрикгантахъ, чтобъ на станю взять и кормить и чтобъ увѣдомилъ мене, если сѣно косится, если що построено. Зъ Овдоколля прислалъ братъ Лука 50 квартъ олѣи за полтора руб.

М-ць юль. Неделя. 1. День хмарній и холодній, велми подобній прежнимъ до полдня, а съ полдня и вечора вияснился и тепловатъ сталъ, ночъ ясна, тиха, холодновата. Рано были у енерала, а у службѣ у ст. Михаила. Обѣдали у себе. Юско посланъ въ Роменъ и въ футоръ Артопол. за конми и велено взять старихъ коней 6, а 4 молодихъ подездковъ. Господарь виправленъ у Есмань и далъ ему полъ 9 зол. на покупку скринѣ и хворосту. Наклалъ чайникъ чаю и фунтъ сахару ліодового.

Понедел. 2. День былъ ясенъ и жарокъ, къ вечору хмаренъ, ночъ хмарна, дощевата и тепла. Сегодня рано были у генерала, на службѣ у ст. Михаила, обѣдали на Бѣлополовцѣ въ дому гетманскомъ для веселля Юркевича зъ племѣнницею гетманши, сегодня чинившогося и просидѣли доволно.

Вовтор. 3. День былъ почасти свѣтелъ и почасти хмаренъ, толко тепелъ, ночъ хмарна, а тепла. Сегодня обѣдалисмо у себе, а род. у генерала, по обѣдѣ ездилъ я до п. Михайла и посидѣвши повернулъся домой.

Середа. 4. День былъ по болшой части хмаренъ, нежели ясенъ, толко жъ тепелъ и между тимъ дощеватъ, ночъ хмарна, вѣтряна и холодна воздуха полнощного. Перемѣна. Матка зъ Ромна зъ братомъ Іваномъ пріехала въ Глуховъ на обѣдъ. Климу Пѣщанскому, посилаючомуся въ поля, данъ приказъ, которий состоитъ: 1) о браку овець, козъ и товару; 2) сѣно начать косить везде; 3) на толоку орать болшъ прежнего; 4) дойво збирать пилно; 5) тютюну болшъ садить; 6) дрикгантовъ на станю; 7) зъ Сухос. въ Роменъ палуби отослать и 5 шкуръ. 8) росписать вовну старую и ягнятъ стригти; 9) старостѣ перер. должность написать; 10) кобили зъ футора Гамал. у Перер. перегнать; 11) ревизѣю исправить; 12) ягнятъ, на баранцѣ оставленнихъ, не отлучать отъ овець, и телятъ на бугаи отъ коровъ; 13) зверхъ сего що пораднее—устроевать.

Четвер. 5. День былъ хмарній, вѣтряний и холодний, ночъ свѣтла, тиха, къ погодѣ хорошой. Рано виехалъ я зъ Глухова и пріехалъ на обѣдъ въ Тулиг., а по обѣдѣ поехалъ и мимоездомъ въ Кролевцу видѣлъ хату заложенную на гетманчиновомъ пляцу, а

пріехалъ на ночъ въ Подоловъ, где и ночевалъ у сестри Чарнишевой.

Пятокъ. 6. День былъ свѣтлій, теплій зъ жаромъ, толко вѣтрянъ къ вечору и тихъ. Ночъ свѣтла, погодна, тиха и ядрана. Рано зъ Подоловъ поехалъ до Андрѣевки верстъ зъ 2, оттоль до Ревутинець верстъ 3, оттоль до Обтова верстъ зъ 4, оттоль до Погорѣловки верстъ зъ 4, где осмотрувалъ купленного нового плита 105 колодъ, которіе рѣжутъ на тертицѣ сотню по 3 р., четверть жита, 10 квартъ гор., соли и сала по безмѣну; а давнихъ колодъ 47 еще осталось, якіе возятъ крисковцы въ Глуховъ, едучи позичать жито. Зъ Погорѣловки до перевозу зъ версту, оттоль, просто переехавши черезъ Десну на гору, до Іванкова верстъ зъ 10, а отъ Іванкова верстъ зъ 2 до Крисіокъ, куда пріехалъ 3-го часа зъ полдня. У пасѣцѣ старой пчоли крисковской 12 ставней, а сегодня рой молодий пойманъ и уставленъ въ улей.

Субота. 7. День былъ свѣтлій, теплій, тихій. Ночъ свѣтла, тиха и тепловата. Сей день продновалъ я зде въ Крискахъ, а старосту, отехавшого до моего сюда пріезду въ Чернѣговъ и знову ко мнѣ завернненого, отправилемъ туда жъ, и далъ ему червонного и таляра бытого. Да Оникіенку далъ на куплю 300 дранѣ 25 а., по полу полтинѣ сотня.

Неделя. 8. День и ночъ были свѣтліе, тихіе и теплiе, подобніе вчорайшимъ. Службы Божой въ Крискахъ слухалъ, а служилъ Исидоръ попъ Покошицкій и обѣдалъ тамъ же. По обѣдѣ позабавилъ, а у вечеру отехалъ и пріехалъ къ перевозу за полъ 3 часа, оттоль заездилъ до тертичниковъ, и пріехалъ позно въ Обтовъ и ночевалъ у попа Прокопья. У Крискахъ гор. 31 кухва, зъ которихъ 4 пересипалъ Вѣжевскій въ другіе кухви и показалось несходство противъ подпису, а именно меншъ: въ 1-й, не доходитъ квартъ 19, въ 2-й куѳѣ-переходитъ квартъ 25, въ 3-й, не доходитъ квартъ 22, въ 4-й, не доходитъ носатки и квартъ 26, итого не доходитъ носатка одна и квартъ 42.

Понедел. 9. День и ночъ были свѣтліе, тихіе и теплiе зъ болш ъ жаромъ, якъ и вчера. Рано зъ Обтова поехалъ до Кро-

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея, въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній, вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ, по мѣрѣ надобности, будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензій.